

Раифский Альманах

ежегодное православное издание

№2 (002), 2012

с. 4
**Иконы
Раифы**

с. 16
**Насадители
нивы Христовой**

с. 108
Углич

almanac

400-летию Раифской обители посвящается...

От издателя

Цель сборника «Раифский Альманах» —
христианское
и духовно-нравственное просвещение,
знакомство читателей
с православными традициями
и жизнью Православной Церкви...

На страницах «Раифского Альманаха» —
церковно-исторические труды, мемуары,
уникальные архивные материалы,
литературные произведения, оригинальные,
ранее не опубликованные
или незаслуженно забытые
святоотеческие труды...

«Раифский Альманах» представляет
читателям наших современников —
православных авторов художественных
произведений, музыкантов, фотомастеров,
художников...

Раифский
Альманах

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 г.

По благословию наместника
Раифского Богородицкого
мужского монастыря
архимандрита
ВСЕВОЛОДА
(Захарова)

Раифский АЛЬМАНАХ

Учредитель и издатель:

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

Ольга Крестинина

На 1-й стр. обложки:

Александр Семенов.
«Раифа. Поруганная святыня»

Свидетельство о регистрации сред-
ства массовой информации
ПИ № ТУ 16-00596 от 1.08.2011
Выдано Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций по Республике
Татарстан (Татарстан)

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>
Тел. (84371) 3-47-59

**Издательский отдел
Раифского Богородицкого монастыря,
2012. — 152 с.**

СОДЕРЖАНИЕ

с. 4
**Иконы “Преподобных Отцов
в Синае и Раифе избивенных”**

Мария МАХАНЬКО

с. 16
**Насадители
нивы Христовой**

Иеромонах ВЛАДИМИР
(Овчинников)

с. 25
**Христианское
просвещение
в Казанском крае**

Георгий МЮЛЛЕР

с. 54
**Памяти архимандрита
Владимира**

Александра
МАКАРОВА-МИРСКАЯ

с. 72
**Ансамбль
Воскресенской церкви**

Екатерина КЛЮЧЕВСКАЯ

с. 96
И.С. Морев

Анатолий ЕЛДАШЕВ

с. 100
Воспоминания

Наталия МАГНИЦКАЯ

с. 108
Углич

Андрей РОЩЕКТАЕВ

с. 140
**Рожденный
19 января**

Родион КОПОСОВ

*Раифский
Альманах*

Ублажаем вас, преподобнии мученики,
и чтем святую память вашу,
наставники монахов
и собеседники ангелов...

**Мария
Александровна
Маханько**

кандидат искусствоведения,
старший редактор редакции
Церковной археологии
и искусства
Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия».

**Иконы
“Преподобные
отцы в Синае
и Раифе
избиенные”
Тропарь преподобно-
мученикам,
глас 4**

**Боже отец наших,
творяй присно с нами
по Твоей кротости, не
остави милость Твою
от нас, но молитвами
их в мире управи
жизнь нашу**

Иконы, которые написали современные мастера, или которые представляют собой вставленные в раму репродукции, отпечатанные типографским способом, призваны восполнить утраченное иконное убранство Раифского Богородицкого монастыря. Их новизна может не вызвать внимания у историка или реставратора, профессионального художника или иконописца. Для молящегося материал, из которого икона «собрана» (бумага, печать или доска и традиционная иконописная манера), уже не так важен, как самый облик иконы, с помощью которой он должен обратиться к молитве. И потому каждая икона, из тех, что ныне

наполняют старые и новые храмы по всей земле Российской, исполняет то же назначение, что и древние, ныне большей частью утраченные образы. Утешением должно служить то, что современные иконы так или иначе восходят к древней художественной и иконографической традиции, произрастающей из Византии и Древней Руси, наследуют тем манерам, которые снискали любовь православных россиян в новое время. И даже их печатное, репродукционное качество напоминает о преемственности с древнейшими чудотворными оригиналами и традиционными иконными «досками».

Среди храмовых икон церкви во имя Преподобных отцов в Синае и Раифе избиенных есть несколько, которые изображают храмовый праздник.

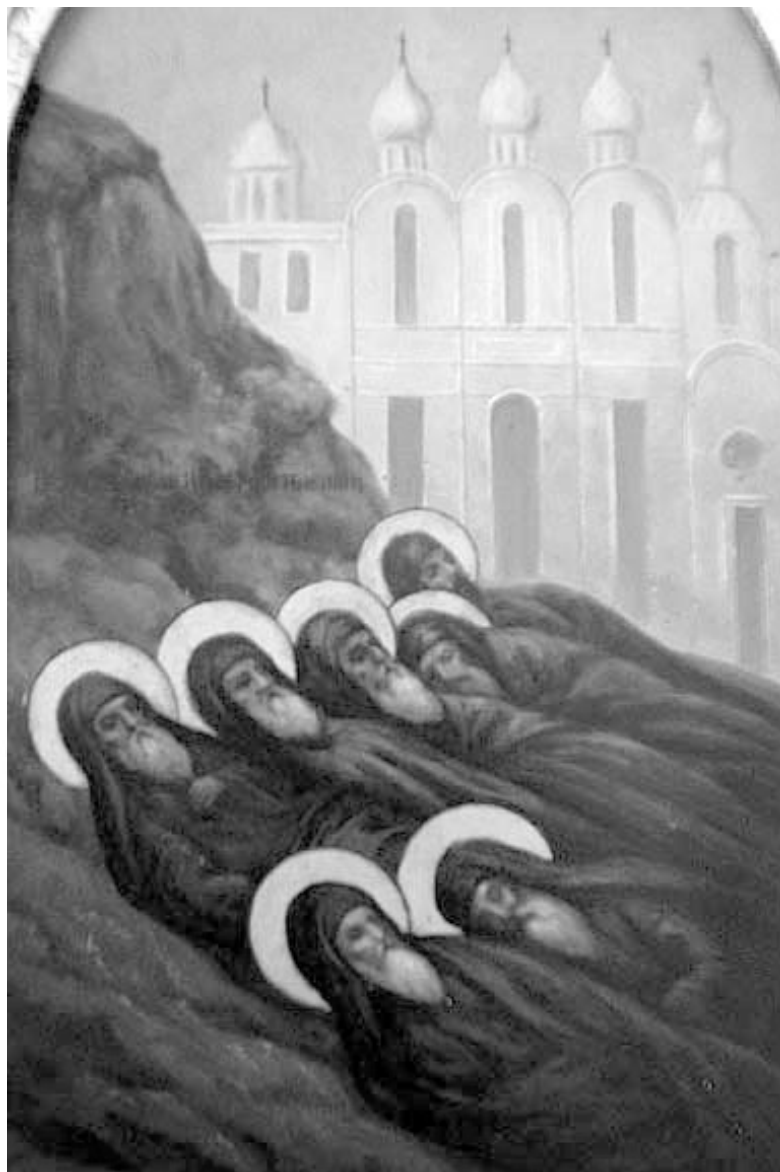
Вариантов для их исполнения представлено два. К первому относятся две иконы. Одна положена на аналой для поклонения и целования приходящих в храм (48 на 62 см.). Ее точное воспроизведение размещено на двери в храмовый жертвенник (правая дверь в иконостасе, ведущая в алтарь). Другой вариант представлен на иконе, находящейся в алтаре, слева от престола (42 на 52 см.). Эта икона

замечательна прежде всего тем, что имеет драгоценное вложение — часть мощей, уделенную свт. Анастасием, архиеп. Казанским и Татарстанским, и заключенную в круглый медальон на нижнем поле иконы.

Варианты композиций на этих иконах схожи. В обоих случаях на переднем плане у основания горы изображены лежащие ниц избиенные монахи. Они лежат в несколько рядов, тела их застыли в спокойных позах, лишь в некоторых случаях кто-то из братьев оказался лежащим на боку, склонив голову к находящемуся рядом, как если бы он обратился к нему еще живой. На заднем плане изображена церковь, трехглавая, с белыми стенами, лестничной башней, увенчанной широким куполом и придельной церковкой, купол которой самый маленький. Написанная на светло-голубом небе, как будто в лучах встающего ясным днем солнца, она кажется видением, мечтой, воплощением всего самого прекрасного, тем сном, что отныне суждено видеть павшим инокам, слившимся с землей.

На иконе, содержащей мощевик, композиция имеет все те же элементы: гора с левого края средника, поверженные, рядами лежащие монахи, изредка склонившие головы к лежащим рядом, желая разделить с ними обуревающую скорбь. Позади видна церковь, также со множественностью глав, сводов. Мастер, писавший эту икону, старался более придерживаться иконного

Ублажаем вас, преподобни мученики, и чтем святую память вашу, наставники монахов и собеседники ангелов

Икона «Преподобные отцы в Синае и Раифе избиенные».
в иконостасе храма, освященного в честь
Преподобных отцов в Синае и Раифе избиенных.
Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Икона «Преподобные отцы в Синае
и Раифе избиеенные» с мощевиком.
Раифский Богородицкий
мужской монастырь

Ублажаем вас, преподобнии мученики, и чтем святую память вашу,
наставники монахов и собеседники ангелов

канона и образцов. Он исполняет фон иконы золотом. Пишет гору в виде ярусных лещадок-уступов не столь темным, земляным по тону цветом, как мастер аналойной и иконостасной икон. Больше подобны иконе разделки ликов и одежд, с подчеркнутой графичностью, главной ролью линии. К иконным образцам восходит и рисунок церкви, имеющей разделенный на прясла фасад, покрытой сводами, с большим куполом в центре и малыми куполами по сторонам от него. Подобная церковь напоминает изображения киевского Софийского собора на русских иконах XVI в. и киевских гравюрах XVII в.

Всегда ли писали раифских и синайских отцов так?

Их изображения достаточно редки, но позволяют оценить, как почитали своих предшественников, убитых набежавшими кочевниками в IV-Vвв., те иноки, что поселились в обители уже после построения мощной крепости византийским императором Юстинианом (537). Древнейшие иконы сохранились в самом Синайском монастыре и представляют собой пару иконных изображений, своеобразный диптих. Они датируются XII в., последним временем, когда византийское государство еще хранило свои границы, позволяя процветать искусствам и духовной культуре. На каждой такой

иконе, одна — с образом отцов Синая, другая — отцов Раифы, в верхней части восседает Христос на престоле и в славе, как в композициях Страшного Суда, и образ Спасителя осенен круглым завершением иконной доски, как своеобразной аркой или куполом. К Нему в молитве приближаются Богоматерь, Предтеча, святые. В остальной части, ниже Деисуса, изображены рядами стоящие фигуры монахов. Эти иконы исполнены по образцу миней, только представляют подробный памятный перечень, «помянник» погибших. Каждый инок стоит отдельно, отличаются в деталях их одежды. Иконописец подчеркивает разницу ликов, позволяя представить их возраст: есть молодые, старцы, евнухи с одутловатыми лицами — и даже национальность: голова одного из монахов в нижнем ряду покрыта алым платом, подчеркивая, что это араб. Ровные ряды при внимательном всматривании также оказываются не столь однообразными: кто смотрит прямо перед собой, кто слегка оборачивается к стоящему рядом, у кого-то в руках книга, у другого — свиток. Сами руки могут быть сложены по-разному. В результате возникает ощущение единства — соборности и индивидуальности, где каждый — личность, но при этом неразделим с другими, братьями по судьбе и духу.

Однако эта композиция не получила распространение в поздних произведениях. Наиболее ранние изображения раифских и синайских отцов в русских

иконах представляют собой иные изводы, причем сразу несколько. Один из них — тот, к которому восходят композиции обеих современных икон из храма во имя Преподобных отцов в Синае и Раифе избиенных. Он известен из Строгановского лицевого иконописного подлинника (собрание рисунков-прорисей) (под 14 января) конца XVI — начала XVII вв. (в 1868 г. принадлежал графу Сергею Григорьевичу Строганову и был издан в Москве в 1869). Здесь нам встречаются знакомые элементы. На переднем плане — лежащие монахи на фоне горы, занимающей весь левый угол композиции. Гора для павших фигур подобна ложу, на котором возлежит Богоматерь, отдыхающая рядом с Младенцем в композициях Рождества Христова. Иноки лежат спокойно, прикрыв глаза, их руки прижаты к телам, головы некоторых упали на плечи. Их много, они плотно заполняют землю, после смерти как и в жизни пребывая вместе. За горой открывается вид на храм — трехглавую церковь на фоне стены. Эта церковь — совершенно московская по архитектуре: она имеет сводчатое перекрытие и арочное завершение на фасаде, окна располагаются в двух ярусах, главки и крыша покрыты черепицей, написанной как ровные лещадки. Поскольку подлинник является собранием рисунков, контурных набросков, мы не знаем, какими красками предполагалось писать этот вариант композиции.

Немного по-другому этот же

извод воспроизведен в отдельном небольшого размера клейме на иконе «Миняя на январь» того же времени, что и Строгановский подлинник (конца XVI — начала XVII вв.) из Церковно-Археологического кабинета Московской духовной академии. Основные элементы композиции те же: лежащие иноки, гора, храм. Изменились соотношения этих деталей между собой. Храм поднимается не сбоку горы-земли, а прямо над ней. Гора-земля служит ложем для павших братьев. Мастер отдает предпочтение вертикальному построению сюжета, благодаря чему его символическое значение обретает максимальное звучание: погибшие «за Христа» приобщаются земле, но на их подвиге поднимается Церковь Христова, укрепляется и держится правая вера, воплощенная в образе храма. Все иноки изображены здесь как схимники, на их главах куколи с красными крестами, такие же кресты на парамандах. На одном из нимбов читается подпись киноварью «Адам». В верхней части клейма на золотом фоне над главами церкви выведена киноварная подпись: «Стыи отцы избиенни в ра». Освобождение всей верхней зоны композиции позволило мастеру представить храм еще пышнее и крупнее: это не трехглавая постройка, а три отдельных, стоящих рядом храма или три церкви, вознесенные над стеной монастыря. Белые, с круглыми и арочными проемами, с машикулями-галереями вдоль линии стен эти строения

Ублажаем вас, преподобни мученики, и чтем святую память вашу, наставники монахов и собеседники ангелов

“Избиение прп. в Синае и Раифе”. Икона.
Мастер Первуша
Русь. 1-я половина XVII в.
Русский музей, Санкт-Петербург

Фрагменты иконы
“Избиение прп. в Синае и Раифе”.
Мастер Первуша
Русь. 1-я половина XVII в.
Русский музей, Санкт-Петербург

Ублажаем вас, претодобнии мученики, и чтем святуу память вашу,
наставники монахов и собеседники ангелов

создают образ прекрасного, наполненного зданиями ансамбля, своеобразного церковного града. Именно так представляли себе идеальный монастырь иконописцы и их заказчики в эпоху Позднего Средневековья, даже если подобный образ не соответствовал действительности.

Примерно в тот же период в начале XVII в. известен другой вариант композиции — с изображением непосредственного нападения и избиения монахов как в Синайском монастыре, так и в небольших пустынях и скитах в его округе. Этот драматический извод можно представить благодаря иконе работы мастера Первуши, ученика знаменитого московского иконописца Прокония Чирина, работавшего как и его учитель для именитых людей Строгановых. Она небольшого размера, пядница (без малого 36 на 30 см), т. е. предназначалась для личного, домашнего, келейного моления (теперь хранится в собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге). Однако композиция выписана столь тщательно, соединяет такое огромное количество деталей и тонкостей письма, что при увеличенном воспроизведении создается ощущение монументального памятника. В центре верхнего поля изображен сияющий медальон со Спасителем, облаченным в золотые одежды и двумя руками благословляющим. Весь средник плотно заполнен изображением ужасных избие-

ний монахов в разных обителях, крупной — Синайской в центре, и маленьких вокруг нее. Вся поверхность с монастырями, рассыпанными по скалам и у их подножия заполнена людскими фигурами: отряды воинов идут к Синайскому монастырю, небольшие группы и отдельные персонажи в воинских доспехах и дорогих облачения вторгаются в маленькие скиты, гонят, секут, протыкают копьями, расстреливают из луков. В отличие от своих убийц монахи не совершают резких движений и жестов. Они склоняются под ударами копий или в ожидании усекновения мечом. Гораздо больше их изображено стоящими на молитве в храме, склонившимися друг к другу. Они поддерживают друг друга и вместе припадают к земле. Двенадцать из их числа, написанные на первом плане, принимающие смерть от руки палачей выделены золотыми нимбами.

Несмотря на ужасное для современного человека содержание изображенного на иконе, само изображение подобно драгоценному изделию и воплощает исключительно идеалы о наиболее прекрасном. Мастер не скупится, расцветивая композицию. Монастыри и скиты он пишет как богатейшие по архитектуре дворцы и целые дворцовые ансамбли в окружении стен, с многоярусными башнями. Такая архитектура выполняет символическую роль ибо знаменует, конечно же, не реальное изобилие

пустынного Синайского полуострова богатыми населенными пунктами, сколько обозначает монастыри, пустыни и скиты и даже пещеры, в которых подвизались монахи, как воплощение идеального пребывания человека. Стены крепостей и зданий исполнены светлыми оттенками – розовым, золотисто-желтым, зеленым. Воины, наступающие на монастыри и преследующие старцев, облачены в золотые, украшенные доспехи, шлемы, несут щиты.

Это не буквальные портреты кочевников, но опять же символический образ земного воинства, гордого, сильного. Среди этого яркого, драгоценного звучания красок и золота фигуры монахов четко прочитываются благодаря сочетания скромных пятен коричневого и черного. В правом нижнем углу изображена парусная лодка на волнах залива. Рядом два войска стреляют друг в друга из луков. Здесь показаны завершающие эпизоды, когда нападение кочевников было прекращено благодаря помощи из ближайшего города. Однако для иконописца оба войска равноценны как часть земного, суетного мира. Истинным композиционным и духовным центром события остаются для него собравшиеся на молитву отцы Синая, перед лицом страшной смерти соединенные соборной молитвой. То, что над событием размышляли не только мастера иконописания и те, кто заказывал им подобные изображения,

становится ясно из записей русских путешественников. Во второй половине XVI в. «гость» (купец) Василий Поздняков совершил путешествие-паломничество по Святым местам Православного Востока, в т. ч. на Афон, Синай и Палестину. В его задачу входила раздача милостыни «на помин души» по родным царя Ивана Грозного. Столь высокое покровительство позволило купцу достичь самых далеких мест, в т. ч. и на Синайском полуострове, где ему рассказывали об избиенных отцах Синая и Раифы. Рассказ о них он запомнил и изложил в своем «Хождении».

Благодаря искусству русских иконописцев изображение далекого и страшного события приобрело образ напоминания и назидания, прославление Божественного промысла. Высочайшее мастерство позволило иконописцу связать множество отдельных деталей в единое целое и наделить его всеми признаками красоты, ведущей к умилению и умягчению суетных сердец.

Ублажаем вас, преподобии мученики, и чтем святую память вашу, наставники монахов и собеседники ангелов

Разрешный
Альманах

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае
— всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды
навсегда укрепили христианство на здешней земле

**Иеромонах
Владимир
(Овчинников)**

Насадители нивы Христовой

Монашество и утверждение Православия в Татарстане (XVI век)

Предлагаемая публикация направлена на уяснение двух вопросов, касающихся начальных шагов христианства на территории современной Республики Татарстан. Первый: возникновение отдельных очагов христианства. Второй вопрос: миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле.

Болгарский перекресток

Христианство в Казанском крае началось отнюдь не после того, как Иван Грозный взял Казань в 1552 году.

Да и удивительно было бы, если за полтора тысячелетия после рождения Христа здесь не появились бы Его последователи.

Выдающийся казанский историк Евгений Васильевич Липаков прямо говорит, что здесь «христианство появилось уже в первые века нашей эры, когда и во всей Европе. В период Великого переселения народов — в III-VII вв. — оно было уже до-

статочно хорошо известно. Об этом свидетельствуют находки нательных крестиков и других христианских предметов в захоронениях, городищах и селищах разных археологических культур этого периода» (1).

Высказывание Евгения Васильевича «когда и во всей Европе» вполне естественно подводит нас к распространенному воззрению: христианство — «европейская» религия.

Именно такой вывод делают почти все, когда рассматривают Великую Булгарию как важнейший перекресток торговых путей — водных и сухопутных караванных, — связывающих Азию с Европой. И с такой точки зрения выход болгар сюда — начало сближения с христианской Европой.

Тогда как на самом деле все происходило гораздо сложнее.

Булгары — один из тюркских народов Средней Азии, Семиречья, откуда они кочевали до Волги, а затем часть их двинулась дальше, до сегодняшней Болгарии.

Для тех, кто считает христианство «европейской» религией, представляется чисто внешнеполитическим шагом поступок хана Органа, который в 619 году ездил в Византию и принял там Православие, сие объясняют тем, что булгары приблизились к зоне влияния Римской империи и желали более дружественных отношений с ней.

Почему-то многие историки пренебрегают сведениями о том, что апостол Фома до проповеди

в Индии посетил Среднюю Азию и что апостол Андрей Первозванный свое последнее, третье, путешествие совершил опять-таки в Среднюю Азию.

Митрополит Омский (прежде, Бишкекский и Среднеазиатский) Владимир (Иким) в своем замечательном труде «Земля потомков патриарха Тюрка» напоминает:

«В древней Центральной Азии расцвет христианской веры начинается уже с III века по Рождестве Христовом, приводя к основанию мощных митрополий в Мерве, Самарканде, Невакете, созданию знаменитого Хорезмийско-Хвалисского архиепископства, провозглашению христианства государственной религией в огромной Эфталитской империи, проповеди Евангелия за Великой Китайской стеной» (2).

Это — в пору расцвета. А задолго до него, уже после апостолов, проповедь христианства доходила до восточных окраин Азии. «Официальные» миссионеры везде находили уже взрыхленную почву для своего посева.

Разумеется, сказывалась традиционная восточная веротерпимость. Но не ею только объясняется то, что вышедшие из недр Центральной Азии орды Чингисхана с уважением относились к Православию.

«Хотя первый повелитель Орды Чингисхан был язычником — монголом «черной веры», но и в своем возвышении, и в своих завоевательных походах, и в имперском строительстве он опирался на несториан» (2).

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Здесь мы касаемся темы, болезненной до сих пор. В V веке бывшие православными христианами Центральной и Средней Азии решили показать себя истинными верноподданными персидских и иных владык, которые подозревали их как шпионов Римской империи. Они объявили себя не подчиняющимися больше Антиохийскому патриарху и тем разорвали отношения со Вселенской Церковью, ушли в раскол, который теперь называют несторианским.

Несторианство боролось за влияние в Орде с исламом и в конце концов проиграло ему. Стремление превратить Азию в несторианскую империю не только не увенчалось успехом, но и постепенно свело почти на нет несторианские Церкви.

Боролось несторианство и с Православием, но упомянутая веротерпимость Востока не давала двигаться дальше мелких интриг.

В любом случае не следует думать, что болгары считали христианство «европейской» религией и что вторжение татаро-монголов внесло нечто совершенно новое в религиозную жизнь Среднего Поволжья. Ибо тюрки знали христианство издавна, а уже затем познакомились с исламом.

При этом веротерпимость доводила до такого смешения вероисповеданий, что большинство жителей Центральной и Средней Азии держалось языческих обрядов, пока верхушки общества исповедовали ислам или христи-

анство. При дальних откочевках с прежних мест обитания целые племена возвращались в язычество, как, например, половцы — будущие крымские татары.

Вот на каком поле пришлось сеять русским миссионерам после 1552 года. Поле сие было покрыто весьма разнообразной растительностью, где замечались и колосья Православия.

Да, эти колосья были! К 1229 году относится подвиг мученика и исповедника Христова — купца Авраамия Болгарского. Было бы странным предполагать, что сей святой — единичное явление. А сколько русских христиан находилось в Казанском крае в виде пленников! Только после взятия Казани их освободили десятки тысяч...

И даже плен так или иначе служил распространению христианства. Св. Варсонофий — будущий устроитель Спасо-Преображенского монастыря в Казани, а затем епископ Тверской — в юности три года провел в плену у крымских татар, изучил их речь и письменность, что и помогло ему потом при проповеди среди казанцев. Или вот другой святой — преподобный Никон Сухой из Киево-Печерской лавры — привел ко Христу своего бывшего хозяина-половца, у которого был в плену.

Между тем Промысел Божий готовил Казанский край к устройению нивы Христовой.

Власть Золотой Орды прикрыла Русь от римо-католических крестовых походов, эта же власть прекратила княже-

ские междоусобицы и упрочила единовластие в лице великих князей. Объединившееся и укрепившееся русское государство, наконец, смогло избавиться не только от влияния Орды, но и от опасных набегов казанских и крымских татар.

Монастыри — передовые укрепления

Оставляя в стороне многие исторические подробности, напомним только, что взятию Казани много содействовало быстрое возведение города-крепости Свияжска на западном берегу Волги. «Еще несколько лет после этого Свияжск находился на полувоенном положении, учитывая партизанское движение местного населения (татар, части чувашей и марийцев). Но все больше и больше выходило на первый план его новое значение — духовного центра покоренного края» (5).

Лето 1555 года прибыли сюда для устройства епархии в Казанском царстве первый ее архиепископ св. Гурий со своими главными помощниками — св. Германом, бывшим архимандритом Старицкого монастыря в Тверской епархии, и св. Варсонофием, игуменом Пешношским. Все трое были выходцами из Иосифо-Волоцкого монастыря, который за двести лет возрастал более двадцати архиереев!

«На самых же первых порах управления Казанской епархией

св. Гурий озаботился устройством монастырей в Казанском крае с миссионерскими целями. Он хотел, чтобы будущие иноки Казанских монастырей все время употребляли на проповедь слова Божия среди неверных и занимались обучением малолетних детей» (4).

К этим словам из жития св. Гурия и Варсонофия добавим заключение современного казанского историка Андрея Владимировича Рощектаева: «так сложилось в истории России, что именно монастыри, а не соборы и приходские церкви становились главными центрами проповеди Света Христова на всех новоприобретенных территориях» (5).

Потому-то и Свияжск все более становился городом при Свято-Успенском монастыре, который основал и возглавил св. Герман. Монастырь рос не только территориально, но росло его влияние на всю окрестность. В такой перемене определенная закономерность. На новых землях шла уже иная «война» — духовная, и вести ее должны были именно воины Христовы — монахи. Не случайно при пострижении иноков в наименование их облачений звучит воинская терминология, «одежды монаха воспринимаются как воинские доспехи, а жизнь монашеская — как борьба с дьяволом» (6).

Эта борьба требует совершенно иных знаний и умений. Но и на этой войне требуется не щадить себя ради спасения души, о чем постоянно говорил

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

святитель Гурий:

«Все настоящее время есть время трудов. Вознаграждение получается в жизни будущей. Небесные радости будут дарованы только тому, кто на земле подвизается и для получения благ нетленных оставляет тленные. Должно подвизаться несмотря ни на какие трудности и неудовольствия...» (4).

Не иное что-либо, но благоухание истинно святой жизни притягивало людей к святым Гурию, Варсонофию, Герману и к их ученикам.

Вот отчего в акафисте св. Гурию говорится, что он «привлекал к вере неверующих чистою Христовою любовью» (7), подтверждая слова Самого Христа: «Ищите же прежде всего Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам (Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 33). Так же поступал и св. Герман, к которому автор акафиста обращается: «Радуйся, наставниче, и словом, а паче примером жизни твоей наставлявший верных и неверных на путь Христов» (9).

Потому в акафисте св. Варсонофию и написано, что Бог, «Хотяй устроить спасение Казанских татар, научи тя, святителю, врачебной хитрости, да будеши им врач и телес, ты же, имея любовь богоподобную, принимал еси вся недужных, притекающих к тебе, указуя коемуждо на благопотребное врачевство, паче же на Всецелителя Господа Иисуса Христа» (8).

В те годы государство не нуждало церковных деятелей

гнаться за количеством новообращенных, даже сам царь Иван Грозный более радовался о глубоком вращении корней Православия, нежели о его скором распространении. Он обращается к св. Гурию: «Писал ты ко мне, что в городе Казани устроишь монастырь («Зилантов») и другие намереваешься строить. Доброе дело ты предпринимаешь: помоги тебе Бог за то... Блага речь ваша, чтобы старцам детей обучать и неверных в веру обращать. Учить же младенцев не только читать и писать, но читаемое право понимать и да могут и иных научать и бусурман. О Боже! Сколь счастлива была бы Русская земля, если бы все владыки старцы были, как преосвященный Макарий и ты» (4).

И, действительно, в сие беспокойное время отпадение новообращенных от Церкви под корень бы рубило все труды миссионеров. А мы знаем теперь, что когда много позже правительство возымело охоту применить административный ресурс и силой загонять людей в Православие, это лишь надолго замедлило христианизацию края. Тогда долгие десятилетия многие жители края только числились православными, едва каждый пятый из них оставался в Церкви, да и то формально, прочие возвращались в ислам и язычество.

О качестве духовного руководства первого архипастыря Казанского мы можем судить по одному примеру. Из Москвы в числе прочих со св. Гурием

отправились боярин Иоанн Застольский с сыном Нестором. Оба не только вели благочестивую жизнь под началом архиепископа, но приняли затем монашеский постриг с именами Иона и Нектарий. Они были похоронены рядом со своим духовным отцом, и когда в 1595 году открыли мощи святителя, обнаружили нетленные тела и одежды иноков-бояр, которые ныне почитаются в лике святых (10).

Косвенным подтверждением успеха миссии можно считать отсутствие исторических свидетельств об уходе новокрещенных из Церкви в то время, когда Казанский край то и дело охватывали волнения среди нерусского населения.

Во всяком случае, богослужбные тексты ясно показывают, что вместо разрозненных колосьев, и прежде росших в Казанском крае, появилась - и весьма скоро — нива Православия.

В акафистах свв. Гурию и Варсонофию мы читаем обращения к ним: «Радуйся, служитель Господень, предопределенный для возделывания новых нивы» (7), «Радуйся, насадителю нивы Христовы» (8). В службе св. Герману, составленной его современником, сказано то же самое: «Изволением Духа Святого, избранием Церкви и державным гласом кормила Казанския паствы приял еси, юже управляя словом истины, тщался еси представити Христу, яко ниву благовозделанну» (11).

Во время первой Черемисской войны 1552-1557 гг. документы упоминают о находящихся в русском войске татарах и — отдельно — новокрещенных (12), что не имело бы смысла отмечать при численности отрядов в несколько тысяч воинов. Эти данные, при отсутствии статистики, помогают определить число новообращенных если не тысячами, то многими сотнями.

Казанский «хай-тек»

Св. Герман не только основал в Свяжске Свято-Успенский монастырь, который быстро занял одно из почетнейших мест в Русской Церкви — его архимандриту было дано седьмое место по России, — но столь же скоро сделал обитель центром духовного просвещения. Библиотека монастырская при нем насчитывала 152 книги (3). Малая келлия св. Германа — три на два метра — в нашем сознании не сочетается с огромным значением монастыря, но зато еще более подчеркивает личный подвиг архимандрита при таком общественном делании.

«Насадители нивы Христовой» приобрели в Иосифо-Волоцкой обители не только любовь к чтению, собиранию и переписыванию книг. Наверняка не случайно именно уроженка Волоколамска доктор исторических наук Ирина Васильевна Поздеева на исходе XX века совершила замечательное открытие: наряду с диаконом Иваном Федоровым

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

первыми книгопечатниками России стали насельники казанских монастырей.

Она напомнила, что в послесловии московского издания 1564 года «Апостола» Ивана Федорова целью книгопечатания названа необходимость снабжения книгами церквей, которые «воздвигаемы бываху [...] во граде Москве и по окрестным местам, [...] паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его» (12).

Сопоставляя различные данные, ученые смогли установить, что типография была привезена в Казань в 1565-1566 годах, следом за прибытием св. Гурия и его сподвижников.

Казанский исследователь Евгений Иванович Григорьев доказал, что типография в те годы действовала не только в Казани, но и в Свияжске. Он пишет: «в Татарстане ... хранится 10 % (!!!) всех выявленных кириллических книг Российской Федерации» (13).

Неудивительно, что открытие сие совершено так поздно. Во-первых, Смутное время уничтожило многие важнейшие документы, оставив только сообщение о перевозке казанской типографии в Москву в 1620 г. Во-вторых, потребовалось слишком много времени, чтобы накопить и свести воедино разрозненные обширные данные о напечатанных книгах — изучить особенности шрифта, набора, бумаги и иных частностей.

Тех, кто интересуется подробностями, мы отсылаем хотя бы к указанным ниже источникам. А в

рамках данной обзорной статьи отметим, что книгопечатание на Руси в те годы было великим техническим новшеством — подлинный «хай-тек».

За советское время постепенно укоренился взгляд на церковную жизнь как на нечто отсталое, замшелое, безжизненно-мрачное, словом, — мракобесие. Но о монашестве можно повторить слова нынешнего архимандрита Московского Сретенского монастыря Тихона (Шевкунова) про Псково-Печерский монастырь: нет ничего более светлого, жизнеутверждающего. Общекультурная развитость всегда сочеталась и сочетается с технической, причем техническая развитость наших церковных деятелей не ограничивалась ни тогда, ни теперь храмоздательством и тому подобным. Скажем, тот же Иван Федоров ухитрился изобрести многоствольную мортиру.

Да и сегодня непредубежденный зритель церковной жизни может заметить, например, что сайт Казанской епархии в интернете едва ли не превосходит епархиальные сайты церковные и многие светские. Он имеет обширную базу данных, очень быстро обновляется, крайне удобен для пользователя. И, конечно, в его редакцию входят именно церковные люди. Так что казанский «хай-тек» в просвещении остается на высоте, заданной при зарождении епархии.

Более того, за все время существования епархии ее академия, семинария и монастыри служили

подлинными вратами на Восток для Православия. Именно через Казань вера Христова вернулась в Азию в самом чистом виде.

После кончины свв. Гурия, Варсонофия и Германа миссионерский дух в епархии начал ослабевать, как отмечают многие исследователи. Да и само Смутное время было обусловлено умалением Православия, общим угасанием благочестия. Дальнейший религиозный подъем к середине XVII века быстро был подрезан расколом и реформами Петра Великого.

В начале XVIII века государство решило взять в свои руки крещение на новых землях. Но это уже другая история. Для нас, правда, интересно, что и эту новую страницу миссионерства открывают монахи, в том числе иеромонах Алексей (Раифский - по месту пострижения), ставший затем настоятелем Свято-Успенского монастыря. И если Богу будет угодно, мы в будущем рассмотрим участие миссионерства в дальнейшем делании на ниве Христовой.

Источники

1. Е.В. Липаков. Архипастыри Казанские: 1555-2007. Казанская духовная семинария. Казань. 2007.
2. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Земля потомков патриарха Тюрка. Издательство Московской Патриархии. 2002 .
3. Минея месячная, ноябрь, 6-й день, Житие святителя Германа, архиепископа Казанскаго и Свяжскаго.
4. Жития святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовскаго. Книга вторая. Синодальная типография. Москва. 1904.
5. А.В. Рощектаев. Путеводитель по святыням Казанской епархии.
6. Митрополит Иларион (Алфеев). Обряды Православной Церкви. Издательство Московской Патриархии. 2012.
7. Акафист святителю Гурию, Казанскому и Свяжскому чудотворцу.
8. Акафист святителю Варсонофию, епископу Тверскому, Казанскому чудотворцу.
9. Акафист иже во святых отцу нашему Герману, архиепископу Казанскому и Свяжскому, чудотворцу.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

10. Жития преподобных Ионы и Нектария Казанских.

11. Минея месячная, ноябрь, 6-й день, Служба святителя Германа, архиепископа Казанского и Свияжского, стихиры на «Господи воззвах». Издательство Московской Патриархии. 1998.

12. В.Н. Татищев. История Российская. Части 2 - 4. М. — Л., 1962 - 1968.

13. Ирина Поздеева, доктор исторических наук, Анатолий Турилов, кандидат исторических наук. Казань — один из центров раннего книгопечатания. Гасырлар авазы — Эхо веков. № 3/4. Казань. 1993.

14. Е.И. Григорьев. Роль и значение Свияжского и Казанского кириллического книгопечатания середины XVI - начала XVII вв. в духовной и материальной культуре Казанского и Московского царств. Православный собеседник. Казанская духовная семинария. 2002.

**Георгий
Александрович
Мюллер**
историк

Христианское просвещение в Казанском крае

**от времен
начала
Казанской
епархии
до времен
революционной
смуты начала
XX века**

I часть Первопроходцы

Сразу после событий падения Казанского ханства Иван IV (Грозный) направил в Казань для подготовки учреждений новой Казанской епархии протоиерея Московского Архангельского собора Тимофея. Церковный Собор 1555 года учредил в Казани архиепископскую кафедру, в состав которой, наряду с Казанью, вошли московские фактории на казанской земле — Васильсурск, Свияжск, Царевококшайск (позднее), а также Вятская земля и Астраханское царство.

Астраханская епархия отошла от Казанской лишь в 1607 году.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Новый архиепископ должен был наблюдать не только ведение церковных дел, но и следить, чтобы новая администрация соизмеряла ведение мирских дел с соблюдением церковных интересов.

Владыка имел в распоряжении особый архиепископский двор при Благовещенском соборе, Воскресенский монастырь на Кабане. Помимо земельного участка в 500 десятин земли, архиепископскому монастырю были приписаны вновь созданные поселения на озере Кабан, Старая и Новая Архангельские слободы, заселенные монастырскими крестьянами, а также рыбные ловли на том же озере Кабан, мельница на Булаке.

Иван IV своей грамотой вменял в обязанность Владыке учить жителей христианскому закону, креститься для желающих, преступников с последующим их поселением на старую пашню и выплатой ясака.

Что касается татарского населения — тут Иван IV велел во всех случаях проявлять величайшую осторожность.

«Ласкою принимать татар, выслушивать их челобитья, печаловаться за татар перед наместником, освобождать их от смертной казни и смотреть, чтобы не было безчинья от казанских и свияжских воевод», — писал он. Обо всех бесчинствах подлежало немедленно доносить царю.

Особую роль Иван IV отводил монастырям, в которых видел центры христианского просве-

щения и миссионерства. Чтобы монашествующие не знали особой нужды, царь щедро раздавал им земли, разные угодья и «несудимые грамоты», по которым монастырские крестьяне получали разные льготы. Естественно, что приток крестьян из России на новые монастырские земли стремительно стал расти. Желая освободиться законным путем от произвола бояр и помещиков, крестьяне переселились в «Землицу подрайскую — землю Казанскую». Уходили даже с казенных участков, переселяясь в монастырские слободы. Терпению власти пришел конец при первых Романовых. В 1624 году правительство запретило впредь оброчиться у монастырей.

В 1555 году царь и митрополит, посвятив игумена Селижарова монастыря Тверской епархии св. Гурия в архиепископы Казанские, торжественно отправили нового святителя с духовенством, иконами и церковной утварью в Казань. По дороге в новую епархию св. Гурий сделал остановку в том месте, где впоследствии встал город Чебоксары. Здесь он благословил зарождавшийся город иконой Богоматери, указал место, где выстроить собор в земле язычников-чуваш. То была первая вежа, знаменующая начало большого пути.

Владыку торжественно, с крестным ходом встретили в Свияжске, и отсюда он отбыл в Казань.

Св. Гурий ехал не один, вез с

собою двух архимандритов: св. Варсонофия и св. Германа.

Св. Варсонофий в юности был захвачен в плен во время набега крымскими татарами. В плену выучил татарский язык. Это обстоятельство было важно для общения с татарским населением в Казани. В памяти татарского населения он остался как искусный лекарь, знающий толк в траволечении. Св. Герман по приезде в Казань стал заведовать всеми церквями Свияжского уезда, а после смерти св. Гурия был назначен казанским архиепископом. Св. Герман был яркой личностью — великий помощник людям, «муж разума многого, чистой и воистину святой жизни». Его честность и ум особенно ярко проявились в роковой для святителя 1568 год, когда он был вызван в Москву для суда над митрополитом Филиппом (Колычевым). В самый разгар опричнины он не побоялся встать на защиту Филиппа во время несправедного суда над ним. Царь не ожидал встретить отпор произволу в лице св. Германа. За это он вскоре попал в опалу и тайно был убит в следующем 1569 году. Святые мощи его до 1927 года покоились в Свияжском Богородицком монастыре, подверглись поруганию в годы советского богоборчества.

Святитель Гурий основал в Казани Зилантов монастырь и во всех монастырях — Зилантовом, Свияжском, Спасо-Преображенском — учредил школы для детей новокрещенных народов Среднего Поволжья: черемис, татар, чу-

ваш, мордвы, вотяков (удмурт). В основном для нужд священства.

Примечательно, что в тех же школах учились и дети русских поселенцев. Св. Гурий сам составлял учебные пособия и подбирал программы обучения. Предметами учения были азбука, составленная св. Гурием, а также псалтырь, часослов, изложение вероучения мусульман и народов, исповедующих языческие культы.

За 9 лет святительства св. Гурия несколько тысяч человек из числа коренных народов Поволжья приняли православие. Первыми учителями тех школ, принесших Свет Христов на Среднюю Волгу, были иноки монастырей. Для многих выпускников тех первых школ личным примером была жизнь святителя Гурия: всем образом своей жизни, делами христианского участия к судьбе каждого, кто шел сюда, желая вырваться из тьмы невежества, духовной безысходности и пустоты.

Не случайно первые священнослужители края вышли именно из эпохи св. Гурия. Посмертная слава святителя многократно возросла спустя годы после его смерти, когда в 1595 году при переносе останков св. Гурия и Варсонофия были вскрыты их гробы.

Народ, на глазах которого состоялся этот перенос, стал свидетелем чуда. Глазам присутствующих предстали нетленные мощи святых мужей, от чего все пришли в неопису-

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

емый духовный восторг. Тогда казанским митрополитом был Гермоген, будущий патриарх и великомученик. Гроб св. Гурия оказался полон благоуханного мира, как чистой воды... Тогда же, как рассказывает предание, митрополит помазал себя и всех присутствующих по желанию их миром, отчего вскоре последовали разные исцеления от недугов. Под впечатлением этого события митрополит Гермоген вскоре составил жития святителей, где повествуется и о чудесах, источаемых от святых мощей святителей.

Прибывшее в Казань одновременно со св. Гурием приходское духовенство стало стремительно пополняться на местах «выборными» из мирян. Стали воздвигаться храмы, выбирали в «духовные» грамотных людей, платили им ругу. Казенное жалование было небольшим.

Первым быть всегда тяжело. Развитие общего и христианского просвещения часто наталкивалось на противодействие и даже вражду. Служители культов традиционных религий дружно встретили в штыки соперников по духовному влиянию на местное население. В ход шли всевозможные запугивания, кары языческих идолов, которые сулили вероотступникам, подкуп и шантаж.

Нередки были и народные возмущения, истоком которых и причиной было религиозное единомыслие и желание удержать в сфере своих интересов коренное

население. Не случайно этот период христианского просвещения совпал с полосой долгих черемисских войн от Волги и до Урала. Отпад от православия затронул даже тех русских переселенцев, что жили в услужении у западноевропейских купцов, торговавших в крае. Жили, в основном, у немцев и часто переходили в лютеранство или католичество. И тут возвысил свой голос против церковного настроения митрополит Гермоген.

С 1593 года правительство стало переселять новокрещен в русские поселения, наказывая отступников тем, что передавали их земли крещеным.

Однако число новокрещенных к концу XVI века увеличилось слабо, да и в начале XVII века известно лишь некоторое количество случаев крещения мещеряков, мордвы. Соборное Уложение 1649 года урезало права иноверцев, а в 1681 году был даже издан указ, по которому мурзы, имеющие вотчины с христианским населением, обязаны были креститься, иначе вотчины у них отбирались, а взамен выделялись земли некрещеной еще тогда мещеры и частично мордвы.

Это было время, когда монастыри становились центрами общего просвещения края и христианского, в частности — Седмиезерский, Раифский, Спасоюнгинский, Ильинский, Болгарский активно включились в массовую миссионерскую работу с местным населением.

Переход в православие давал неоспоримые преимущества новокрещенцам. Через крещение открывался их путь не только к общему, но и европейскому просвещению. Что было важно в условиях надвигающихся петровских реформ. Процесс перехода в христианство захватил тогда много магометан — мурз и служилых татар. Это обстоятельство не могло не потревожить магометанское духовенство, обладавшее неравными силами в сравнении с миссионерами православия, которых поддерживало государство. Такое недовольство политикой государства часто имело последствия в форме стихийных всплесков народного возмущения нерусских народов, активно подогреваемых служителями нехристианских культов и ислама. Да и миссионерство тех лет нередко носило грубый, невежественный характер. Неумелая, часто малограмотная пропаганда учения Христа, нередко подкрепленная силовым давлением, часто имела обратный результат — массовое отпадение от христианства вновь крестившихся.

Лишь вступление на престол царя Петра I придало христианскому просвещению решительный характер. Так, отправшие от Христа, по царскому указу лишались права наследования после крещеных родственников. Митрополит Казанский Тихон (1699 — 1724 гг.) за время своего святительства в Казани поставил на первый план крещение иноверцев. С 1701 по 1705 год

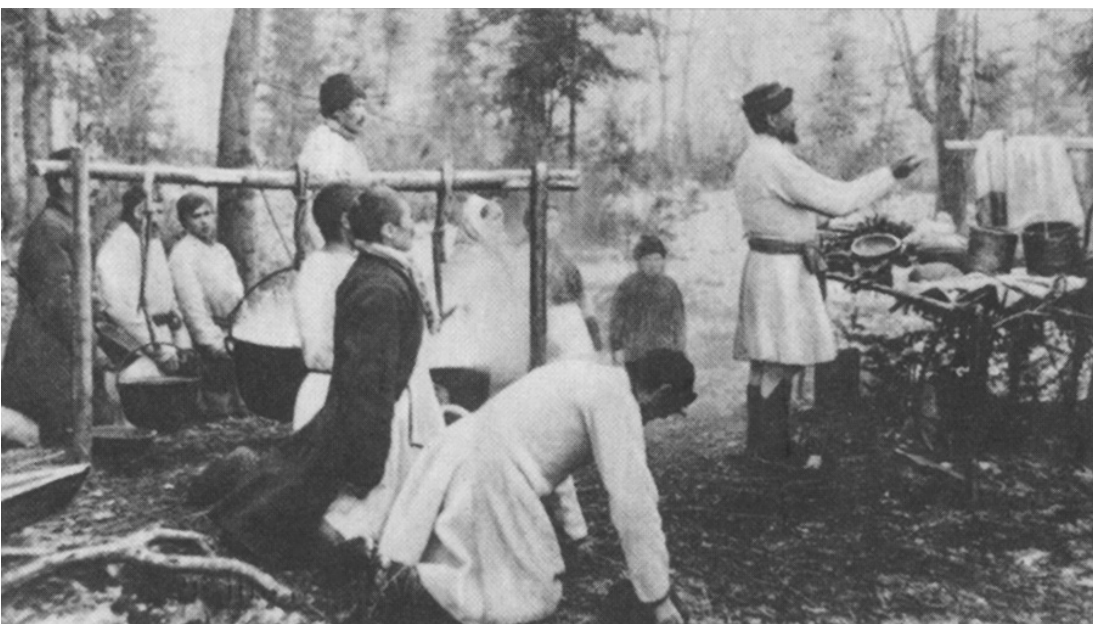
он крестил 3683 из числа нехристиан с помощью ключаря Казанского Благовещенского Собора Федора.

II Часть Алексей Раифский

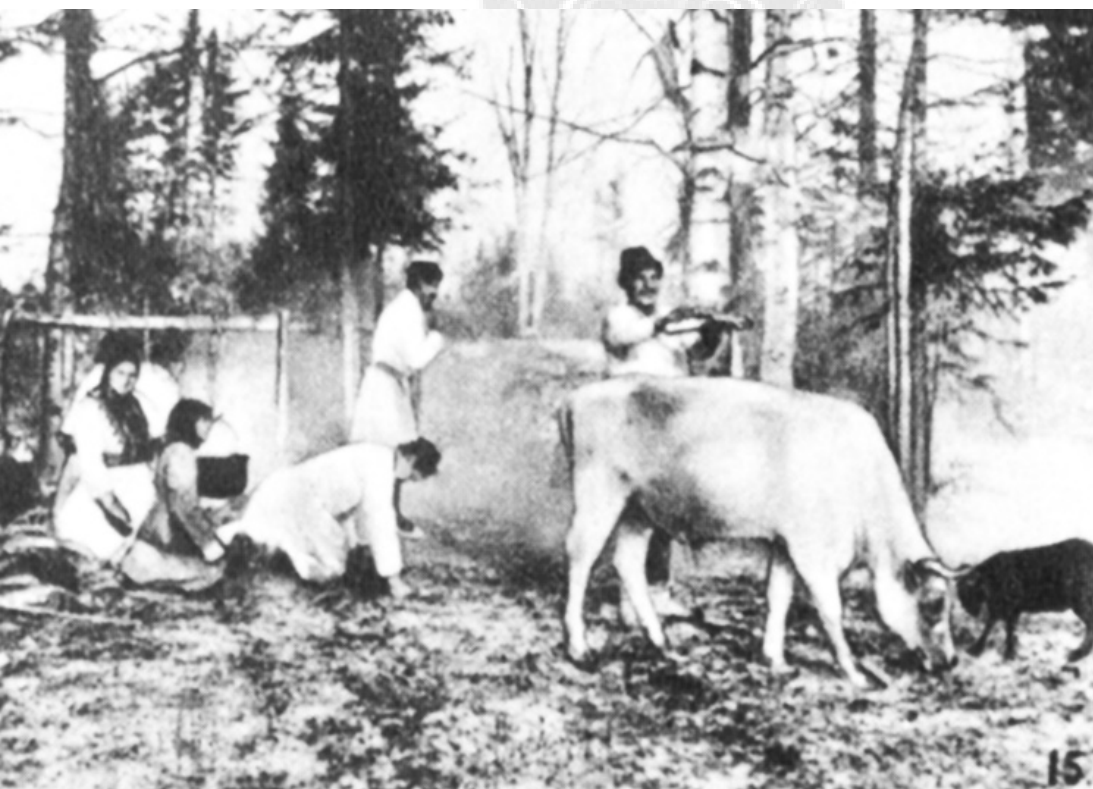
Алексей Раифский, оставивший яркую страницу в истории крещения черемис Казанской епархии, и был сыном этого Федора.

Иеромонах Алексей, будущий архимандрит Свяжский, помогая отцу, не только крестил более трех тысяч черемис, но и активно участвовал в строительстве для них семи церквей. Российское правительство и Православная Церковь вполне сознавали, что политика христианизации, крещения нерусских народов, чуждых по духу православию, скорее формальный акт, а не внутренняя духовная потребность. Монастыри, на которые изначально легла организация миссионерской деятельности, оказались перегружены задачами массовой пропаганды христианского вероучения одновременно с ликвидацией общей безграмотности населения. Не хватало ни сил, ни средств, ни времени. Необходимо было перестроить всю систему миссионерской деятельности. Для этого правительство указом от 23 августа 1731 года создает комиссию для крещения инородцев Казанского края. Местом ее размещения был выбран Свяжск, где в 1555 году св. Герман

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Языческий обряд в марийский лесах.
Фото из журнала "Огонек" 1912 года.

основал Успенский Богородицкий монастырь, и где уже был наработан опыт православного просвещения и миссионерства еще со времен Ивана Грозного.

Исправлять новокрещенские дела согласно указу, поручалось произведенному в архимандриты Свяжского Богородицкого монастыря, казначею Казанского Архиерейского дома, иеромонаху Алексею Раифскому.

Первый опыт миссионерской деятельности он приобрел в Раифском монастыре, где вместе со своим отцом-священнослужителем принимал участие в массовых крещениях язычников черемис. Отсюда, из Раифы, эти два подвижника православия, пренебрегая явной опасностью для жизни, совершали без всякой охраны длительные поездки в лесные марийские деревни. Там силой проповеди, личным примером, убеждая язычников в пагубности их заблуждений на их родном марийском языке (Алексей им овладел в совершенстве), семья миссионеров имела весьма ощутимый успех — более трех тысяч крестившихся. Пустели рощи языческих богов, зарастали травой поляны вокруг священных дубов. Терпели поражение в спорах с миссионерами местные жрецы верховного бога язычников Юмо. Стучали топоры в дальних марийских поселках — строились первые христианские храмы. С тех пор Алексей и вошел в историю под именем Раифского. Изначальный успех миссии Алексея Раифского

и определил его последующую деятельность.

Созданная в 1731 году комиссия имела весьма широкие задачи, прежде всего, географические — крещение инородцев всей Средней Волги, где предполагалось «иноверцев ко святому крещению призывать, и кто из них пожелает, тех святым крещением просвещать, и в содержании православной веры по христианской должности обучать и в том прилежное смотрение, по искусству своему, иметь...»

Вначале вся миссионерская работа проводилась через новокрещенскую комиссию, которая через 2-3 года была названа Конторой новокрещенских дел или Новокрещенской конторой.

Свяжский Богородицкий монастырь, подчиненный Святейшему Синоду, выполнял прямую государственную задачу — святое крещение нехристианских народов Поволжья.

В первый год существования комиссии, в 1731 году, было крещено 108 человек. Из семей новокрещен было отобрано 15 подростков мужского пола, для которых была создана специальная школа.

Это были наиболее способные, развитые подростки из числа нерусских народов — первое поколение кадровых будущих миссионеров. Для ведения миссионерской работы от казанского архиерея архимандрит получил 3153 рубля 78,5 копеек денег. Эти деньги шли на приобретение

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Монах
на рыбалке.
Фото
Арнольда
Бренинга.
1914-15гг.

подарков для новокрещен: 500 медных крестов, 30 кафтанов, 30 шапок, рубахи. Для разъездов комиссии была положена лошадь. Содержание ее (фураж) входило в эту сумму.

Штат конторы, содержавшейся за счет Казанской епархии, был небольшим — 4 человека: канцелярий И. Никитников, законоучитель В. Свинцицкий, копиисты А. Андроников и Л. Судовиков.

Несмотря на реорганизацию, трудностей в работе Новокрещенской конторы было немало: не хватало специальных кадров христианских просветителей, способных вести диалог с иноверцами на их языке, новокрещены должны были иметь реальные льготы в сравнении с теми, кто не принял святого крещения или колебался, иначе вся работа миссии сводилась к нулю.

Весной 1732 года Алексей Раифский предложил свое видение, свой проект перестройки миссии Святейшему Синоду. Его предложения сводились к 3 моментам: организационно укрепить комиссию дополнительными кадрами, поставить «на поток» подготовку церковных кадров из числа нерусских народов, дать дополнительные льготы новокрещенам и священнослужителям миссии.

Проект был одобрен с оговорками, что содержание школы детей новокрещен будет осуществляться за счет доходов Свяяжского Богородицкого монастыря. Учащиеся новокрещенской школы освобождались при

их аттестации в качестве попа, пономаря и дьякона от положенных в то время государством пошлин, также освобождались от взимания венечных памятей и лазаретных денег для тех, кто женится в льготные три года.

Восемь первых лет существования специальной миссионерской организации Поволжья в целом было успешным. На путь православия было поставлено 2140 человек. Ежегодно в среднем на 267 человек, практически из всех народов Поволжья. В этих списках преобладали мордва, черемисы, вотяки, но немало было башкир и татар. К работе в миссионерской школе Алексей Раифский привлек весьма квалифицированные кадры. Славяно-греко-латинскую грамоту здесь преподавал Василий Пущех-Григорович, ставший после подавления пугачевского бунта казанским митрополитом; привлекли священнослужителей, знающих татарский, бурятский, калмыцкий языки.

Новокрещенская контора в местах обитания новокрещен занималась и строительством храмов.

Так, в период 1734-1735 годов было выстроено три деревянных храма, но денег хронически не хватало и со временем их строительство уменьшилось. Новый архиерей Казанской епархии епископ Лука Конашевич с переездом в Казань начал активные кадровые перестановки. Алексей Раифский был отстранен от руководства Новокрещенской

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

конторой. Здоровье его резко ухудшилось. 28 мая 1740 году он тихо отошел ко Господу. Все свое небогатое имущество завещал раздать монастырям, церквам и отдельным священнослужителям.

Совместным решением Сената и Святейшего Синода от 17 декабря 1739 года по вопросу устройства Новокрещенских дел вся ответственность за миссионерскую работу была возложена на нового архимандрита Свяжского Успенского Богородицкого монастыря отца Дмитрия (Сеченова).

Время Луки (Конашевича) – архипастыря Казанского края

В 1738 году Казанскую епархию возглавил епископ Лука (Конашевич) – воспитанник Киевской духовной академии, горячий поборник христианского образования.

С его именем связана серьезная перестройка работы казанской семинарии. Вскоре она достигла такого уровня преподавания, что ни в чем не уступала академиям. Близ озера Кабан в Казани епископ Лука выстроил новокрещенскую школу с церковью святых Захария и Елизаветы.

Архимандрит Свяжского Богородице-Успенского монастыря отец Дмитрий (Сеченов) был выпускник знаменитой Славяно-греко-латинской академии братьев Лихудов, за ревностный труд по обращению иновер-

цев в православие возведен в сан архимандрита и назначен управителем новокрещенских дел Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний.

Его жизнелюбие и неиссякаемая энергия, помноженные на веселый нрав и остроумие, делали его необыкновенно популярным в Свяжске и его окрестностях. В нем многие видели продолжателя дела святителя Германа. Высочайший указ от 11 сентября 1740 года предписывал начать активную работу по христианскому просвещению на более совершенном уровне. Так, программа минимум обучения крестившихся включала основы христианской веры: учение о едином Боге, Воскресении, святом крещении, основные молитвы: «Отче наш», «Богородице Дево радуйся», «Символ веры», «Десятисловие с толкованием» и другие. Предписывалось миссионерам при крещении действовать «по образу апостольской проповеди со всяким смирением, тихостию и кротостию и без всякого кичения».

Указ устанавливал обширные льготы для новокрещенных – освобождение на три года от налогов и сборов – «подушных денег и чрезвычайных поборов не спрашивать». Чтобы избежать соблазна «отпада» в прежнюю веру, указ ввел понятие «восприемник», то есть духовный наставник, обязательный для всякого новокрещена. Учитывая опыт работы с инородцами в

прошлом, указ детально разрабатывал вопрос о переселении новокрещен на свободные плодородные земли между Саратовом и Царицыным. Здесь государство рассчитывало «убить сразу двух зайцев»: оторвать их от родной среды, которая как показывал прошлый опыт, всегда способствовала «отпаду» в прежнюю веру. Ведь только общее поселение новокрещен способно было создать моноконфессиональную среду. И с другой стороны — такие поселения стали бы надежной защитой южно-российских границ от бесконечных набегов диких орд калмыков, ногайцев и крымских татар. Увы! Переселений не состоялось. Помешал пугачевский бунт. «Щит» на южно-русских границах, уже после его подавления, составили переселенцы из Германии, вошедшие в историю как «поволжские немцы».

Указ 11 сентября 1740 года предусматривал различные подарки и денежные вознаграждения крестившимся. Знатность происхождения давала право на солидные выплаты и ценные подарки.

Предполагалось открыть целую сеть новокрещенских школ в крае. И они появились. В Казани в Федоровском монастыре, дворцовом селе Елабуге, в Цивильске и Царевококшайске.

Темпы христианского просвещения в среде нерусских народов стремительно нарастали. В 1742 году протопоп Г. Давидов крестил 3342 черемиса в Царевококшайском уезде, другой

протопоп И. Филиппов крестил 108 мордвин в Керенском уезде, иеромонах В. Пуцех-Григорович — 282 человека разных вер.

Одновременно, с ростом таких темпов, стало, однако, расти и протестное движение в среде татаро-башкирского населения. Вскоре оно приобрело характер «столкновения креста и полумесяца». Не учитывалось важнейшее обстоятельство, что ислам — соперник христианства в борьбе за души людей. Исламское мировоззрение, впитанное с молоком матери, изменить было почти невозможно.

Ошибка миссионеров состояла в том, что они рассматривали ислам, как обычное языческое заблуждение, в то время как ислам — одна из мировых религий, имеющая вековые традиции в среде татарского и башкирского народов.

Чтобы изменить веру в душе человека, требовалась усиленная работа духа самого человека. При общей забитости и духовной нищете населения такая работа была невозможна. А православные миссионеры, в массе своей плохо знакомые с основами ислама, не владеющие татарским языком, при всей своей горячей приверженности и убежденности в истинности православной веры, обречены были с самого начала на неуспех.

Казалось бы, осознавая это, следовало бы вовсе отказаться от миссионерства среди мусульманского населения. Однако этого не произошло.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Последовал печальной памяти указ от 19 ноября 1742 года, по которому правительствующий сенат приказал «все имеющиеся в Казанской губернии новостроенные за запретительными указами мечети, по силе Святейшего Синода определения и посланного в Казанскую губернскую канцелярию указа, а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческого исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить не допускать, и того Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниях накрепко предостерегать».

То есть закон предусматривал, что все мечети в селениях, где имелись крещеные, разрушить, кроме того, слому подлежали все мечети, построенные за «запретительными указами».

В итоге в Казанской губернии было частично разрушено до 500 мечетей. Чаще всего разрушали минареты. Эхо разрушений прокатилось не только по Казанскому краю. Мусульманские храмы разрушались и в других губерниях России. Деятельность Луки Конашевича, в части его разрушительных акций по отношению к мечетям, лишь только обострила неприязнь магометанского населения к православию.

Вступление на престол Екатерины II положило конец его ревностным антимусульманским акциям. Л. Конашевича перевели в другую епархию, новокрещенская контора прекратила свою деятельность. Была объявлена веротерпимость, и разрешение

мусульманам строить мечети на 250 душ населения.

Екатерина II настрого запретила чинить какие-либо препятствия кому бы то ни было в отправлении культов, подчеркнув, что вера есть состояние души.

Хроника развития православных учебных заведений в I половине XVIII века по Казанскому краю

В 1707 году митрополит Тихон учредил в Казани училище для детей поволжских народов нерусского происхождения. Спустя год он учреждает славяно-латинскую школу для детей духовенства.

В 1718 году при Казанском Адмиралтействе открывается цифирная школа. Здесь преподавали и светские предметы: математику и геометрию для детей церковного притча, дьяков, подьячих и прочих чинов, кроме шляхетства.

Славяно-латинская школа была открыта при Федоровском монастыре на 52 человека. Здесь, помимо азов грамотности, подробно изучали грамматику. Известно, что это была интернациональная школа. Здесь учились дети крещеных татар, мордвы, черемис. При митрополите Сильвестре к ней приписали вотчины двух упраздненных монастырей с 549 крестьянами. В 1726 году в ней обучалось 80 человек, а ко времени ее преобразования

в духовную семинарию в ней было 180 учащихся. В 1728 году, ее выпускник Иван Дмитриев, по происхождению крещеный татарин, впервые получил место в крещено-татарском селе.

В 1732 году митрополит Иларион Рогалевский строит здание для духовной семинарии, существующее и ныне. Первыми учителями в ней были выпускники Киевской духовной академии. Изначально семинария помещалась в Зилантовом монастыре до постройки специального корпуса. В шести ее классах обучали наряду с другими предметами программного цикла латинскому и греческому языкам. За основу была взята программа Киевской академии.

Тяга к просвещению была необыкновенно сильна. Наряду с семинарией было решено открыть еще 4 иногородческих училища: при Казанском Федоровском монастыре, в дворцовом селе Елабуга, в Цивильске, в Царевококшайске — по 30 учащихся в школе. В школы принимали как крещеных, так и некрещеных лиц нерусского происхождения.

Свияжское училище было открыто в 1739 году вместо Цивильска, в Казани в 1745 году, в Елабуге и Царевококшайске в 1750 году.

С учреждением в Свияжке при Успенском монастыре Новокрещенской комиссии ожидалось, что миссионерская работа завершится полной христианизацией народов Поволжья. Действительно, с 40-х годов в

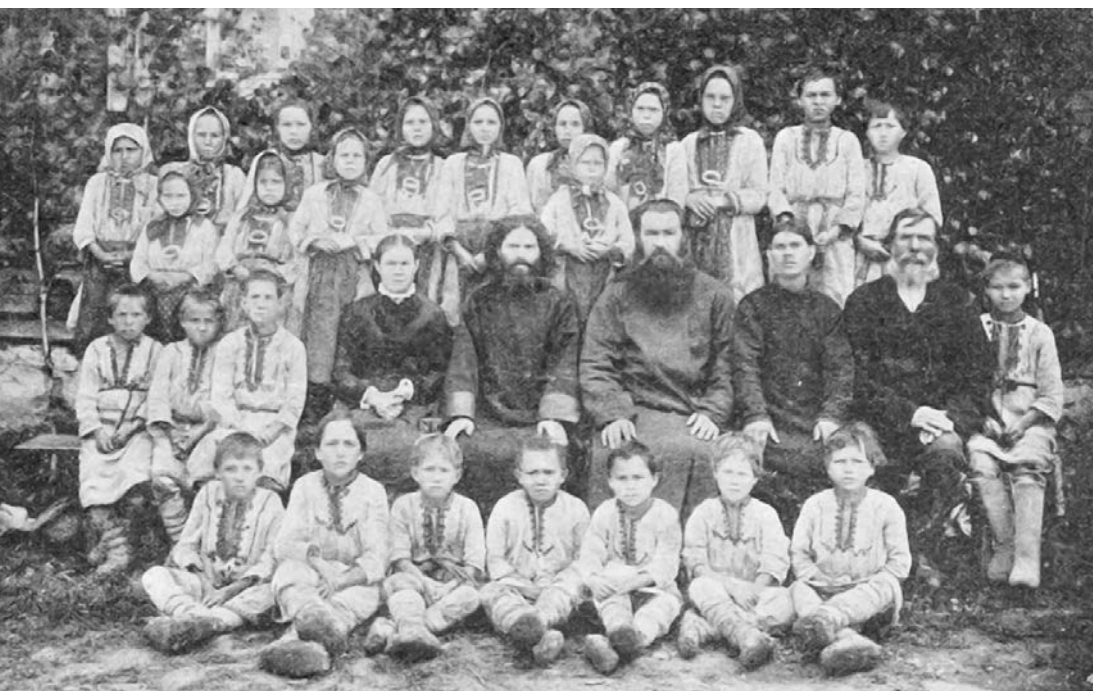
правление императрицы Елизаветы Петровны были крещены тысячи жителей. Отчеты Новокрещенской комиссии свидетельствуют, что с 1741 по 1756 год крестилось до 430 тысяч человек, но и количество отпавших от Христа исчислялось тоже тысячами. Просчеты и промахи такой повальной христианизации общеизвестны: это и «выверты» Луки Конашевича, это и сдача новокрещен в крепостную зависимость под предлогом обучения христианству у восприемников (а крестившийся втайне надеялся, что приняв Христа, он станет свободным), это и политика правительства царицы Анны Иоанновны, обязавшая духовенство участвовать в воинской повинности.

Ислам выигрывал в борьбе за народные души. Медресе при каждой мечети давало населению не только азы грамотности, но и представление о мире, в котором живет человек. Мулла в мечети был не только учителем, но и судьей, и врачом, и советником в любом житейском вопросе, был более открыт сердцем к простолюдину, чем приходской батюшка.

С переводом в 1753 году иноверческой школы в Казань, качество христианского просвещения выросло. И учащихся в этот период было много. Только одних чуваш в период с 1740 по 1764 год закончило около 300 человек.

С переменным успехом шло крещение вотяков, черемис, мордвы. Что касается татарских поселений, то результаты здесь

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Русско-марийский класс. Фото из частного архива

Русско-чувашский класс. Фото из частного архива

были более чем скромные, по причинам вышеописанным.

Известно, что в татарской части Казани было выстроено две церкви: во имя Захарии и Елизаветы, и во имя св. Екатерины. Около первой разместилась новокрещенская контора со школами, просуществовавшими до 1804 года. Закат ее ясно показывал, что в деле христианского просвещения нужны принципиально иные подходы.

Эпоха Екатерины II и православное просвещение

Уже в середине XVIII века стало ясно, что всякое насилие в распространении православия неприемлемо. При императрице Елизавете Петровне в религиозной политике наметился переворот в отношении не православных вероисповеданий, но самый решительный шаг на этом пути сделала Екатерина II. В ее царствование активно начали утверждаться идеи веротерпимости. Языческие культы, столь жестко истребляемые и не изжитые до конца, стали возрождаться. Резко изменилось и отношение к исламу, который перестал быть гонимой религией.

В «Большом Наказе Екатерины Великой Уложенной комиссии» царица. Между прочим, писала:

... «В столь великом государстве, распространяющем свое

влияние над столь многими разными народами, весьма вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение различных вер».

Царица решительно отменила выплаты за крещение. Некрещенные перестали вносить все платежи за новокрещен, которых приравнивали к государственным крестьянам. Было запрещено использовать насилие при обращении в православие. Мусульманам разрешено было строить не только деревянные, но и каменные мечети, открывать школы при них.

Для заведования всеми духовными чинами магометанского закона по указу императрицы было учреждено мусульманское Духовное Собрание, которое ведало не только постройкой и ремонтом мечетей, заключением браков, но и решало имущественные, семейные и наследственные дела по законам шариата.

Указом от 17 июня 1773 года провозглашалась «терпимость всех вероисповеданий». В переписке с французским философом Вольтером Екатерина II очень удивлялась, что ее августейшие предшественники столь долго держали в рабском состоянии народы «силою и жестокостию к послушанию лукавому, притворному инородцев склоняли...»

Воспитанная в цивилизованной Германии, царица была полна планов в расширении свобод — религиозных, прежде всего. Так, исламу в России была придана государственная органи-

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

зация, на манер лютеранской в Германии. В Уфе и Крыму были учреждены должности муфтия, при них — духовные собрания. Должности приходских мулл (ахунов, имамов) утверждались указами губернских правлений. В Казани за государственный счет был отпечатан «Коран» и другие религиозные книги ислама. Все эти нововведения заслужили авторитет Екатерины II в среде татарского населения. И по сей день в памяти татарского народа Екатерину II ласково называют «Аби-патша» («Царица-бабушка»).

Спустя четыре месяца после выхода указа о веротерпимости вспыхнул Пугачевский бунт. И благодарные поволжские народы сполна «отплатили» матушке царице массовым присоединением к бунту Е. Пугачева. Когда армия пугачевцев победоносно шествовала на Москву, царица с ужасом решала, как привести «всех сих заблудших овец к истинному верному стаду?» Прозрение наступило сразу после подавления этого интернационального бунта. Царица резко прекратила все либеральные начинания, твердо уверовав, что в этой стране, где она является вершителем судеб, народы не пережили периода своего рабского состояния и не готовы к переменам, в которых уже давно живет западное общество.

Правительство Екатерины II после пугачевских событий обращает внимание в основном на светское образование. В 1785 году учреждаются в губернии главные и малые народные учи-

лища. Иностранческим школам внимания практически никакого не оказывалось и на рубеже века девятнадцатого они тихо закрылись.

Вклад или роль Казанской духовной академии в деле христианского просвещения неправославных народов Поволжья

Новый XIX век плавно перенес, впитал в себя все следствия, весь опыт и практику своего предшественника, века восемнадцатого.

Следствием либеральных начинаний Екатерины II стало живейшее распространение ислама. Открытая агитация его преимуществ привела к тому, что в 1802-1803 годах новокрещенные татары и чуваша возбудили первое ходатайство о разрешении перейти в ислам и язычество. Успех этого первого предприятия привел к тому, что с 1827 года началось первое массовое отпадение от православия — 138 сел и деревень. В последующем — отпадения не прекращались. В 1862 году отпало 30 тысяч человек. Чтобы сдержать волну отпадов, возникла необходимость создавать новые миссионерские школы и они, робко, стали появляться.

Казанский архиепископ Амвросий инициировал издание

богослужбных книг на языках поволжских народов. В 1830 году при архиепископе Филарете создается постоянная миссия, функции которой стремительно растут.

Вскоре вызрел проект миссионерского института. Наконец, в 1842 году учреждается в Казани Духовная академия, а в 1854 году миссионерское при ней отделение. Проблема целостности и сохранения государствообразующей религии — православия, кажется, всерьез озаботила правительство.

Непосредственным поводом к действию послужила просьба жителей новокрещенского села Верхняя Никиткина Чистопольского уезда Казанской губернии о дозволении им возвратиться обратно в ислам. Желание изъявил 91 человек. Прошение было подписано двумя жителями села Абдул-Галимом Семигуловым и Фассах-Эдином Галиевым. Адресовано оно было на Высочайшее имя. Вслед за этим посыпались прошения от других сел.

Ответная реакция властей последовала 31 августа 1857 года, когда был опубликован Указ Святейшего Правительствующего Синода, касающийся отступников. 20 декабря 1857 года; среди прочих вопросов на заседании Академического Правления Казанской духовной академии была рассмотрена проблема отступничества от православия новокрещен. Профессорам КДА (далее Духовная академия) Н.И. Ильминскому и Г.С. Саблукову было поручено изучить ситуацию с миссионер-

ством и наметить меры к выходу из тупика.

9 февраля 1858 года вышеупомянутые профессора изложили свои взгляды на проблему в форме официального доклада во Внутреннее правление КДА. Причинами возврата в ислам, по мнению ученых, являлись:

1) Формально выполненное крещение без полного убеждения в истине и спасительности Христианской Веры, без достаточного изучения ее догматов.

2) Отсутствие доступной простому народу и понятной, то есть на разговорном их языке, богослужбной литературы.

3) По мнению ученых, крайне необходимым и желательным является активное приобщение поволжских народов к русскому языку, русской и мировой культуре.

4) Вековая забитость простого чувашского, татарского, марийского и прочих лиц из крестьян, их духовное убожество, это питательная среда для сохранения всевозможных предрассудков, в том числе и религиозных. Темнота и невежество сохраняют традиционные языческие религии. Отсюда — необходимость светского просвещения.

5) Poleмика с исламом не только бесполезна, но и вредна, ибо она лишь укрепляет религиозную ревность и ожесточает сердца.

6) Миссионер это, прежде всего, педагог, и новообращенные берут с него пример.

«Донесение» 1858 года Ильминского и Саблукова подробно

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Николай Иванович
ИЛЬМИНСКИЙ (1822-1891)

рассматривало мусульманское образование в школьных «мехтебах» при мечетях. Оно сближает татарское население с миром ислама, способствует развитию настроений пантюркизма и никак не помогает интеграции татар в культурное пространство Российской империи. Н.И. Ильминский обратил внимание, что татары-кряшены не знают арабской графики татарского языка. Переведенные для них православные книги, напечатанные арабским шрифтом, на практике оказываются бесполезными. Н.И. Ильминский пришел к необходимости использовать русские буквы для записи татарских слов.

Вскоре к изданию был готов Букварь (1862 год) для крещеных татар на их разговорном языке. Примечательно, что воз-

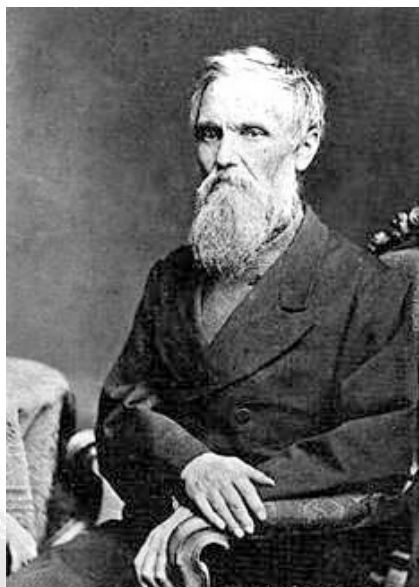
никновение крещено-татарской школы произошло естественным, неофициальным путем. В небольшом помещении, которое В.Т. Тимофеев снял для своего первого класса, вначале обучались три мальчика по новым учебникам на татарском родном языке. Слух об успешной школе, где «скоро учатся и, притом, никого не бьют», на второй учебный год привлек уже два десятка учеников. В новую школу уже в качестве преподавателей потянулись студенты Казанской духовной академии. Учащимся разрешалось молиться в академической церкви.

В сентябре 1864 года Н.И. Ильминский получил у руководства казанским учебным округом разрешение на формальное открытие крещено-татарской школы. Во время летних каникул ученики школы ездили по крещенским селам, производя благоприятное впечатление на поселян пением православных молитв на татарском языке. Итогом таких экскурсий стало открытие в сельских поселениях аналогичных, как при академии, школ.

Сама школа при КДА стала называться Центральной крещено-татарской школой. Это был, безусловно, успех Н.И. Ильминского. В работах некоторых современных историков Татарстана деятельность Н.И. Ильминского однозначно оценивается как негативное явление. Хотя на деле все наоборот. Он не был «винтиком» административно-чиновничьего аппарата Российской империи,

послушным проводником «колониальной политики христианизации и русификации». Н.И. Ильминский был подвижник-одиночка, считавший, что «навязывание» православия, как это нередко делали его предшественники, губительно для самой идеи православия. Он искренне считал, что всякий европейски грамотный, образованный человек, знающий суть христианских религий, сознательно и вполне естественно сделает выбор в пользу христианства. Поэтому образование и просвещение народа посильно необходимо. Сам Н.И. Ильминский знал ислам, как религиозное учение в совершенстве. Достаточно сказать, что, будучи студентом, он овладел арабским языком, татарским и персидским в совершенстве. В 1848 году, желая досконально изучить ислам, он поселился на квартире в татарской слободе и стал посещать ближайшее медресе. Встреченный вначале с подозрением и недоверием, он, вскоре, заинтересовал шакирдов своим знанием грамматической терминологии арабского языка, что было «слабым» местом в преподавании.

Вскоре он начал слыть между преподавателями и шакирдами ученым человеком, вызывающим полное доверие. Изучение языков и ислама Ильминский продолжил в трехгодичной, с 1851 по 1854 год, научной командировке на Ближний Восток. Он жил в Каире, где изучал мусульманское богословие, право, другие восточные языки в университете аль-

Гордий Семенович
САБЛУКОВ (1803-1880)

Азхар. В Палестине и Ливане он изучал жизнь арабов-христиан, арабские переводы Священного Писания, жил в православных монастырях, наблюдал работу западных католических миссионеров. Результаты работы этих западных миссий, по мнению Н.И. Ильминского, были ничтожны. Все эти наблюдения и подтолкнули Н.И. Ильминского к кардинальной перестройке всей системы христианского просвещения. Его возвращение в Казань в 1854 году совпало с открытием миссионерского противомусульманского отделения в Казанской духовной академии.

Другим выдающимся ученым, который к этому времени переехал из Саратовской духовной семинарии в Казань, был востоковед Г.С. Саблуков. Перевод его в Казань был не случаен. Еще в

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

1847 году при КДА существовал комитет по переводу Евангелия и православных богослужебных книг на татарский язык.

Г.С. Саблуков представил в академию лучший перевод на татарский язык утрени с объяснительной запиской. Н.И. Ильминский нашел перевод весьма удачным и ходатайствовал перед ректором академии архимандритом Григорием устроить перевод Г.С. Саблукова в Казань.

Гордий Семенович Саблуков вошел в историю как, прежде всего, переводчик Корана с арабского на русский язык. Его перевод и сегодня считается лучшим с научной точки зрения в сравнении с более поздними, не говоря о нынешних.

В 1854 году в КДА открылись 4 миссионерских отделения: 1) противораскольное; 2) противобуддийское; 3) противомусульманское; 4) черемисско-чувашское. Последнее вскоре закрылось ввиду того, что обращение в христианство народов финно-угорской группы проходило в целом успешно. К этому времени в КДА и сложился успешный «союз» двух выдающихся ученых Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова. Помимо обязательных богословских предметов, составляющих базовый учебный план Духовной Академии, миссионерские предметы на всех отделениях читались в последние два года обучения. Студенты записывались на миссионерское отделение по своему желанию и выбору. На противомусульман-

Архимандрит Иоанн
(СОКОЛОВ) (1818-1869)

ском отделении Н.И. Ильминский преподавал мусульманское вероучение и полемику против него, Г.С. Саблуков — татарский и арабский языки.

Вскоре, однако, случился первый вынужденный уход Н.И. Ильминского из стен КДА. В 1858 году он был обвинен в пропаганде ислама в стенах академии. По мнению ректора КДА архимандрита Иоанна, тогдашнего казанского архиепископа Афанасия и некоторых вышестоящих духовных персон, Н.И. Ильминский уделял излишне много времени исламу. По распространенной в те годы точке зрения, ислам, как религиозное заблуждение, ничем не отличался от языческих верований чуваш, мордвы, черемис и вовсе не заслуживал

подробного разбора и изучения, а только скорого опровержения. Для родившегося в Москве и там же получившего духовное образование ректора КДА Иоанна (Соколова) ислам был такой же экзотикой, как буддизм или синтоизм.

В «Донесении» 1858 года казанских профессоров о мерах противодействия отпадению крещеных татар в ислам особо оговаривалось место татар, их языка и религии среди других народов Поволжья: «Татарский язык причислен к языкам местным, то есть наречиям разных мелких и не развитых в религиозном отношении инородцев. Но татарское племя, по своей многочисленности, определенности своей веры, упорной к ней склонности и по своему государственному и общественному значению заслуживает большего внимания». Но руководство КДА и архиепископ Афанасий пришли к убеждению, что Н.И. Ильминский «просто раздувает значение ислама, в то время как он не стоит внимания серьезного человека». Святейший Синод, впрочем, не разделял взгляды руководства КДА и рекомендовал вернуть Ильминскому преподавание арабского языка и опровержение ислама, как уникальному специалисту по исламу и культуре Востока.

В это время он, оставив Казань, уже работал по новому месту службы. Он стал драгоманом (переводчиком) пограничной комиссии в Оренбургской губернии. Ну а архимандрит Иоанн

своими реформами, едва не доведший Духовную академию до закрытия, изменил свой взгляд на деятельность Н.И. Ильминского. В 1863 году он вернулся в КДА, став главным руководителем всех занятий на противомусульманском отделении. С этого времени начинается самый плодотворный период в духовно-просветительской деятельности ученого. Он возглавляет кафедру турецко-татарского языка в Казанском императорском университете. Его труды публикуются не только в «Православном обозрении», но и в «Известиях Императорского археологического общества», в «Ученых Записках» казанского университета, в «Бюллетене Академии наук». Но и теперь все складывалось не так гладко. В 1864 году в Казанскую духовную академию был назначен новый ректор, архимандрит Иннокентий (в миру И.М. Новгородов), личность, имеющая свое устоявшееся мнение по всем вопросам, которую П.В. Знаменский в своей «Истории Казанской духовной академии» характеризует, как крайне неговорчивую: «С архимандритом Иннокентием трудно было столкнуться, когда он что-нибудь уже забрал себе в голову». Так и его предшественник, ректор Иннокентий не считал ислам достойным сколько-нибудь внимания и изучения, и весьма прохладно относился к деятельности миссионеров.

В том же 1864 году Н.И. Ильминский ходатайствовал

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

перед правлением академии о восстановлении миссионерского образования на противомусульманском отделении в том виде, как оно было поставлено за десять лет до этого. Он особо указывал на беспомощность обязательного преподавания миссионерских предметов всем студентам, ибо для многих этот курс не нужен. Для тех же, кто выбрал это направление, обязанности преподавателей должны были распределяться так: Ильминский преподает арабский и татарский языки, бакалавр Е.А. Малов – ислам и полемику, Василий Тимофеев практикует в татарском языке. Ректору КДА это распределение показалось излишним и не нужным. Его ум больше занимала изобретенная им диковинная кафедра нравственной философии и библейской истории.

В этот год КДА едва не растеряла драгоценные кадры ученых, которых Иннокентий пытался выжить из академии. Ситуацию спасло духовно-учебное управление. 28 июня 1865 года определением Святейшего Синода, которое восстановило три миссионерских отделения при академии в том виде, как они существовали до 1858 года с выбором миссионерских курсов по желанию студентов.

В своих многочисленных публикациях по истории миссионерства в Казанском крае нередко проскальзывает мнением, что политика русификации и навязывание коренным народам Поволжья православия

направлялось государством, правительством царской России, устроившим в империи «тюрьму народов». Однако опыт подробного изучения миссионерства свидетельствует об обратном. Никаких официальных программ, тем более финансирования, миссионерство не имело. Подвижники-миссионеры всегда проявляли частную инициативу, а если и удавалось получать какие-то средства на миссионерство, то это были сущие гроши.

Тот же Н.И. Ильминский переводы православных духовных книг на татарский, их издание осуществлял за свои личные деньги.

Крещено-татарская школа при академии содержалась большей частью на ежемесячные пожертвования профессоров как академии, так и императорского университета.

4 октября 1867 года в Казани было открыто «Братство святителя Гурия». Название его не случайно. В задачу нового миссионерского общества входили задачи распространения православной веры среди иноверцев через их образование, открытие миссионерских приютов, издание и распространение православной литературы на местных языках. Под создание общества удалось «выбить» незначительное финансирование. Основные средства собирали как частные пожертвования. Деятельность общества продолжалась полвека, вплоть до революции 1917 года. Н.И. Ильминский состоял членом совета братства с момента его

основания, а в 1875 году стал первым председателем Переводческой комиссии. Однако главной заботой ученого была жизнь крещено-татарской школы и ее филиалов в кряшенских селах. Количество учащихся в ней постоянно росло, и в 1870 году составляло уже 117 учеников.

В 1868 и 1869 годах школу посетили Великие князья и среди них Наследник престола, будущий император Александр III. Летом 1871 года посетил сам Государь Император Александр II. Школа заинтересовала сановных лиц. «Система Ильминского» была предметом обсуждения и в Министерстве Народного Просвещения в земских учреждениях. После бурных осуждений «Начала казанской школы Н.И. Ильминского» были приняты и взяты за образец для целой системы инородческого образования. Для образования учителей из местных народов положили учредить учительскую семинарию — закрытое заведение пополам из русских и инородцев главнейших племен: мордвы, черемис, чуваш, вотяков и крещеных татар. Семинарию поручено было возглавить Н.И. Ильминскому.

Так, величайшим трудом подвижников были сделаны первые шаги к приобщению наиболее способных и толковых представителей нерусских народов Поволжья к системе европейских ценностей, образования и религиозного просвещения. В декабре 1870 года Н.И. Ильмин-

ский в очередной и последний раз покинул КДА. Академия высоко оценила его заслуги по академической службе, избрав его почетным членом в апреле 1875 года. Ильминский возглавлял Учительскую семинарию вплоть до дня своей кончины в 1891 году.

Закат эпохи православного миссионерства. Евфимий Малов (1835 – 1918)

Последним из выдающейся казанской троицы академических профессоров-миссионеров, вслед за Н.И. Ильминским, Г.С. Саблуковым был Евфимий Александрович Малов. Он был не только лучшим учеником и сотрудником вышеупомянутых ученых, но и достойным продолжателем их дела до самых последних дней своей жизни. Он справедливо занимает достойное место в ряду выдающихся тюркологов своего времени, помимо православного миссионерства, занимавшегося исследованием вопросов этнографии татарского народа. Е.А. Малову пришлось жить и творить в более сложное и напряженное время, чем то, в котором заявили о себе его предшественники.

Это касалось, прежде всего, тех социально-политических перемен, которые переживало российское общество. Начи-

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Евфимий Александрович
МАЛОВ (1835-1918)

ная с 1861 года, сельская масса крестьянского населения стала терять свой, сложенный веками, однообразный состав. С появлением заводской промышленности значительная масса сельского населения устремилась в города. Фабрика не давала в социальном отношении ничего, кроме деморализации и атеизма в самой грубой примитивной форме. Его-то и понесла в деревенский быт еще окончательно не порвавшая с сельскими корнями пролетарская масса. А на фабрике быстро нашла себе почву отрицательная и социалистическая пропаганда. Еще до убийства Императора Александра II Ф.М. Достоевский писал в своем «Дневнике» за 1876 год: «Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интер-

национал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются».

И затем:

«Да, новый дух придет, новое общество восторжествует. В этом не может быть никакого сомнения. И этот злой дух близок — наши дети узрят его. Мир спасется уже после посещения его злым духом».

Евфимию Александровичу пришлось жить и творить в эту сложную эпоху начинавшегося брожения умов. Прекрасно осознавая, что русское православие помимо своего вероисповедального признака является в то же время и национальной доктриной, фундаментом общества, связующим многие этносы и культуры. Е.А. Малов отстаивал необходимость существования миссионерского отделения в Казанской духовной академии и, фактически без средств, развивал миссионерское дело в Казанском крае. Поступив в Казанскую духовную академию в 1858 году, он стал лучшим учеником профессора С.Г. Саблукова, разработавшего основы системы доказательств и искусство полемики в отстаивании христианских истин и ценностей. «Школа Г.С. Саблукова», в которую также входило

безупречное знание арабского и татарского языка, стала той основой, на базе которой Е.А. Малов написал свой известный труд: «Торжество Христа над законом Моисея и Магомета», выдержавший при его жизни два издания, не потерявший своего практического значения и в наши дни — настольная книга когорты современных православных миссионеров.

Академическая служба Е.А. Малова началась в звании бакалавра с 26 июля 1868 года и продолжалась вплоть до выхода его в отставку 15 августа 1911 года в звании заслуженного ординарного профессора. Е.А. Малов был ученый, миссионер-практик. Большая часть его жизни прошла не в академических аудиториях и кабинетных занятиях, а в разъездах по самым разным углам Казанского края, где он вращался среди крещеных и некрещеных татар, неутомимо неся истину православной веры в самую гущу народа. В татарских селениях его звали «Япей Бабай».

Историк Казанской духовной академии П.В. Знаменский писал, что в «лице С.А. Малова миссионерское отделение Академии приобрело весьма энергичную силу не только для своей науки, но и для практических интересов Казанской миссии».

Будучи с 1869 года священником, этот экстраординарный профессор отличался редким усердием и ревностным исполнением своих обязанностей. Его обширные познания в истории, науках им преподаваемых, его благо-

творное влияние на утверждение в истинах веры новокрещенных инородцев Казанской епархии заслужили не только благодарность епархиального начальства, но и доставили ему известность как опытного, авторитетного и известного миссионера. Велика его литературно-ученая деятельность, бывшая отголоском того, что делал он на академической кафедре как практикующий миссионер, этнограф татарского и финно-угорских народов.

Е.А. Малов много сделал и в области церковной истории Казанского края. Его труды по истории Казанской епархии, монастырей, местно-чтимых святых иконах, по описанию церквей Казани — актуальны и уникальны по сей день.

Ему были известны, самым обстоятельным образом, архивы многих казанских монастырей и учреждений. По мнению его современников, он был лучшим архивистом и археологом Казанского края. Он, как член-основатель, стоял у истоков «Общества Археологии, Истории и Этнографии» при Казанском университете. Много работал в этом обществе и печатался. Уникальность его состояла в том, что он в совершенстве знал многие восточные языки. В Академии вел курс древнееврейского языка, истории, библеистики и библейской археологии.

Е.А. Малов был членом-основателем и «Братства святителя Гурия», где работал не покладая рук с первых дней его существования, а после смерти Н.И.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Ильминского стал в нем руководителем. Как член Совета Российского Миссионерского Общества неоднократно отстаивал в совете КДА необходимость миссионерского отделения, преодолевая все попытки умаления его значения, а то и решения вовсе его закрыть.

Трудно перечислить все, чем занимался неутомимый Е.А. Малов: устройство миссионерского приюта, руководство (бесплатными для преподавателей) миссионерскими курсами при КДА и многое, многое другое. Много должностей и обязанностей было у Е.А. Малова связано с его саном, который он принял в 1869 году и сразу был назначен в Казанскую Богоявленскую церковь.

С 4 октября 1880 года он протоиерей, с 10 января 1886 года – кафедральный протоиерей, каковым и состоял более 10 лет.

Е.А. Малова узнала вся Казань. Авторитет его был безграничен. Будучи в преклонных годах, он нередко участвовал в архиерейских служениях, нередко, как истинный верующий, предстоятельствовавал в богослужениях казанских городских храмов...

Сердце старца-пастыря, миссионера и профессора не выдержала начавшейся эпохи церковного поругания, которую ему пришлось застать. Когда актов зал Казанской духовной академии, квартиру ректора и уникальную библиотеку при ней вместе с помещением крещено-татарской школы, в которой

находились портреты православных миссионеров-иерархов и профессоров, заняли расхристанские красногвардейцы, где и остались, превращая все в никем не сдерживаемую вольницу, которая растаскивала и крушила все вокруг, когда забывший Бога, мать-церковь и многострадальную родину народ решил, что все теперь позволено, у Евфимия Александровича не выдержало сердце. На глазах рушилось все, за что он ратовал полвека.

С уходом Е.А. Малова заканчивается эпоха христианского просвещения и миссионерства в Казанском крае. Шел 1918 год. Общество, в том его виде, неуклонно скатывалось к братоубийственной гражданской войне, и остановить ее было уже ничем невозможно.

Послесловие

С наступлением нового XX века миссионерская работа в Казанском крае еще продолжалась. Так, при архиепископской кафедре были учреждены 3 викариата. При этом епископ Мамадышский в 1907 году стал председателем совета «Братства святителя Гурия». Не отставало и учебное ведомство. Попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков даже учредил переводческую комиссию под председательством выдающегося ученого-тюрколога Н.Ф. Катанова для выпуска массовой светской и богослужебной литературы на языках поволжских народов. Воз-

Спасопреображенского монастыря (1).

Такимъ образомъ въ началѣ Раифская пустынь была мѣстомъ убѣжища для скитавшихся и искавшихъ тихаго уединенія иноковъ. Это былъ скитъ, гдѣ пріютились нѣсколько братій въ надеждѣ устройства обители.

Основаніе монастыря и устройство церквей при Митрополитѣ Лаврентіи. Пожалованіе Раифской пустыни земли, крестьянъ и другихъ угодій.

По смерти Филарета собравшіеся около него скитники остались на мѣстѣ подвиговъ своего руководителя и рѣшили просить благословенія, бывшаго тогда въ Казани, Митрополита Лаврентія на основаніе здѣсь монастыря. Старшій изъ нихъ, Ѡаддей, съ двумя другими старцами отправился въ 1661 г. въ Казань къ Митрополиту Лаврентію, который далъ не только благословеніе на устройство обители, но и самъ принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе, вручивши старцамъ на построеніе церквей свою благословенную грамоту, пославши къ нимъ опытнаго іеромонаха Савватія и наконецъ посетивши лично избранное мѣсто для обители (2). На пожертвованіе Митрополита Лаврентія и жителей Казани начато 1662 г. строеніе Раифской пустыни. Митрополитъ Лаврентій умножилъ число монашествующихъ и соорудилъ собственнымъ своимъ

(1) Краткое историч. сказаніе о чудотворныхъ иконахъ... Москва 1849 г. стр. 37—39 Краткая Исторія г. Казани. Соч. М. Рыбушкина. Казань 1843 г. ч. II, стр. 119—122.

(2) Если бы инокъ Филаретъ основалъ Раифскую пустынь въ 1613 г. то не вѣроятно, что бы здѣсь до 1661 г. не было устроено церквей. Основательше допустить, что Филаретъ избралъ это мѣсто для скита около 1630 г. на каковое время, какъ начало Раифской пустыни указываетъ одинъ древній актъ, какъ увидимъ послѣ.

Страница книги Е.А. Малова «Начало возникновения Раифской пустыни». **Конец XIX века.**

нико даже 2 крещено-татарских и несколько чувашских, черемисских мужских и женских монастырей. Можно по-разному оценивать значение миссии христианских просветителей, но неоспорим тот факт, что благодаря им, неутомимым подвижникам православия, сегодня все народы Поволжья знают русский язык

и свободно на нем изъясняются; что еще на исходе XIX века благодаря неустанной и бескорыстной их работе, эти народы, пусть в малой степени, вышли из состояния дикого невежества и приобщились к азам европейской культуры и цивилизации! Их дело было остановлено на подороги. Разрушительный дух

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

революции уже витал в воздухе. После царских указов 17 апреля и 17 октября 1905 года о свободе совести одно за другим стали закрываться отделения миссионерской работы в КДА. Подходило время, о котором вслед за Ф. М. Достоевским другой русский поэт-провидец Ф.И. Тютчев, между прочим, писал:

Все богохульные умы
Безумьем слитые народы
Воздвигнутся из мрака тьмы
На ловлю счастья и свободы
...

Остается лишь удивляться: как легко пошел православный, в основной массе, народ на эту губительную приманку мнимой

свободы, променяв свои подлинно национальные интересы, свою идеологию самобытного государственного бытия на нигде и никогда не существовавшую в природе идею равенства и народовластия; когда от имени народов говорят и правят люди безнравственные и беспринципные, когда у народов отнимается все нравственное здоровье, а взамен дается только заведомо ложное утверждение о свободе человека. Какой свободе? Свободе от тех заветов человечеству, которые оставил Спаситель. А взамен их остается безграничная и безвременная ложь, ненависть и торжествующее зло.

Использованные источники

1. Ахметжанов А.И. Взгляды на религиозные вопросы и отношения в дневниках Е. Малова (на татарском языке) в сб. «Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан». Казань, 1993 г.

2. Багин С. «Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления». Казань, 1907 г.

3. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии. Выпуск 1. Казань, 1948 г.

4. Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии. Том I и II. Казань, 1898 г.

5. Знаменский П.В. Казанские татары-кряшены. Казань, 1898 год.

6. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Изд. 5-е. Казань, 1888 г.

7. Ислаев Ф.Г. «Православные миссионеры в Поволжье». Казань, Таткнигиздат, 1999 г.

8. Карпов Ю.В. Просветитель татар-кряшен о. Василий Тимофеев. (1836 – 1895). <http://www.kds-eparhia.ru/bibliot/kaz-achule/p.s.timof/>

9. Лупнов П.В. Христианство у вотяков со времен первых исторических известий XIX века. Изд. 2-е. Вятка, 1901 г.

10. Малов Е.А. «О Новокрещенской конторе». Казань, 1878 г.

11. Малов Е.А. «О татарских мечетях в России». Казань. 1868 г.

12. Малов Е.А. Миссионерство среди мухаммедан крещеных татар. Казань. 1892 г.

13. Малов Е.А. Дневники (рукопись).

14. Малов Е.А. Торжество Христа над законом Моисея и Магомета. Казань, 1902 г.

15. Малов Е.А. Приходы крещеных татар в Казанской епархии. Сб. Православное обозрение. 1865 г.

16. Понятов А.Н. Некоторые аспекты миссионерской деятельности «Братства святителя Гурия». <http://www.missiak-syasfun.ru/history/gurii/gusii>

17. Фирсов А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань. 1869 г.

18. Покровский И.М. Русские епархии в XVI – XIX в., их открытие, состав и пределы. – Т. 1 – 2. Казань. 1897 – 1913 гг.

19. Покровский И.М. Евфимий Александрович Малов (некролог-рукопись). 1918 г.

20. Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань. 1994 г.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

МИССИОНЕРСТВО

**Александра
Ивановна
Макарова-Мирская
(1872-1936)**

писательница

Архиепископ Владимир (Петров), Казанский и Свияжский, будучи начальником Алтайской миссии в сане архимандрита в 1865-1880 годах, обратил в христианство из язычников и мусульман и присоединил из старообрядчества 6679 человек, причем им лично крещено 406 человек.

**Из книги
“Апостолы
Алтая”**

**Памяти
Архиепископа
Владимира**

Тихий летний вечер, после знойного дня, представляется нам. Солнце уже скрылось за горным кряжем Алтая, сплошь одетым разнообразной хвоею. В узкой долине разбросан калмыцкий аил, несколько юрт и избышек; а близ них — убогая деревянная церковь. Горные мохнатые вершины тесно окружают аил: вечернею зарею окрашены они в розовый, голубой, синий, фиолетовый колеры; а долины уже «полны свежей мглой», прозрачной, насыщенной ароматом хвои. Вечерние тени в горах не поддаются описанию, а шум и рокот горных вод ласкают слух.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Архиепископ Казанский и Свияжский
ВЛАДИМИР (1828—1897)

Вот по синему небу, необыкновенно глубокому, проплыла одинокая тучка; вот из-за нея блеснула бледная звездочка; еще и еще — над горой засверкали. Вот над вершиной огромный, матово-желтый круг полнолуния медленно поднимается из могучаго, девственного леса. Мягкий, протяжный, приятный звук по ущелью пронесся, и полилась серебристая песнь православного колокола по долинам Алтая... Чу! Слышно пение. Православная семья «дикарей», на родном языке своем, дружно поет песнь Сотворившему вся. — «Е тынным, Каанды алка. Каан Кудаим, Суреенду улу Сенеден.»¹ На-

пев чрезвычайно прост; но что же так неотразимо заполняет и слух, и сердце? «Дети природы» поют; душа их поет хвалу Господу; религиозное чувство простые сердца переполнило; от избытка сердца льется гимн Вседержителю... Истинно, как бы из уст младенцев — хвала сия... И язык их — чисто детский, неподражаемый; и детскими глазами смотрят они на изображение нас ради Распятого. На твердь небесную, чудное творение Его; и нет теперь в душе их капли сомнений: там одна чистая. Детская вера... «Тулар аралап сулар агат... Тулар бажинда сулар турат... Э Каан пудургенин кайкылу»...² они хорошо понимают слова Псалмопевца. Чудный купол нерукотворенного храма Божия над ними и в глубине его лампы теплятся велением Божиим... «Э ончозын иайаган Каан, Саа алкыш иессин»...³ Не вместил убогий храм, деревянный и ветхий, молящихся; у стен его, на лоне природы совершается вечернее богослужение; едиными усты, единым сердцем славословие поют Всевышнему люди-дети...

И месяц, и звезды,
и тучи толпой
Внимали той песне святой...

Кто научил и вразумил вас, дети Алтая? Кто приблизил, кто на рамо восприим, ко Христу принесе вас, идолослужителей? Кто эти блаженные⁴ чудотворцы,

¹ Благослови, душе моя Господа. Господи, Боже мой, возвеличился еси зело.

² Посреде гор пройдут воды... На горах станут воды... Дивны дела твои, Господи.

³ Слава Ти, Господи, сотворившему вся.

⁴ Матф. 5, 11, 10.— Апокал. 22, 14

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

муки духовного рождения вас восприявшие и лучами доброт своих страну сию озарившие?... Все они десницею Божиею вписаны в сердца ваши и память их — в род и род...

Вот один из них, как месяц ясный среди ярких звезд. Почти двадцать лет вещал он Алтаю глаголы живота вечного. Еще на пути сюда горело сердце о. архимандрита Владимира любвию божественною; обильными слезами оросил он начало пути и трудов своих апостольских, напутствуемый молитвами и благословением старца праведного, великого святителя земли русской Иеремии, в Нижнем Новгороде. А прощаясь с Алтаем последний раз, он (уже епископ Ставрополя-Кавказского) рыдал на горнем месте Улалинского храма... Немалое число лет миновало после того, как оставил он управление миссией, а заботы о ней не оставляли его, и душа его болела не только за весь Алтай. А и за каждого алтайца. Он всех и каждого носил в любвеобильном сердце своем отеческом до самой кончины своей.

Но пусть лучше самим святитель свидетельствует о сем. Обремененный трудами новой епархии, недугами своими, летами преклонными, не может он оторвать изумительной любви своей от далекого прошлого. С Кавказа слово его, сильное, святое, любви полное, течет на Алтай; епископ пишет письмо к

обыкновенному горцу, иноверцу, тем только и знатному, что из идолопоклонства приведен он в ограду Христову...

*Возлюбленное чадо мое о Христе,
Сергей Павлович!*

Посылаю тебе, во имя Пресвятой Троицы, три рубля. Хотя этот дар мой и ничтожен. Но ты, зная, что я посылаю его в знак своей любви к тебе, применишь этот дар с великою любовью и благодарностию.

Подумай же, чадо мое, рожденное мною в святой купели крещения, подумай, сколько большею любовью и благодарностию должна быть всегда исполнена душа твоя к Отцу Небесному, к твоему Спасителю Сыну Божию, Иисусу Христу, к твоему Освятителю Духу Святому, ко всей Троице Единосущной, во имя которой крещен ты от меня в водах Чулымиманских.

Когда был ты мал, то крещению своему радовался по детскому разуму, именно потому, что «абыз» тебя взял на свое попечение, что ты, поэтому, не останешься раздет и голоден, что отчим твой не будет уже тебя бить немилосердно за горсть курмача, потихоньку сведенного. Но теперь ты уже, по милости Божией, человек взрослый. Думал ли ты, друг Сережа, о той бесконечной любви, какую возлюбил тебя Господь? о тех несказанных милостях, о тех величайших дарах Божиих, какие тебе дарованы? о том особенном попечении промысла Божия, какое Господь показал тебе? Думал ли об этом хоро-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

шенько, и проникалось ли сердце твое живейшею благодарностью, горячеею любовью к Небесному Отцу твоему? Пора, пора, милый мой, стать мужем, совершенным по разуму и по сердцу. Не укоряя тебя, сие пишу, а как чадо мое возлюбленное тебя наставляю на добро и о добре Божиим к тебе напоминаю.

Вспомни: кто ты был и чем ты стал? и чем все милости Божии заслужил? Когда подумаешь, то согласишься, что ничем, что все тебе дала даром Божия любовь.

Родился ты в пределах Китайских, от отца язычника, и темного, и нищего. Если бы обстоятельства отца были не дурны, то самое лучшее было бы с тобой только то, что ты остался бы жив и вырос здоров; но и ты, как отец твой, как вся родня твоя, как все твои предки, до последней минуты земной жизни своей остался бы темным язычником, идолопоклонником, а по смерти пошел бы туда, куда как знаешь теперь, идут души всех некрещеных. Не говорю о том, что земной свой век прожил бы ты кочевым соенцем, не только не видел бы, но и не слышал, как живут люди добрые, народы просвещенные; заботился бы весь свой век только о хлебе, то есть как бы сытым все быть, а ни разу не подумал бы о небе, о вечной жизни; одним словом, был бы получеловек, полуживотное неразумное. Но ведь и сего мало. Ведь ты родился, когда на родной твоей земле был голод великий; когда и у достаточных людей не доставало пропитания, тем паче — у твоего бедного родителя; когда не только в аилах, но и по дорогам

валялись без призора трупы соенцев, умерших от голода...

Страшное было время. И вот, однако ж, Господь устроил так, что ты с своею матерью и по смерти своего отца не умер с голода. Остался жив. Мать твою почти задаром купил чульшиманец, чтобы продать с барышом дома. Видно, он не был жестокий человек, позволил матери твоей взять тебя с собою. А не бросил в Соенах на съедение собакам (там всегда это бывает). И вот ты, Божиим промыслом, как Авраам из земли халдейской в землю обетованную, на руках матери принесен из темного Китая в светлую, святую Русь... Думал ли ты, размышляя ли ты об этой милости Божией к тебе, дорогой мой Сережа? Упала ли когда-нибудь, при мысли об этом, из глаз твоих слеза благодарности к Богу? Падал ли ты, размышляя об этом, падал ли когда на колени перед Богом, столько тебя возлюбившим, так тебя пожалевшим, от голодной смерти тебя избавившим?

Но и тут не конец милостям Божиим к тебе. Главная ждала тебя впереди. Попади ты с матерью к какому-нибудь калмыку алтайскому, не бедному и не злому, он бы вскормил, вспоил и вырастил тебя, как сына или хоть кул-ошкош. Что вышло бы из тебя? Такой же, как и он, калмык полудикий. Правда, когда стал бы ты большим, может быть, встретился бы с каким-нибудь миссионером, услышал бы от него раз-другой о христианской вере. О святом крещении. Но, слушая его, поверил ли бы ему? послушался ли его? Мало ли на Алтае калмыков,

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

десятки раз слышавших слово Божие и умирающих некрещеными? Могло случиться, что и сердце твое с годами, с возрастом жизни твоей, ожесточилось бы, уши твои стали бы глухими и ты, проживши много лет в земле святой, христианской, так бы и умер некрещеным язычником, а может быть — богопротивным каком. Но Господь, Милостивый и Премудрый, что с тобою устроил? Мать твоя досталась нищему человеку при Телецком озере, нищему да жестокосердому. Женившись на матери твоей, он не считал тебя не только сыном, но и человеком, а разве — собакой худой. Да и свою собаку порядочный человек жалеет больше, нежели тебя твой неродный отец. Давно это было, но я как сегодня вижу на твоём детском тельце раны и струпы от побоев этого жестокого и немилостиваго калмыка. Как сейчас, вижу твое детское лицо сухое. Сморщенное, как у старого старика, со складками кожи на щеках, на лбу, под глазами, как у восьмидесятилетней старухи; только твои глазенки ярко светились, с жадностью глядели, — где бы увидеть что-нибудь съестное; вижу обрывки какой-то мерзкой шубенки на голых, грязных, никогда не мытых плечах... И что же? Ведь онный немилостивый человек был твой благодетель, он был орудием благодати Божией к твоему счастью телесному, а паче — душевному, к добру временному, а паче — вечному. Его нищета, заставлявшая тебя голодать, его жестокость, заставлявшая тебя страдать, ведь

и навели тебя на мысль уйти от него и от матери твоей в хорошую землю, к абызу, креститься. И для этого Господь устроил дело наилучшим образом, послал за тобою не простого абыза, а самого начальника абызов, меня, грешного архимандрита. Ведь не остановись мы на том берегу Телецкого озера на короткое время, ты не спустился бы на берег, не уехал бы с нами, — и тогда еще, Бог знает, что с тобою было бы. А ведь тогда останавливаться на берегу том мне не было никакой надобности; я сделал это по просьбе Павла Дмитриевича Тренихина: ему надобно было видеться по своему торговому делу со стариками: Чоком, Маскачаком и другими пелинцами.

И вот ты, руками архимандрита и его о. диакона (Мих. Вас. Чевалкова), в первый раз от рождения (по свидетельству бабушки твоей, матери неродного отца), с мылом вымыт был в воде Телецкого озера, одет в белую новую рубашку. Напоен чаем с сухарями, которых ты раньше не видал, накормлен и говядиной, которой запаха давно не слышал. — Помнишь ли ты это? Не забыл ли? Если не забыл, то размышлял ли о такой милости Божией к тебе, благодарил ли от всего сердца за это Милосердного Отца Небесного?.. Думаю, что ты уже забыл; а я, Сережа, не забыл и вот рассказываю тебе: как, сидя со мною рядом на большой лодке, когда мы от Пели плыли к монастырю, ты что-то держал на коленях в рубаш-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

ке и мне показывал. Это оказались сухари, тебе казаком Федоровым на дорогу данные. Тебе приказано было без спросу не есть, и вот ты, хотя уже сытый, глядя на такое съестное богатство, спрашиваешь меня: можно ли тебе это есть, когда захочешь? Ответ получил: «можно», и в твоих глазах видна была мысль: «вот, дескать, какое время пришло: когда хочу и сколько хочу, есть могу». Без сомнения, не помнишь ты и это: когда мы садились в лодку плыть по Телецкому, ты увидел на берегу несколько зерен проса, просыпанного Тренихиным при продаже пелинцам, схватил меня за руку и, указывая на эти зерна, как будто что дорогое, твердил: «тару!»... давая разуместь, что надо собрать, и услышал ответ, что у нас дома — больше есть.

А что всего важнее, что всего дороже, к чему тебя Господь и создал и к чему тебя из-за границы, из Китая живого перевел, это совершилось на Чульшимане, при храме Усть-Башкаусском. Моею рукою грешною, юный соенец Козорок, в освященных водах Чульшимана крестился во имя Отца и Сына, и Святого Духа, получил святое имя Сергей, сделался сыном Божиим по благодати, получил в святом миропомазании печати дара Духа Святого, а в церкви Усть-Башкаусской, Свято-Алексиевской, сделался причастником Тела и Крови Христовой, вкусил от источника бессмертного пища небесной, стал наследником небесного царства, вновь родился чистым не только по телу, но и по душе; получил для себя от Господа спутником жизни ангела хранителя,

а в Павле Дмитриевиче — второго отца, крестного. — Вспоминаешь ли ты, Сережа, об этих милостях Божиих? об этих дарованиях любви Божией к тебе? Чувствует ли душа твоя благодарность Богу за эти дары? Чувствует ли сердце твое любовь к Богу, твоему Благодетелю, твоему Спасителю, кровь Свою за тебя на крест пролившему, ею тебя очистившему, от диавола освободившему, от козней и когтей камских избавившему?

Не ты один — сотни многие крестятся каждый год на Алтае; но тебе, в сравнении с ними, больше милостей, больше любви показано. Крещен ты был на Чульшимане; но не оставлен на Чульшимане.

Ты не помнишь, Сергей Павлович, а я хорошо помню разные случаи с тобой в Чульшиманском монастыре. Укажу на один. Мне надобно было оставить вас в монастыре ненадолго, съездить с Михаилом Васильевичем на Улагань. Перед этим наш бывший Козорок был весел, сыт, одет, приласкан; он ходил, заложа руки за спину, и пел стихами соенскими свою судьбу: как ему жилось хорошо при отце родном, как тогда стоил он доброго коня, как он при неродном отце стал ничего не стоить, как тебя стали обижать, бить, в голоде держать; как теперь тебе хорошо, ты уже никого не боишься, никто тебя не посмеет обидеть, иначе — ты абызу скажешь... И вдруг ты видишь, что меня провожают куда-то, я уже сажусь в седло; тебе показалось, что я уже совсем уезжаю, значит, тебя оставляю на прежнюю несчастную, беззащитную жизнь; ты схватился крепко своими

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

ручонками за стремя седла моего, с детским криком и слезами, и ручонки твои замерли так, что едва-едва могли из них выручить стремя и успокоить тебя обещанием скорого возвращения моего. — Этот случай тебе рассказываю для того, что бы высказать тебе желание мое и просьбу мою. Как ты крепко уцепился, было, за стремя мое, чтобы не разлучиться со мной, по твоему мнению, своим благодетелем и покровителем. Так, друг мой, держись и паче того крепко держись верою и любовию Господа Бога, единого истинного Благодетеля и Покровителя твоего.

Помнишь ли, Сережа? Нет, не помнишь, что было, когда на возвратном пути ненадолго останавливались мы на том берегу Телецкого озера, где я взял тебя сперва. — Увидевши спустившихся сверху пелинцев, ты смутился духом, боялся, как бы они тебя не отняли, и все время, пока мы тут были, ты все около меня держался, тебе было не до чая, не до еды. Затем, когда время наступило плыть, ты прежде всех забрался и засел в лодку, но все еще не совсем спокойный. Только уж когда я и все спутники наши вошли в лодку и она двинулась от берега, ты не только успокоился, но пришел в особенную радость, встал на свои ножки детские и, обращаясь к оставшимся на берегу пелинцам, держал им такую речь: «прощайте, кланяйтесь матери, кланяйтесь ребятам (товарищам-сверстникам), скажите им, что я в хорошую землю поехал». Затем

Сергей наш уселся на носу лодки и начал с зажмуренными глазами интересное представление. На сонском наречии, как камы камлают. Представление было так картинно, переходы от медленного, тягучого пения стихов к быстрой болтовне так оригинальны, что все, бывшие в лодке, не могла удержаться от смеха; а гребцы-чульшиманцы нередко бросали весла от смеха не удержимаго. Кончив это занятие, своим этим насмешливым изображением язычества как бы навсегда распростившись с миром язычества, Сергей обратился мыслью и сердцем к миру христианскому, к той хорошей земле, в которую поехал, к царству Христову за земле, стал вспоминать те молитвы и святые слова, какие он успел услышать и не забыть, то-Э Каан Кудай Иисус Христос, то-Э Каан кайрлагын и тому подобное. Кто его всему этому научил? Я тогда думал и теперь думая, что это душа, хотя и детская, но святым крещением Божиею благодатию просвещенная, хотела, сама того не ведая, воспеть, восторжествовать победу над темным миром языческим и выразить свою радость о вступлении в царство любви Христовой.

Рассказываю тебе, друг мой, об этом не ради того только, чтобы рассказать забытую историю. Нет, из сказанного особенно не забудь и часто вспоминай свои слова: в хорошую землю поехал. Тогда ты сам хорошенько не понимал, что говорил. Теперь ты вырос, понимаешь ли весь смысл этих слов? Понима-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

ешь ли вполне, Сережа, насколько лучше китайской языческой земля русская, православная? Понимая это, ценишь ли вполне Божий дар? Благодарить ли за это Бога-Благодетеля? Дышит ли, живет ли сердце твое любовью ко Христу Спасителю, к церкви святой, к братьям-христианам? Жалеешь ли о своих единоплеменниках, остающихся до смерти и погибающих в бездне языческой, в служении диаволу?

В хорошую землю поехал. Да — в хорошую. Но есть еще лучше этой. Где же? спросишь. Там, куда вознесся твой и мой Спаситель, Господь наш Иисус Христос, куда Он тебя и всех нас зовет, где Он всех нас ждет с любовью. Чтобы в ту «хорошую землю» достигнуть, надобно приготовиться доброю жизнью на настоящей земле. Как ни хороша теперешняя земля, но все же на ней встречаются болезни, печали, воздыхания и смерть; а там уже нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная, в радости вечной. Вот куда, друг мой, заранее готовься; вот куда заблаговременно собирайся. Дай Бог тебе со мною, благополучно проплывшему некогда Телецкое озеро, благополучно переплыть все житейское море и достигнуть вечной спасительной пристани, безопасно пристать к берегу небесной блаженной земли и вечно жить там с Богом и со святыми.

Я сказал, что ты, крещенный на Чульшимане, не был оставлен на Чульшимане. Думаю, что ты не забыл и никогда не забудешь, куда ты был привезен и где ты провел ранние годы твоей юности. Ула-

ла, Улалинский храм, Улалинский наш дом, слепец дедушка Максим, которого ты в церковь водил, а он тебя учил по-русски разговаривать. Улалинское училище, где ты учил грамоту, письмо, а главное — Божий закон, православную веру, священную историю, святые молитвы, священное пение, а в церкви — молебную службу великомученику Пантелеимону и прочее, — все это, я верю, ты хорошо помнишь и держишь с любовью в сердце своем. Дай Господи. Но только все это считай за дары любви Божией к тебе, дары такие, какие не только все, но и частью многим не достаются на долю. Цени же все это, милый мой; за любовь Божию плати любовью к Богу; страшись Его, Милосердного. Огорчить не только делом худым, или словом худым, но и мыслью худую. Не забывай в молитве покойного дедушку Максима и всех своих благодетелей, добру тебя учивших.

Докончу уже речь свою сказанием о милостях Божьих к твоим родным; и эти милости ты должен помнить, и за них благодарить. — Помнишь, как я внушал тебе молиться Господу Богу за твою родную мать, чтобы, дал Бог, и она крестилась? Твоя детская молитва была услышана. Когда мы с тобой приехали на Чульшиман в побывку, то мать твоя уже была православною христианкой, а у нея на руках — после тебя родившийся, братишка твой Макарий... Помнишь, какой он был болезненный? Помнишь, что мать твоя, жалея его, согласилась с ним расстаться, отдать его нам, в приют Улалинский. Помнишь, какой из него вышел ребенок чистенький,

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архiereев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

здоровенький, умненький, ласковый, в ранние лета богомольный, благодаря материнскому уходу Софьи Васильевны и прочих сестер приюта? — Потом мать твоя не утерпела, сама пришла в Улалу. Для чего это так устроилось? По милости Божией. Ей Господь не судил долго жить; а умереть ей всего было лучше в Улале. Помнишь, ведь, она последние дни прожила в Улалинской больнице, в том же доме, где и приют, под попечением тех же сестер, которые ухаживали за Макарушкой. Тут она и приготовилась встретить и встретила смерть по-христиански. Не милость ли это Божия к ней? и не следует ли тебе за это благодарить и любить Господа? Теперь ты и дома, и приходя в церковь, можешь молиться за свою родную мать с отрадною верою, что молитва твоя о ее душе будет на пользу ей, а особенно — воспоминание ее на проскомидии. — А Макарушка? Дорогое, незабвенное дитя. Он вот раньше нас с тобой доспел на тот свет. Дай Бог и нам там быть, где он теперь. Скончался в детском возрасте; любящий Господь рано позвал его к Себе; для чего? 1) чтобы, когда он вырастет, злоба людская не изменила на худое непорочный разум его и лесть людская своим коварством не прельстила его на злые дела; 2) для того, чтобы, переселившись на жительство к ангелам небесным, вместе с ангелами он молился за тебя, родного брата своего, остающегося на земле. Не есть ли это особенная милость Божия к нему

и к тебе? как не благодарить тебе за это Бога, как не платить за Его любовь своею любовию?

Нелегко было тебе расстаться со мною, когда я оставлял миссию, а особенно — когда совсем уезжал из Сибири. Но ведь и мне было жалко, в числе многих других, особенно тебя, мое чадо по духовному рождению. Может быть, ты, по юношеской рассеянности, и забывал меня грешного; а я нигде тебя не забывал. Хотелось мне знать и я, по возможности, узнавал, где ты и что с тобой? Слышал я, что ты, духовно родившую, вскормившую, научившую тебя миссию оставил и удалился куда-то на сторону... Надобно ли тебя уверять, что я об этом крайне поскорбел? Неволью спрашивал я себя: неужели наши и миссии труды оказались напрасными? Боялся, как бы ты не попал в такое общество, к таким людям, которые тебя, еще не утвердившегося, молодого человека, могут сбить с хорошей дороги и направить на худую. Теперь слышу, что Сергей мой возвратился к своей кормилице миссии и поступил на служение ей, в должности толмача. Весьма радуюсь и благодарю Бога. Да утвердит и укрепит Он тебя во истинном пути; да будешь слуга Божий, слуга святой церкви, слуга спасения ближних, усердный, нелицемерный, трезвый, богобоязненный, кроткий, учительный, заботливый о собственной чистоте, телесной и душевной, стараясь, прежде всего, себя учить святому закону — и чтением, и добрыми делами, а потом и других — как святыми рассказами,

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

так и примером жизни своей.

Видишь, сколько милостей к тебе Божиих, великих и особенных? За них благодари Господа не только сердцем, не только словами молитвы усердной, но и делая добро для людей, какое только сможешь; любовь к Богу покажи любовью к людям.

Когда ты был еще ребенком, я думал: вот, Сергей вырастет, научится и вере православной, и благочестию христианскому, будет этому учить других; и в душе его воссияет свет Христов, он не утерпит, чтобы этим светом не поделиться с другими; когда поймет, как благ Господь, то не утерпит, чтобы другим не рассказывать о делах благодати Божией, изображенных в священном писании; сам узнает евангелие Христово, и не утерпит, чтобы не возвещать сие евангелие другим неведающим. Кроме близких по жительству алтайцев, далеко за границей у Сергея есть его близкие по плоти, родня его отца и матери, соенский народ, погибающий без веры во Христа. Теперь еще рано; но когда придет Сергей в зрелые годы, не помянет ли его на место родины его быть там благовестником? Конечно, к этому надо подготовиться и подготовиться хорошенько, сперва тут дома, под крылом миссии, сперва напрактиковаться над алтайцами, а потом, когда Господь позовет, — двинуться и дальше Алтайя... Дай Бог, чтобы это желание мое когда-нибудь исполнилось, если на то будет воля Божия; а пока работай, друг, на том месте, на котором поставлен.

Видишь, чадо мое возлюбленное,

как много написал я тебе. Старая рука моя водила пером по любви отеческой и по заботливости о тебе... мои лета достигли возраста старости, да и дел по службе немало. Поэтому не только такое длинное письмо, но и коротенькое едва ли когда соберусь написать тебе, если бы и еще пришлось мне сколько-нибудь прожить на этом свете. Поэтому сии строчки прими, Сережа мой, как последнее предсмертное отеческое заветное и наставление на всю твою жизнь. По временам прочитывай его с такой же любовью, с какой написано. И до старости доживешь, вспоминай меня в своих молитвах; не забывай, когда и умру, — что был вот на этом свете человек, грешный архиерей, который Сергея Павловича любил, как родного сына, и больше родного сына...

Призываю на тебя, чадо мое, Божие благословение: на твое тело и душу, на занятия и труды твои, на отдых твой, на молитву твою, на доброе чтение и добрые беседы твои, на мысли твои и добрые намерения твои.

Недостойный Епископ Владимир, бывший Бийский, потом Томский и Семипалатинский, ныне Ставропольский и Екатеринодарский.

3 марта 1888 года. Губернский город Ставрополь Кавказский.

Если захочешь доставить мне утешение, напиши о себе подробно и откровенно, как сын отцу».

Так же отечески и еще с большею любовью относился святитель к сотрудникам своим, и духовным, и светским. Вера, лю-

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

бовь, ревность его в деле Божиим были необычайны, изумительны, чисто апостольские. Некоторыми фактами, лично нам известными, вспомняем наставника нашего, иже глагола нам слово Божие.

«Дик и страшен верх Алтая, вечен блеск его снегов», — сказал поэт. «Алтай великолепен, как Афон», — писал один из начальников миссии. Каждый из них своим оком смотрел и оба — правы. А мы прибавим: Алтай — чудное творение Божие. Это особый мирок, прекрасный и своеобразный, совершенно чуждый шума, суеты, лжи цивилизованных колоний и доселе сохраняющий как бы печать первозданной красоты. С вершин Алтая человек видит море гор, одну краше другой, видит множество вод, всюду — леса вековые: на горах — опять горы, до поднебесья, и там — венцы серебра белоснежного. Внизу, иногда под ногами, и бури глас, и дождь; а на вершине — глас хлада тонка, невозмутимая, святая тишина и мирно солнышко сияет. Смотрит человек в необъятную высь лазурную, смотрит и вниз, на ущелья бездонные и, подавленный грандиозным величием картины, десницею Божиею изображенной, ощущает он нечто необычайное в существе своем: сознание телесного ничтожества своего, высокий восторг, необыкновенный подъем духа. Здесь, вдали от людской суеты,

человек чувствует себя ближе к небу и мысли его невольно изменяют обычное свое неизменное течение.

Там — суета, вражда и битва,
Здесь — мир, любовь,
за всех молитва...

Здесь турист, интеллигент мало верующий, пишет на скале: «грешник, нет места здесь твоим страстям»...

Любовь Спасителя мира к горным высотам перешла и к последователям Его. Часто вершины Алтая видят стопы благовестника, возвещающего мир. Восходя на горы заоблачные, носит он в сердце Христову любовь; в дивных красотах Алтая творца созерцает он; душа его исполняется трепетным радованием, уста — Богохвалением; немощное тело духовно укрепляется на труды благовестия... А труды эти, по истине, ужасны бывают. Не говоря уже о кознях вражеских, по пятам следующим за работником Христовым, самый путь, самые способы передвижения, смотря по времени года и местности¹, являют миссионеру многое множество препятствий, бед и скорбей.

Приснопамятный о. архимандрит Владимир многократно бывал на Телецком озере, в Чульшмане; не раз следовал оттуда в Улаган, подъемом Иолузун. Это почти отвесная стена, с зигзагообразною тропкою по уступам

¹ Совершившего трудный путь, блаженной памяти миссионера иеромонаха о. Смарагда, удивленный начальник миссии спрашивает: «Да как это вы?» А он спокойно отвечает: «Верхом, пешком, на лодке»...

ее, на протяжении около трех верст. С вершины этой стены путник видит еще большую стену на противоположной стороне ущелья, а над нею — гору «в шапке золота литого», с вечным снегом, с потоками снежных вод, падающими с головокружительной высоты; а внизу, в самом ущелье — довольно обширную реку Чулышман, в виде ленточки, людей и лошадей — как точки... Бывший Томский губернатор, Андрей Петрович Супруненко, спустившись с этой стены и осеняя себя крестным знаменем, сказал: «Сохрани, Господи, меня и детей моих от подобного путешествия»...

Однажды о. архимандрит, побывши на Чуе и китайской границе, проехал на грозный Архыт, к киргизам-Кираевцам. Времени потрачено было много; а нужда надлежала побывать еще и в верховьях Катунь-реки, в Катаңде, на Уймонах. С Архыта туда (чрез Усть-Чую) — далеко, а надо скорее: «Нет ли короткой дороги» — «Есть», — говорят проводники бывалые. — «Только опасно: страшные места там есть; лучше лишних сто верст объехать». Подумал о. архимандрит, сел на лошадь и говорит: «прямо на Уймон с Богом».

Едут. Погода — ненастная, дождливая. Между спутниками, на остановках, только и речи о невозможности проезда в такую непогоду. Тревожное настроение увеличивается по мере приближения. Опытные ездоки поговаривают, что надо вернуться. О. архимандрит молчит весь путь,

погруженный в молитву. Наконец, вот и остановка. Спутники отказываются ехать: грунт и камни мокры; тропа — для одной лошади с вьюком, — неровная; на этом пути «прискорбном» то справа, то слева — обрывы в черное ущелье: там смерть ждет неосторожного путника... Опытный глаз о. архимандрита находит смелейшего из проводников. Убеденный, упрощенный, обнадеженный обещанием помощи Божией, проводник слезает с коня, берет его за повод и идет на верную смерть. А о. архимандрит, возрев на небо, с обнаженною головою, кратко молится, осеняя путь благословением и, со словами: «с нами Бог!» отправляется вторым, не сходя с лошади. Умное животное каждый почти шаг, прежде чем опереться, ощупывает почву: инстинктивно оно боится пропасти. Спутники, пораженные смелостью передовых, остановились было; но затем поспешили за ними, кто верхом, кто пешком. Несколько десятком минут страшных, мучительных, долгих, казавшихся днями... Гробовое молчание, — только разве сдвинутой ногою лошади камешек застучит по скалам, на полете в бездонную пропасть, и замрет его стон в глубине... Но вот, вдали, — радостный крик передового: «Кудайга а-а ба-а-ш!» (слава Богу)... О, архимандрит, достигши безопасного ровного места, где проводник уже ожидал его, сошел с лошади, снял шляпу, перекрестился, до земли поклонился и зарыдал...Через

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиреев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

несколько минут благополучно прибыли остальные спутники; радость написана была на лицах их; шумному говору и восклицаниям не было конца. После отдыха, отправились в дельнейший, уже не столь опасный, путь, славя Бога.

Неохотно, всегда тревожно оставлял Алтай о. архимандрит по делам службы. И всегда — спешил. Из Бийска, например, до Томска (520 в.) он не более двух-трех раз отдыхал на станциях или у священников; на весь этот путь тратил не более двух суток. Даже будучи Бийским Улу-абыз (Епископом), он брал с собою в путь только одного диакона; а сей, умудренный опытом, всегда запасался для себя немудрую снедь. Ночью, на езде, о. диакон подтянет к себе мешок с припасом и утоляет свой голод. «Ты что там, дьякон, ешь?» — «Каральку (калач), Ваше Преосвященство». — «А... и — ладно, хорошая?» — «Славная, Ваше Преосвященство». — «А ну-ка, дай». Просимое подано и епископ черствым хлебом подкрепляет силы свои...

Весна 1881 года застала епископа Владимира в Томске. Сначала тепло раннее погнало снег, Томь поднялась, и 2-го апреля начался ледоход. Сообщение с заречной стороной совершенно прекратилось; тракт переведен на ст. Яр. Была уже шестая седмица св. четырехдесятицы. Владыка рвался в Алтай: надо поспеть

в родную миссию к Светлому празднику заблаговременно. Внезапно настала стужа с резким ветром. Томский исправник (Ив. Ст. Л-в) потребовал справки о переправе и, получив рапорт Спасского волостного правления о том, что переправа, за ледоходом, невозможна, пишет: «Ваше Преосвященство! прилагаемый рапорт я получил сию минуту. Если и теперь Вашему Преосвященству угодно будет отправиться, то через два часа я выеду на Яр, чтобы, по возможности, устроить переправу для Вашего экипажа; хотя сомнение в успехе моих мероприятий не оставляет меня». Владыка отвечает: «И. С-ч! Хотя ваше личное отправление есть мера чрезвычайная, но ввиду чрезвычайных обстоятельств (которые, надеюсь, со мной впредь, никогда не случатся), я обращаюсь к вам с чрезвычайной просьбой — отправиться. И я считаю за лучшее тоже через два часа (т.е. в 4 ч.) скорее отправиться. Рапорт Спасского волостного правления говорит, что перекладная почтовая повозка может быть переправлена. Полагаю, значит и — тарантас? ибо много ли он больше почтовой повозки; можно ведь и колеса снять, отдельно переправить. А нам бы с вами хоть в Ярское сегодня. Итак, и мне к 3-м часам коней надобно, ибо теперь до 4-х часов ждать нет причины, а все же раньше — посветлее. Преданнейший слуга

ваш, епископ Владимир»¹. Этот самый исправник, еще 9-летним мальчиком, лежал в Томской семинарской больнице и после никогда не забывал посещения и утешений о. инспектора Владимира, который четыре года спустя, нарочно приехал в одно из духовных заведений г. Москвы (проездом через нее), чтобы отыскать и приласкать, и гостинцами наделить того же мальчика, сына алтайского миссионера.

Пришлось исполнить желание Преосвященного. А ветер крепчал, холод усилился, уровень воды в Томи понизился и ледоход задерживало. Послан на Яр земский председатель (Григорьев), едет исправник; изготовлена большая лодка; свыше 100 человек народа собрано. Владыка ночевал в Спасском и прибыл в Яр утром 6 апреля, в великий понедельник. Он озяб, а квартира — холодная. На реке треск, ломка, шум и свист ветра; густая масса льда, прижимаясь к берегу, на ходу стирает палки и доски в мелкую щепу; смотреть страшно и стоять холодно — руки коченеют. Плыть решительно никто не соглашается, толпа шумит: «тут — прямо смерть» Докладывает исправник Владыке; а он, печальный. Ходит по комнате и остается непреклонен, — «надо спешить, давно ждут меня; надо сейчас же плыть». Полиция прибегает к средству, якобы согревающему, смелость пробуждающему и щедро угоща-

ет народ вином; а время идет, и опасность не уменьшается. Хотя лед уже не сплошной, появляются свободные от него небольшие водяные поля, но каждую минуту они снова закрываются надвигающимися новыми массами льда, который с треском наваливается на передние глыбы... Исправник решительно заявляет Преосвященству, что плыть — опасно, что он ответственным лицом является за жизнь Владыки; что-то упоминает еще о законе, который обязывает задерживать рискующих плыть в такую пору. «Жизнь человеческая в руках Божиих», — отвечает Преосвященный. — «А закон, вами указываемый, к миссионерам трудно применить. Подождем еще и, если откроется путь, немедля им воспользуемся»... Возражать было нечего. Колеса с тарантаса сняты, поставлены в лодку, как и тарантас, осями на борта. Нашлось до двадцати смельчаков. А вот и сам Владыка идет к переправе, опираясь на трость; народ обнажил головы, Преосвященный благословляет. В это время во всю ширину Томи появляется широкая полоса воды, свободной от льда. Владыка указывает рукою, спешно прощается с исправником, молча входит в лодку, а за ним спешат перевозчики. К лодке привязан канат и конец его оставлен на берегу. Быстро отчалили от берега, быстро плывут; а сверху на них еще быстрее надвигают-

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиепископов, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

¹ Письмо сие и последующие — у автора воспоминаний сих.

рей*, на родном языке своем, дружно поеть пѣснь Сотворившему вса.— „Е тыныгъ, Каанды алка, Каан Кудам, Суреиду улу Сенедеи.“...¹⁾ Напѣвъ чрезвычайно просто; но что-же такъ неотразимо завладеваетъ и слухъ, и сердце? „Дѣти природы* поеть; душа ихъ поеть хвалу Господу; религиозное чувство простая сердца переполнило; отъ избытка сердца льется гимнь Вседержителю... Петинно, какъ бы изъ усть младенцевъ — хвала сѣ... И языкъ ихъ — чисто дѣтскій, неподражаемый; и дѣтскими очами смотрять они на изображение насъ ради Распятаго, на твердь небесную, чудное твореніе Его; и вѣтъ теперь въ душѣ ихъ явленіи сомнѣній: тамъ одна чистая, дѣтская вѣра... Тулар арадан сулар агау... Тулар бакшида сулар турат... Э Каан пудургенин найкыду“...²⁾ Они хорошо понимаютъ слова Псалмопѣвца. Чудный куполь нерукотвореннаго храма Божія надъ ними и въ глубинѣ его лампады теблятся нетлѣннѣмъ Божіимъ... „Э очюванъ байгаан Каан, Саа алкын Йеремі“...³⁾ Не имѣвътъ убогій храмъ, деревянный и ветхій, молившихся; у стѣнъ его, на лонѣ природы совершается вечернее богослуженіе: едиными усты, единымъ сердцемъ славословіе поють Всевышнему луди-дѣти...

И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой...

Кто научить и вразумить насъ, дѣти Алтая? Кто приобнять, кто, на ramo воспринять, ко Христу принесетъ насъ, идолослужителей? Кто эти блаженные⁴⁾ чудотворцы, муки духовнаго рожденія насъ воспріявшие и лучами доброты своихъ страну сѣю озарившіе?... Всѣ они десницею Божіею вписаны въ сердца наши и память ихъ — въ родъ и родъ...

Вотъ одинъ изъ нихъ, какъ мѣсяць ясный среди иранныхъ звѣздъ. Почти двадцать лѣтъ вѣщать онъ Алтаю глаголомъ живота вѣчнаго. Еще на пути сюда горѣло сердце о. архимандрита Владиміра любовью божественною; обильными слезами оросилъ онъ начало пути и трудовъ своихъ апостольскихъ, надутствуемый молитвами и благословеніемъ старца праведнаго, великаго свитителя земли русской Іереміи, въ Нижнемъ-Новгородѣ. А прощаясь съ Алтаемъ послѣдній разъ, онъ

¹⁾ Благодѣлю, душе мои, Господи, Господи, Боже мой, возмилостивися всеи кѣли.
²⁾ Впередъ горъ пройду възы... На горахъ стану възы... Динне дѣла твои, Господи.

³⁾ Слава Ти, Господи, сотворившему все.

⁴⁾ Матѣ. 2, 11, 10 — Апокал. 22, 14.

Из книги «Апостолы Алтая»,
рассказ «Памяти Архиепископа Владиміра».
1909 год

ся ледяные поля, а ниже их лед еле движется. Расстояние между берегом и пловцами — более 150 сажень; канат с лодки опущен и тянут на берег. И в то же время, в

несколько минут, лодка — между льдами; слышен шум и треск льда... сердце замерло у зрителей; а у лодки творится что-то ужасное; трудно разобрать: от

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

резкого ветра глаза застилает. Но вот, видно, что перевозчики все — на льду, у лодки; одни рубят топорами лед у боков ее, другие лодку раскачивают; снова гребцы — в лодке и ринулись с нею в реку; дружно работают весла; быстро летит лодка; пловцы уже на середине реки... Но вот, несколько груд льда в нескольких пунктах стремятся на утлую скорлупу... Лодка лавирует между ними; а Преосвященный стоит и осеняет путь крестным знаменем. Вот еще раз выскочили гребцы на лед, рубят его, лодку качают, снова вскакивают в нее; еще несколько дружных взмахов веслами и пловцы — за рекою... Все вздохнули с облегченным сердцем, все, как один человек, обнажили головы и набожно перекрестились. Крестился несколько раз и исправник; на глазах его слезы и думает он: «Если бы и мои детки за рекою ждали меня, и я бы поплыл»... «Какой же это, Ваше В-родие, архиерей такой смелый? — спрашивают мужики. — И какая нужда ему такая, чтобы на смерть соваться?» — «Это, братцы, миссионер; он всегда в такой беде живет; сердце свое он Богу отдал; Бог его и ведет теперь, Бог и хранит». — «Знамо, что — Бог. А только и старики наши такого архиерея не видывали; и не токмо что Архиерея, а и попа в ледоход не плавливали»... Возвратившиеся ямщики известили, что до первой станции за переправой (Варюхиной) тарантас Епископа несколько раз погружался в ложбинах в вешнюю воду и

багаж был подмочен. Однако же Владыка, претерпев различные беды, в пути сем, перебравшись еще через несколько рек, прибыл к пастве своей возлюбленной в дни страстной седмицы, как и желала душа его...

Теперь он в Горней стране; но и оттуда душа его, бесконечно любившая Алтай, молится за него и его обитателей у Престола Создателя, сотворившего мир и людей. Создателя, любящего своих избранных, одним из которых был архиепископ Владимир.

Св. И. Л-ев.

Миссионерский подвиг монашества в Казанском крае — всего монашества, начиная с архиереев, чьи труды навсегда укрепили христианство на здешней земле

Гауфрейхий
Альманах

В память 120-летия со дня освящения
Воскресенского собора: историко-мемориальный
и архитектурно-художественный аспекты

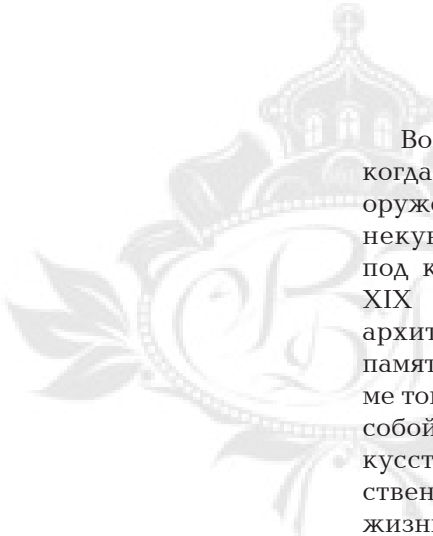
**Екатерина
Петровна
Ключевская**

кандидат искусствоведения

Ансамбль Воскресенской церкви

**В память 120-летия
со дня освящения:**

**историко–
мемориальный
и архитектурно–
художественный
аспекты**

Воскресенская церковь — некогда одно из значительных сооружений Казани, подводящее некую символическую черту под культовым строительством XIX столетия, интереснейший архитектурно-художественный памятник стиля эклектики. Кроме того, ее история представляет собой некий срез культуры, искусства и архитектуры, общественной и конфессиональной жизни Казани рубежа веков.

Но сколько-нибудь полных публикаций, посвященных этому памятнику, нет, равно как и биографические сведения о ее архитекторе, гражданском инженер-бароне Генрихе Владимировиче (Вольфовиче) Розене (1847 - ?) фрагментарны и отрывочны.

История церкви восходит, по сведениям Писцовой книги Казани 1566-1568 гг., к деревянной постройке в «солдатских слободах». На протяжении XVII — первой

половины XIX вв. церковь неоднократно горела, претерпевала ряд перестроек, что нашло отражение в ряде литературных и изобразительных источников. В советское время, как и почти все казанские церкви, она была разрушена, и на ее месте воздвигнут корпус химического факультета Казанского университета.

Сегодня представление об архитектуре церкви можно составить по нескольким фотографиям. В фотоальбоме-путеводителе Р.Идрисовой «По старым улицам казанским...» опубликованы 3 фотографии: «Колокольня церкви Воскресения Христова. Вторая половина 1870-х гг.» Фотографа Е.П. Аршаулова, вероятно, из его фотоальбома «Церкви г. Казани», созданного предположительно в 1878 году; «Воскресенская церковь до 1904 года» неизвестного фотографа (вид южного фасада, без угловой часовни) и панорамный снимок «Вид на Воскресенский собор со стороны Черного озера» 1900-х гг. также неизвестного фотографа (1).

Одна фотография церкви, опубликованная в «Путеводителе по храмам и монастырям Казани» Г.В. Фролова, сделана, по всей вероятности в начале XX в., так как на ней уже видна угловая часовня, возведенная после завершения основной постройки (2). На открытках, изданных в начале XX в., Воскресенская церковь запечатлена с западной стороны, а также в перспективе Поперечно-Воскресенской

улицы. По этим фотографиям, сделанным неизвестными фотографами, хорошо видно, что вновь выстроенная церковь смещала сквозной проезд, и створы Поперечно-Воскресенской и Лобачевской улиц не совпадали.

Однако все ныне известные фотографии не позволяют составить представления о том, каковы были ее северный и восточный фасады, соединялась ли церковь с колокольной, другими словами – каков был целостный ансамбль Воскресенской церкви.

Обращение к архивам

позволило существенным образом прояснить картину — снять разночтения в датах и обстоятельствах проектирования Воскресенской церкви, выявить ее ансамблевый характер, наконец, составить представление о ее внутреннем убранстве и ризнице, расширить список имен ее благодетелей.

13 сентября 1878 г. в Казанское Губернское правление было подано прошение священника Воскресенской церкви г. Казани Василия Степановича Братолюбова, представившего планы и фасады на постройку каменной церкви в три придела и ограды с воротами по ул. Воскресенской с просьбой утверждения этого чертежа и выдаче руководства при производстве работ (3). Проект сохранился (4). Его рассмотрение состоялось 6 октября 1878 г. Был сделан ряд замечаний, касающихся как чисто технических,

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора
Публикуется впервые

Э. Турнерелли. Воскресенская улица.
Литография. 1839

так и архитектурно-художественных особенностей проекта. Так, в числе первых отмечалось несоблюдение принятых масштабов при исполнении планов, отсутствие разреза здания, отсутствие пояснительной записки и расчетов «или, на место последнего, по крайней мере точных соображений с указанием источников о том, на основании чего приданы известные размеры аркам, стенам и пилонам». Еще более серьезные замечания были высказаны относительно архитектурной проработки проекта: «а) карнизы на церкви без всякого к тому основания протянуты в одной вышине с карнизами колокольни, вследствие чего

получилась безобразная пропорция корпуса церкви к куполу с барабаном и многие другие мелкие несообразности, как то: слишком низкий цоколь внутри церкви, миниатюрность нижних пилястров с оконными в барабане, невыгодное распределение окон и тому подобное; в) стены местами в разрезе показаны слишком тонкими, своды как в плане, так и в разрезе неправильны, украшения неправильные и недостаточно разработанные; с) деревянная конструкция купола неправильная; д) подпружные арки, которых в разрезе не показано, должны произвести очень дурное впечатление, потому что они не концентричны. Расстоя-

Воскресенская церковь. Фото конца XIX в.

ние 3 с сежен между предполагаемой церковью и колокольнею весьма мало, гораздо лучше было бы или значительно увеличить это расстояние, или не соединять церковь с колокольней».

В итоге этих и других замечаний было вынесено решение, подписанное и.д. губернского инженера бароном Г.Розеном и губернским архитектором Л.Хрщоновичем: «План на постройку Воскресенской церкви в Казани возвратить священнику той церкви Братолюбову, уведомив при том, что по поводу высказанных недостатков проект означенной церкви утвержден быть не может» (5).

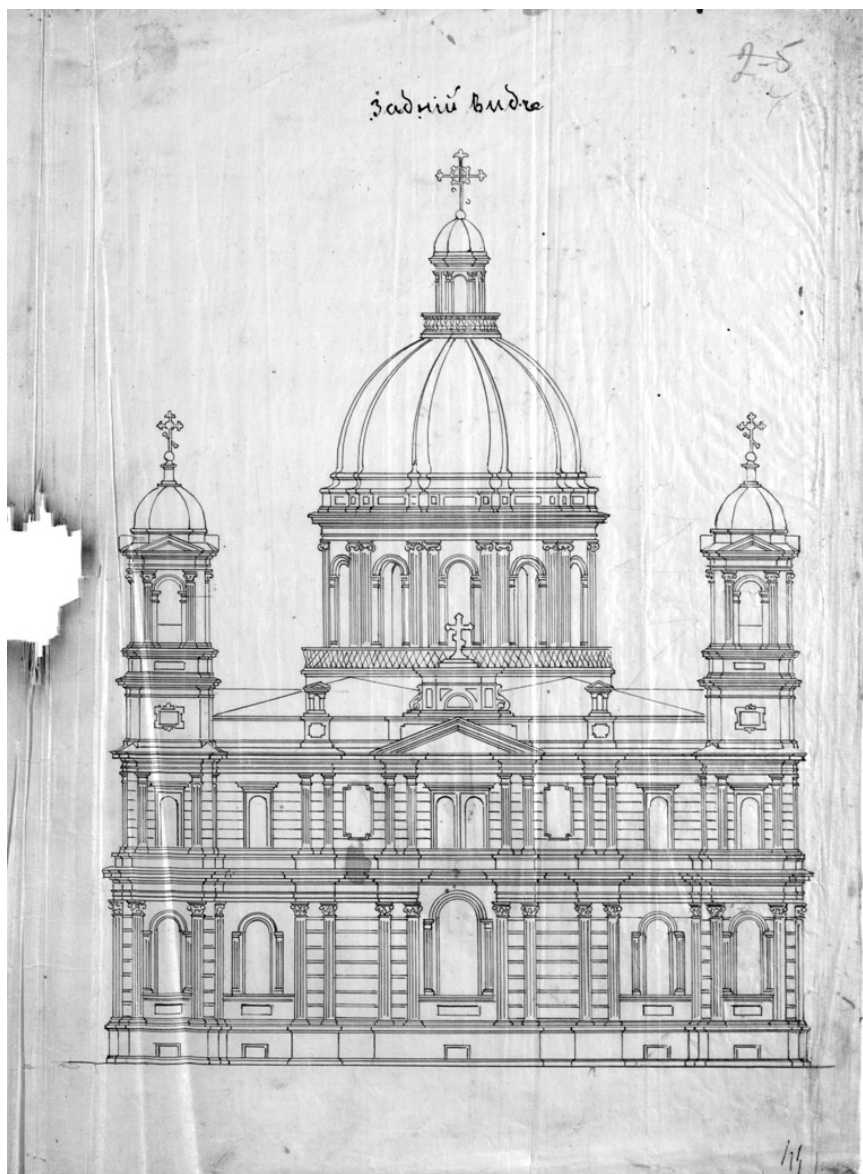
Автором этого проекта

был Петр Валерианович Тихомиров (1830-?). Систематического архитектурного образования он не получил. Окончив Казанское уездное училище, служил чертежником в Казанской губернской строительной и дорожной комиссии, дослужившись за полтора десятка лет до архитекторского помощника. В 1863 г. был награжден золотой булавкой с сапфиром за поднесение наследнику престола портфеля с картами, планами городов, фасадами зданий и кратким описанием Казанской губернии. Получил от Императорской Академии

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора
Публикуется впервые

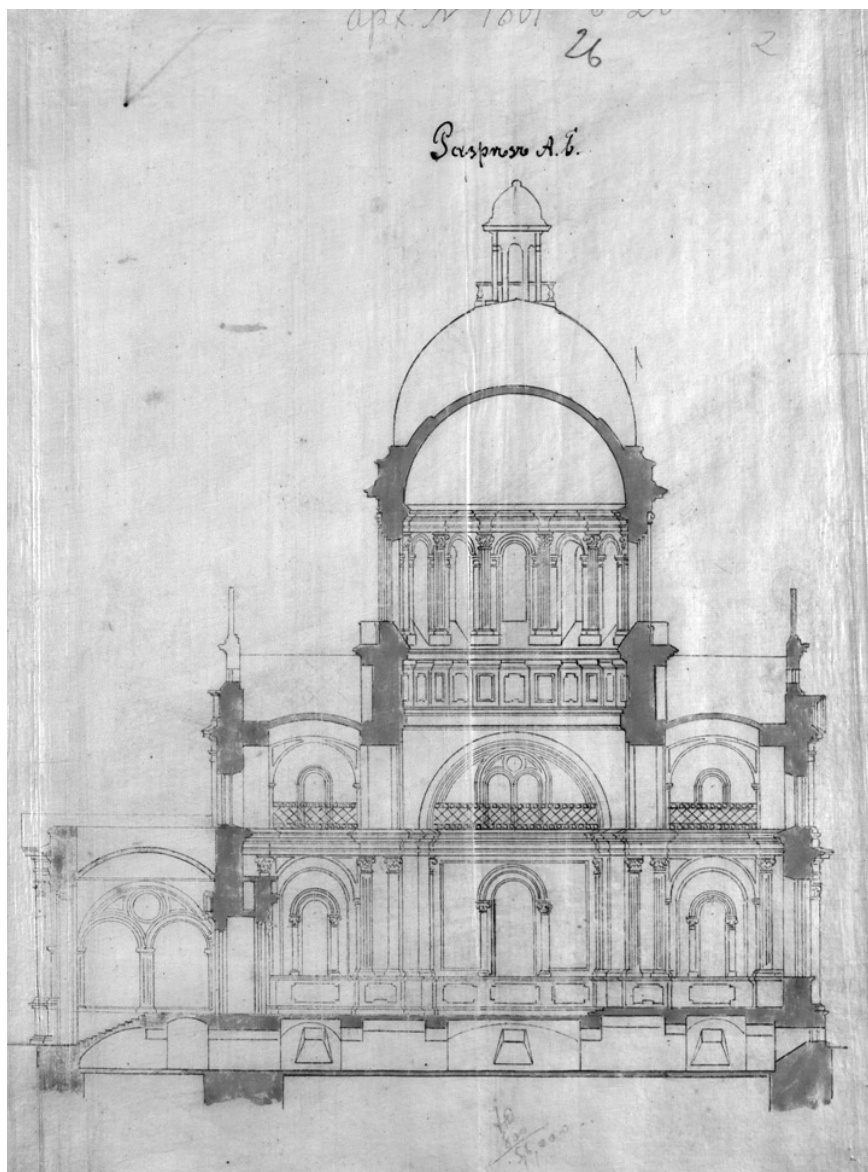

Г.В.Розен. Фасад со стороны Воскресенской улицы. 1879.
Национальный архив РТ.
Публикуется впервые

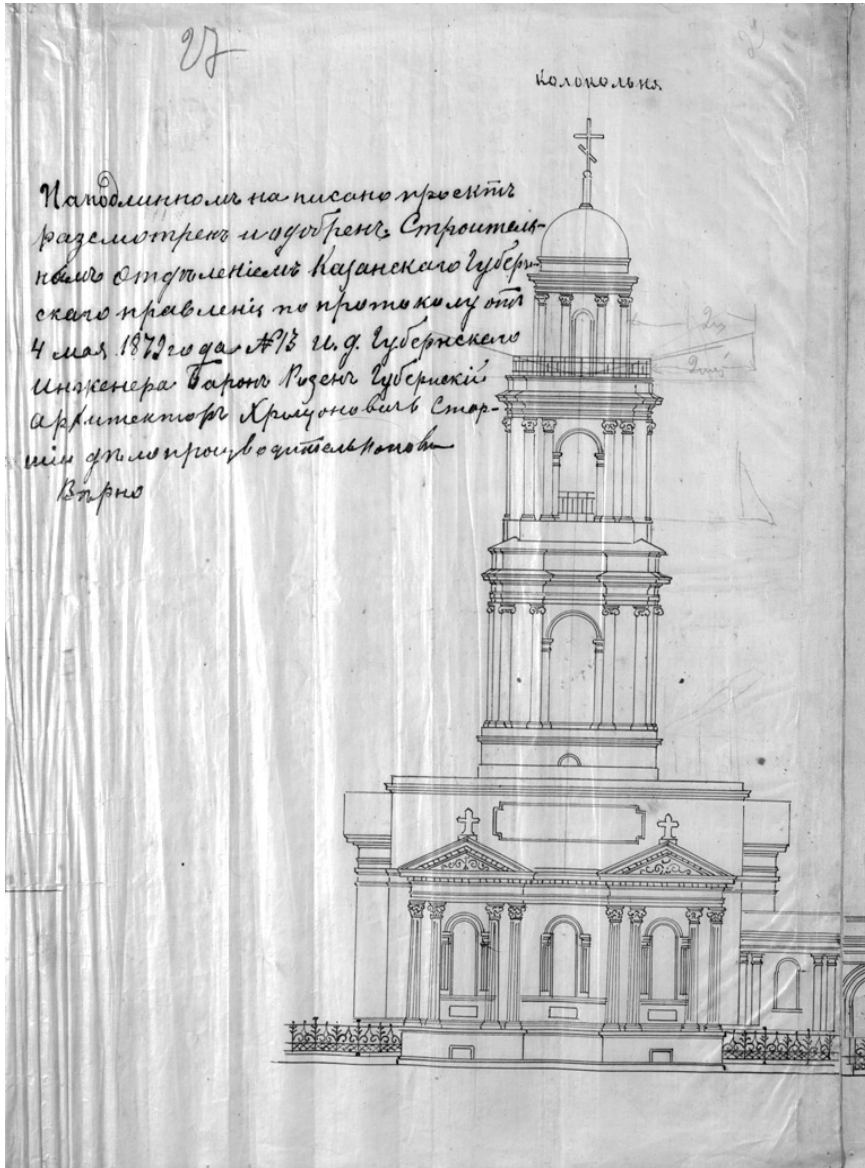

Г.В.Розен. Проект фасада «Задний вид». 1879
Национальный архив РТ.
Публикуется впервые

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора

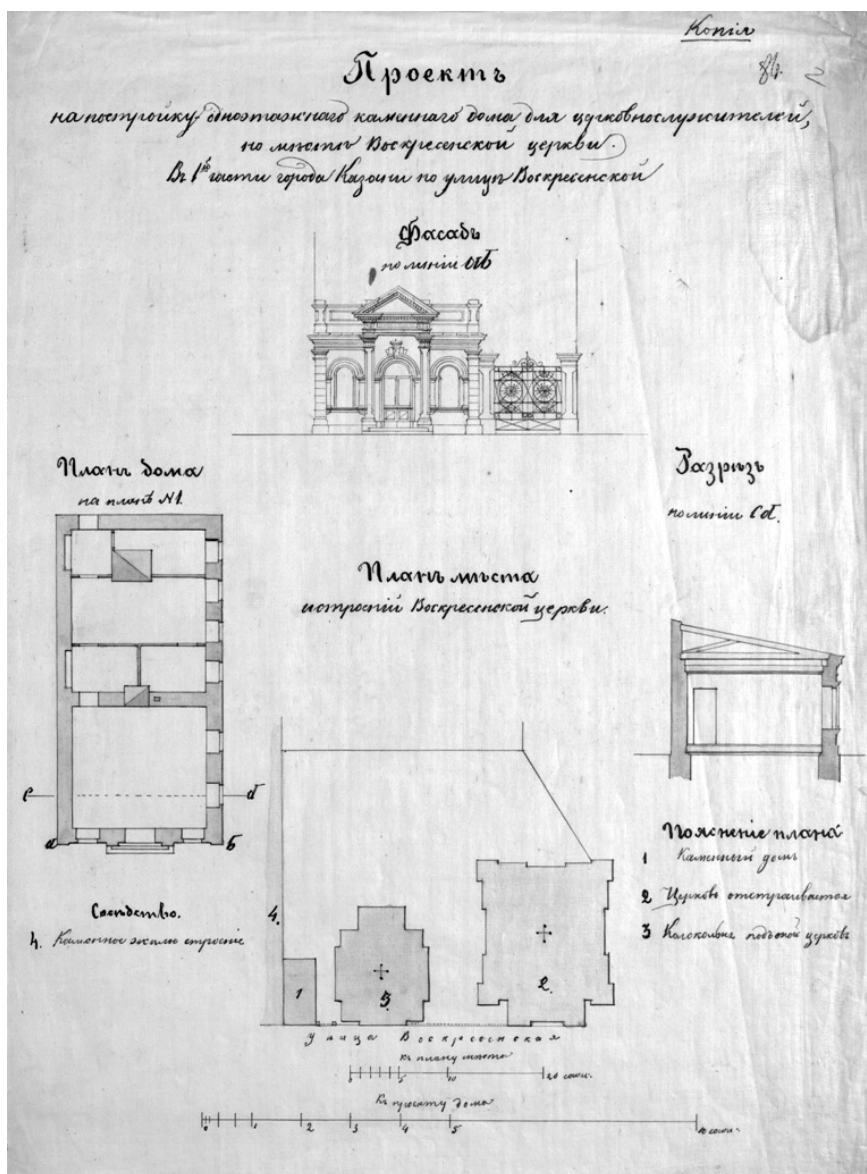
Г.В.Розен. Разрез здания. 1879
Национальный архив РТ.
Публикуется впервые

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора

АРХИВ

Г.В.Розен. Проект колокольни. 1879
Национальный архив РТ.
Публикуется впервые

Проект дома для церковнослужителей на Воскресенской улице.
Национальный архив РТ.
Публикуется впервые

художеств звание неклассного художника. В историю архитектуры Казани вошел главным образом жилыми постройками, а также как автор нескольких церквей, возведенных в селах Мамадышского, Спасского и Чистопольского уездов (6).

Менее чем через год, а именно, 2 мая 1879 г. в Строительное отделение Казанского губернского правления вновь поступило прошение священника Воскресенской церкви В.С.Братолобова и старосты той же церкви Ивана Степановича Арефьева: «Представляя при сем составленный инженер-архитектором бароном Г. Розеном проект Воскресенской церкви в г. Казани и расчетно-пояснительную записку к этому проекту, покорнейше просим означенную в сем проекте постройку нам разрешить» (7).

Г.В. Розен, потомок известных баронских родов из Богемии, прослеживающихся до XIII в., служил в Казани с 1876 по 1880 гг., последовательно исполняя должности младшего инженера, младшего архитектора Строительного отделения Казанского губернского правления, Казанского губернского архитектора и архитектора Родионовского института благородных девиц (8). С 1880 г. его творческая деятельность связана с Иркутском в качестве члена совета Главного управления Восточной Сибири, где он и осуществил ряд крупнейших проектов культовых и гражданских сооружений, которые сохранились и сегодня признаются одними из лучших в

городе. Кто именно в течение 10 последующих лет осуществлял надзор за строительством Воскресенской церкви, еще предстоит выяснить.

В краткой пояснительной записке Г.В. Розена говорилось: «Проект составлен согласно заданной программе, пятиглавый в стиле, подходящем к существующей колокольне, представляет в плане квадрат из которого симметрично 2-мя уступами выступают углы и со стороны Воскресенской ул. в середине расположена пристройка для входа в церковь.

Главный купол опирается на 4 пилона, хоры расположены по боковым нефам, по главной же оси церкви хоры не полагается делать.

Главные подпружные арки толщиной в 6 кирпичей, малые — в 3 кирпича. Главный купол пролетом в 4,98 сажени, темная часть барабана усилена посредством 12 столбов, перекрытых арками, по которым устроен ход кругом барабана. Стены башен или колоколен в двух нижних этажах толщиной в 3 кирпича, в третьем — в 2 S кирпича, и в 4 — в 2 кирпича.

На пилоны, как подверженные довольно значительному давлению, полагается отобрать самый лучший красный кирпич или полужелезняк, приготовить раствор самым тщательным образом и вести кладку с большой аккуратностью.

На своды полагается употребить клинчатый кирпич, все пояса и карнизы или вытесать

из вятского камня, или сделать из лекального кирпича. Цоколь полагается сделать из вятского или, если окажется возможным, из аклыского камня, который по причине большой твердости и прочности представляет лучший материал для цоколя» (9).

Проект Г. Розена сохранился, на подлинном написано: «Проект рассмотрен и одобрен строительным отделением Казанского губернского правления по протоколу от 4 мая 1879 г. №13. И.д. губернского инженера барон Г.Розен, губернский архитектор Л. Хрщонович» (10). Проект объединял в единый ансамбль саму церковь, возводимую на месте старой обветшавшей постройки, и отдельно стоящую колокольню начала XIX в. посредством одноэтажного перехода между ними.

В 1883 г. на участке Воскресенской церкви был спроектирован одноэтажный каменный дом для священнослужителей. Проект был утвержден 3 августа 1883 г., имя архитектора на проекте не указано. Узким фасадом дом выходил на красную линию Воскресенской улицы, так же как колокольня и притвор церкви. Декор фасада в три окна, с выделенным центральным, фланкированным полуколоннами под треугольным фронтоном, органически вписывался в общий стилистический рисунок ансамбля Воскресенской церкви. Ажурная металлическая ограда и ворота между колокольней и домом дополняли общую картину. Впоследствии, в 1907 году, дом расстраивался в глубину участка

и надстраивался вторым этажом, о чем также сохранились документы в архиве (11).

Последним по времени сооружением в ансамбле Воскресенской церкви было возведение угловой часовни, восьмиугольной в плане, купольной, увенчанной глухим барабаном с луковичной главкой, проект которой был рассмотрен и одобрен Строительным отделением 21 июня 1900 г.

Сравнение проекта с сохранившимися фотографиями позволяет убедиться в том, что постройка была возведена с максимальным приближением к проекту.

Архитектура храма представляла собой яркий образец эклектики псевдо-ренессансного направления, что само по себе уже определяло ее особое место в культовой архитектуре Казани, т.к. использование ренессансных форм было абсолютно не типично для культовых сооружений в то время — чаще обращались к древнерусским, барочным, неоклассическим и даже готическим традициям. В этом смысле архитектура Воскресенской церкви составляла исключение не только в культовой, но и в гражданской архитектуре Казани.

Кубический объем здания венчали пять куполов, центральный в виде ренессансной ротонды со сферическим куполом, барабан которого был прорезан арочными окнами, чередующимися со сдвоенными пилястрами, по своим размерам значительно превосходил боковые, представ-

ляющие собой легкие, скорее опять-таки ренессансные фонари, нежели купола со «слухами» под колоколы», архитектурные акценты по углам здания. Карниз здания был украшен легкой небольшой по высоте балюстрадой.

Фасады здания, за исключением главного, выходящего на Воскресенскую улицу, были одинаковы по декору. Их разделял на два не равных по высоте яруса сильно профилированный карниз. На первом ярусе, превосходящем по высоте второй, ризолиты со сдвоенными полуколоннами и высокими, почти в высоту яруса «французскими» окнами с арочными завершениями, формировали упорядоченную симметричную относительно центрального ризолита, отмеченного сдвоенными окнами на втором ярусе и увенчанного фронтоном, композицию. Полуколоннам первого яруса на втором соответствовали пилястры, что зрительно создавало эффект облегченности декора фасадов.

Фасад, выходящий на Воскресенскую улицу, имел в первом ярусе два сильно выдвинутых вперед ризолита-пристройка, под треугольными фронтонами, опирающимися на сдвоенные полуколонны по углам, фланкирующими арочный портал главного входа в церковь.

Одноэтажным, аналогичным по декору переходом церковь была соединена с колокольной с тремя кубическими и четвертым цилиндрическим под сферическим куполом ярусами. Фасад первого яруса колокольни был

декорирован двумя выступающими ризолитами со сдвоенными пилястрами по сторонам полуovalного окна, фланкирующими центральное окно, фактически повторяя элементы декора фасада храма по Воскресенской улице. В первом ярусе колокольни была устроена церковь во имя Пр. Сергия Радонежского.

При проектировании Воскресенской церкви Г.В. Розен, следуя ведущим тенденциям в архитектуре своего времени, использует заново открытые эстетические возможности так называемого «кирпичного стиля» в сочетании с вятским камнем, из которого выполнены карнизы, тяги, капители и базы полуколонн и пилястр. Сочетание регулярности со свободной импровизационностью в использовании элементов ренессансной архитектуры сообщало облику храма архитектурную устойчивость и гармоническую уравновешенность частей.

Целостный по своему архитектурно-художественному решению ансамбль Воскресенской церкви, объединивший разновременные постройки — само вновь возведенное здание церкви, старую колокольню, дом причта и часовню, завершил формирование квартала. Светский характер архитектуры Воскресенской церкви не входил в противоречие с окружающей застройкой, уравновесив расположенный несколько дальше на противоположной стороне Воскресенской улицы ансамбль Казанского университета. (Это

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора
Публикуется впервые

в буквальном смысле противостояние двух крупнейших архитектурных ансамблей — университета и Воскресенской церкви в первое десятилетие советской власти, окрашенное воинствующей антирелигиозной пропагандой, символизировало идейное противостояние).

Несомненно, большой удачей можно считать как сохранившиеся документы, связанные с постройкой церкви, так и сохранившуюся

«Главную опись

Воскресенской церкви г. Казани», составленную церковным старостой Абрамом Долгошиным, датированную 20 января 1898 г, предоставляющую возможность составить представление о составе находящихся в ней икон, паникадил, подсвечников, предметах ризницы, библиотеки, колоколах и другом имуществе, о характере декора интерьера церкви, наконец — о размерах и характере пожертвований и именах благотворителей (12).

Так, из приводимых в описи размеров Воскресенской церкви видно, что она стала одной из самых крупных приходских церквей в Казани, занимая пространство в 13,32 сажени по Воскресенской улице и 16,25 сажений по Лобачевской. Высота храма, включая центральную главу до «яблока», составляла 19 сажений. Храм и отдельно стоящая четырехъярусная колокольня были обнесены кирпичной с железными решетками в

чугунных столбах оградой.

На колокольне было 7 колоколов. Большой праздничный бакулевский, (т.е. литый на известном на всю Россию заводе Бакулевых в г. Слободском Вятской губернии) колокол с 8 иконами и 4 рядами надписей, весом в 288 пудов и 11 фунтов был «сооружен иждивением казанского купца Семена Ивановича Алексеева» в 1886 г.(13). Второй, полиелейный колокол в сто пудов был вылит «иждивением усердствующих ко храму Воскресения Христова» на заводе казанского купца Ивана Ефимова Астраханцева в 1802 г. (14). Это самый ранний из известных на сегодня колоколов И.Е.Астраханцева, что позволяет на 4 года расширить временные рамки деятельности его завода (15). В первом ярусе колокольни была устроена церковь во имя Пр. Сергия Радонежского Чудотворца.

Согласно церковной описи, в интерьере храма подкупольное пространство и верхние части стен были декорированы лепниной. Стены храма были отделаны нишами для икон и расписаны не были, лишь на подкупольных столбах были изображены евангелисты.

В западной стене храма были устроены хоры с особым помещением для церковной библиотеки. Как известно, с 1864 г. церковные книги каталогизировали по классификации Св. Синода, выделяя литургическую, духовную и аскетическую литературу. В библиотеке Воскресенской

церкви было 4 Библии, в том числе 1751 г. на славянском языке, 35 богослужебных книг, 6 из них - XVIII в.; 4 книги писаний отцов церкви; 10 книг духовного содержания, все XIX в.; 17 книг, относящихся к объяснению богослужения и церковному управлению; 42 книги нравоучительного содержания, из них 11 – XVIII столетия; а также более 80 книг иного содержания. Среди документов значились приходно-расходные книги, начиная с 1809 г., метрические книги с 1782 г. (за исключением 1805, 1807, 1809, 1811 и 1812 гг.), а также копия с плана Воскресенской церкви с колокольной, выданная из Строительного отделения Казанского губернского правления, утвержденная губернским архитектором Ф.Н. Малиновским.

Церковь была трехпрестольная – главный престол в честь Обновления храма Воскресения Христова, правый придел освящен в честь происхождения Честных древ Животворящего Креста Господня, левый – во имя Всех Святых.

Предалтарные иконостасы были деревянные столярной работы без позолоты, главный в 4, боковые – в 3 яруса. В «Путеводителе...» Г.В.Фролова их автором называется С.Я. Спиридонов. В документах Казанской ремесленной управы упоминается только один Спиридонов, а именно – Сергей Яковлевич, казанский цеховой, который был не резчиком, а иконописцем, мастерскую держал с 1867

г. на Проломной, а позже – на Университетской улице в собственном доме при 8 работниках и 3 учениках с годовым оборотом в 13000 рублей, что для ремесленной мастерской в то время было довольно крупной суммой, имея сбыт в Симбирской, Пермской, Вятской губерниях (16). С.Я. Спиридонов был экспонентом казанских научно-промышленных и сельскохозяйственных выставок 1880, 1886, 1890 гг. и имел бронзовые и серебряные медали «за иконопись отличающуюся правильностью рисунка» (17).

Иконостасы же, учитывая размеры заказа, могли быть выполнены в мастерской М.А. Тюфилина, крупнейшей в Казани, известной кроме того именно дубовыми резными иконостасами без позолоты и окраски. И действительно, в списке его работ, опубликованном в материалах «Казанской ремесленной сельскохозяйственной выставки 1886 г.» под 1879 г. значится и работа для Воскресенской церкви.

Все иконы, говорится в описи, фряжского письма на дереве по золотому фону с чеканкой. Речь идет о 29 иконах в главном иконостасе и 20 и 18 иконах в придельных. Учитывая величину заказа, с известной долей вероятности можно предполагать в качестве их исполнителя именно мастерскую С.Я. Спиридонова. В алтаре было 10 икон, в том числе Казанской Божьей Матери, Воскресения Христова, Василия Великого, Моление о чаше, Божьей Матери – Споручницы грешных, также «фряжского

Интерьер церкви.. Центральный иконостас.
Фото начала XX в.

письма». В остальных местах храма было 25 икон. И несмотря на то, что Воскресенский приход был одним из старейших в Казани, особых древностей в храме не было. Лишь однажды опись выделяет икону Скорбящей Богоматери «иконописной древнего письма работы», а также особо отмечает вкладную икону Донской Божьей Матери с изображением событий ее прославивших, сооруженную в память события 24 августа 1842 года (как известно, в этот день был один из 12 больших казанских пожаров, открывших череду стихийных бедствий 1840-50 гг.). Опись отмечает также в

интерьере храма 24 бронзовых золоченых подсвечника, 6 лампад, бронзовое золоченое в три яруса с литыми кронштейнами на 42 свечи со стеклянными розетками паникадило.

В придельном храме во имя происхождения Честных древ животворящего Креста Господня, помимо трехъярусного иконостаса, размещалось еще 11 икон, в том числе плащаница малинового бархата с изображением Положения во гроб, шитая золотом и серебром, а также подробно описанная в описи икона св. Пантелеймона «художественной работы», с надписью на обороте: «икона сия писана и

освящена на Св. Горе Афонской в русском Св. великомученика Пантелеймона монастыре от коего и послана в Казань для храма в благословление христоролюбивых жителей в благодатную помощь и заступление всем с верой и усердием прибегающих к св. Пантелеймону и умиленно молящимся пред честным его образом. 1885 г.» (18). В интерьере придела было 5 подсвечников, 8 бронзовых золоченых лампад.

В приделе во имя Всех святых было, помимо иконостаса, 6 икон, в том числе икона казанских святителей — Гурия, Германа и Варсонофия, 3 подсвечника и 7 лампад.

Неопубликованная фотография из частного архива запечатлела интерьер алтарной части Воскресенской церкви. Хорошо видны резные киоты икон на предалтарных столпах.

Храм под колокольной во имя преподобного Сергия Радонежского был устроен еще в 1839 году иждивением купца Леонтия Филипповича Крупенникова и освящен 9 мая. Шелковый антиминс освящен архиепископом казанским Павлом в 1888 г. В двухъярусном иконостасе было 28 икон, еще 11 икон в прочих местах храма, в притворе — 3 иконы. В описи отмечены также 2 серебряные лампы и трехъярусное медное посеребренное паникадило о 36 свечах весом 12 пудов.

Церковь и ее ризница были богаты вкладыми жертвователей, среди которых были известные казанские фамилии — Л.Ф. Кру-

пенников, А.Н. Родионова, А.Н. Теренин, Л.В. Кекин. Но гораздо больше было тех, чьи имена мало известны и их значимость в истории Казани ознаменована для нас единственно фактом богоугодных пожертвований: Н.В. Михайлов, А.И. Сметанина, Т. Зайцева, П. Ширинова, Г. Кукулина, А.Я. Степанина, В.И. Никольский, М.А. Ширшов, П.А.Дубровина, а также тех, кто пожелал остаться неизвестным.

Особенно крупные жертвования были сделаны Л.Ф. Крупенниковым и А.Н.Родионовой.

Вклады купца и потомственного почетного гражданина, неоднократно избираемого на ряд выборных должностей в городском и общественном управлении, Леонтия Филипповича Крупенникова (1755-1839), сделанные еще в начале XIX в. были весьма значительны. Его иждивением была возведена колокольная и оснащена всем необходимым церковь во имя Пр. Сергия Радонежского Чудотворца, снабженная утварью и иконами. В главной ризнице храма хранились пожертвованные им же Евангелие 1833 г. в серебряных досках, с традиционным изображением на верхней крышке Воскресения Христова и два напестольных серебряных позолоченных креста, один — весом 3,1/2 фунта 13 золотников с изображением Распятия, выполненного в финифти, и пятью клеймами, осыпанных аквамаринами, другой, «под чернью» — весом 1 фунт 9 золотников. Из 30 серебряных с

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора
Публикуется впервые

позолотой богослужебных сосудов в ризнице пять (потир, дискос, звезда, 2 тарелочки, лжица) были также вкладом Л.Ф. Крупенникова. По свидетельству первого биографа рода Крупенниковых Н.Я.Агафонова, вся утварь заказывалась им в Москве.

Иждивением мещанки Анны Иоакимовны Сметаниной было сделано медное посеребренное облачение престола.

Богатые облачения — 2 фелони серебряной парчи с золотой тесьмой и серебряными 84 пробы пуговицами были вкладом купца Леонтия Владимировича Кекина.

Значительны были и вклады в церковь Анны Николаевны Родионовой, увековечившей память о себе завещанием средств на учреждение Родионовского института благородных девиц в Казани. В главной ризнице храма хранились пожертвованные ею Евангелие 1815 г. в серебряных досках с изображением на верхней крышке на финифти Воскресения Христова и евангелистов по углам, также исполненных финифтью, на нижней доске — Моисея, принимающего на горе скрижали, пять богослужебных предметов, украшенных финифтью по серебру (потир, дискос, звезда, 2 тарелочки, лжица), серебряная же с финифтью дарохранильница, а также блюдо для благословения хлебов весом 14 фунтов 9 золотников.

В интерьере храма память о бывшей прихожанке А.Н. Родионовой была увековечена особым образом. Это было вы-

звано тем обстоятельством, что ее могила в ограде старой Воскресенской церкви при возведении нового здания оказалась под стенами храма. На северной стороне столба в деревянной с резьбой позолоченной раме был помещен образ Св. Анны Пророчицы, писанный на дереве по золотому фону. «Под сей иконой, — говорится в описи, — на столбе прибитая медная под стеклом доска, на ней вырезана следующая надпись: «С высочайшего соизволения Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны тщанием и иждивением Ведомства императрицы Марии, казанского дворянства и получивших в Родионовском институте воспитание, сооружена сия икона Св. Пророчицы Анны в вечную память основательницы Родионовского института благородных девиц Анне Николаевне Родионовой, прах которой, покоившийся прежде на бывшем месте, заложен под сей плитой в нижних сводах сего храма». Рядом расположена еще одна доска с надписью: «Калужская уроженка А.Н.Нестерова, по мужу полковница Родионова большую часть своей жизни провела в Казанской губернии, упорным трудом и бережливостью Анна Николаевна приобрела значительное состояние. Искренняя набожность, живая любовь к ближним, забота о просвещении и особая жалость к сиротам, тяжкое положение которых она сама испытала, внушили ей благую мысль значи-

Воскресенская церковь. Фото начала XX в.

тельную часть своего состояния завещать на благородное дело основания в Казани института для бедных благородных девиц, по устройении его да почитет на нем благословение Божие». В углах доски надписи: «1751 года рождена А.Н. Родионова. 1827 года кончина А.Н. Родионовой. 1841 года открытие института, сооружена икона 1891 года. Кругом надписи в орнаментах слова: «благотвори от бога есть», «еже лице и сущно таковых отрочат приемлет во имя мое» (19). Таким образом, увековечивая память о А.Н.Родионовой, Воскресенская церковь приобретала и мемориальные функции.

Притч церкви составляли

два священника, дьякон и два псаломщика. С 1897 г. священниками служили протоиерей Валентин Парфентьевич Мстиславский, кандидат Духовной академии, член Консistorии и Епархиального училищного совета, законоучитель женской гимназии и Порфирий Митрофанович Руфимский, кандидат Духовной академии, член правления Духовной семинарии и управления Епархиального свечного завода. Дьяконом церкви с 1890 г. был Николай Васильевич Орлов из 1 класса Духовной семинарии. Псаломщики в сане дьякона — Алексей Егорович Евлампиев и Иоанн Васильевич Давыдов.

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора
Публикуется впервые

По сведениям на 1909 г. в приходе значилось 144 двора, прихожан мужчин 273, женщин 259 (20).

Хочется закончить описание предреволюционного периода истории церкви фразой из воспоминаний одной из ее прихожанок, где крестили, венчали и отпевали ее предков, отцов и дедов, Наталии Александровны Магницкой (1914-2006): «На нашей улице для меня было три храма — наш дом, где я родилась, выросла и успела состариться, Воскресенский собор — место тихих раздумий, и университет, где я училась и получила идейный заряд на всю свою жизнь».

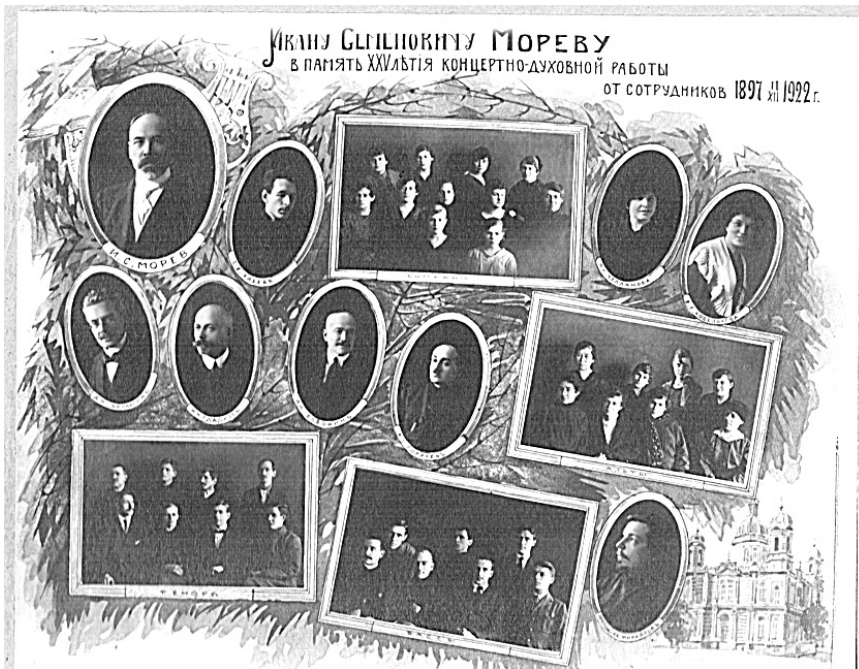
Протоиерей Максим Дормидонтович МИХАЙЛОВ. Фото начала XX в.

Уничтожение Воскресенской церкви

в советское время протекало постепенно, растянувшись на десятилетие, но последовательно. Во всех подробностях оно изложено в исследовании протоиерея Владимира Мухина, опирающегося на обширный архивный материал (21). С 1920 по 1926 гг. храм был освобожден от общины и передан под нужды налогового управления; в 1929 г. Пленум Горсовета постановил закрыть храм и передать под студенческий дом культуры, в январе 1930 г. договор с общиной был расторгнут и церковь закрыта, в просьбе общины взять 20 икон разного размера, распятие и 4 иконы из иконостаса, некоторые облачения и воздухи было отказано и все имущество церкви передано в Госфонд; в

1932 г. совещанием представителей строящих организаций при Совете Народных Комиссаров Татарской Республики было принято решение передать церковь под общежитие комунжилстроя. Ни клубом, ни общежитием церковь не стала, и после 1932 года была разобрана.

Нельзя не привести цитаты из работы В.Мухина, красноречиво характеризующей Воскресенскую церковь в письме 1929 г. членов Тюркотатарского рабочего факультета, требующих ее закрытия: «... Здесь организовывают частые архиерейские службы с предварительной рекламой, здесь пел хорошо подобранный церковный хор под руководством опытных регентов; приглашались голосистые дячко-

«Ивану Семеновичу Мореву в память XXV-летия концертно-духовной работы от сотрудников. 1897. II. XII. 1922 г.» Фото из архива историка Г.А. Мюллера.
Публикуется впервые

ны, подбирались проповедники — ораторы».

Если обратиться к запискам казанцев начала 1920-х годов, то обнаружатся подтверждения этому. Вот запись, датированная 10 декабря 1922 г.: «Концерт И.С.Морева в Воскресенской церкви. Событие, так как в программе «Всенощная» Рахманинова... Исполнение — великолепное. Впечатление — огромное. Народу масса. Второе отделение: Чесноков и Гречанинов». Еще одна запись: «24 декабря. Повторение И.С.Моревым его концерта (с добавлением «Да молчит», «Благообразный Иосиф» и «Пресвятая Богородица, спаси нас») с запевом нового дьякона —

прекрасного баса (служит в Воскресенской церкви). Сегодня же чувствовали И.С.Морева с 25-летием концертной деятельности (всего по пению работает 36 лет)».

И.С. Морев, как известно, был регентом лучшего в Казани церковного хора, а протодиаконом в Воскресенской церкви служил знаменитый бас — Максим Дормидонтович Михайлов, впоследствии Народный артист России. Но в те годы отношение к ним было иное: «По слухам, хотят выслать из Казани И.С.Морева и дьякона Воскресенской церкви (много де народу привлекают в церковь). В ГПУ дьякону указано, чтоб он шел в

В память 120-летия со дня освящения Воскресенского собора

оперу». Запись, датированная 15 марта 1930 г., зафиксировала и реквизицию церковного имущества: «Выбрасывали на воза иконы из Воскресенской церкви». Надо добавить, что в их числе были и иконы из других, уже закрытых казанских церквей, в частности — домово́й церкви Родионовского института, о чем свидетельствует протокол музейного отдела Татнаркомпроса от 31 мая 1920 г. (22)

Ни судьба этих икон, ни церковной библиотеки на сегодня неизвестны.

Юбилейная 1922 г. групповая фотография хора И.С.Морева сохранилась в архиве краеведа Георгия Александровича Мюллера, предоставившего ее, за что приношу ему большую благодарность.

В воспоминаниях Ксении Боратынской, внучки поэта Е.А. Боратынского, описывающей основание фонда земских учительских съездов и организацию с этой целью благотворительного концерта, для чего все учителя и учительницы с голосами или хотя бы со слухом приезжали в Казань на спевки, несколько строк уделено И.С. Мореву: «Саша (Александр Николаевич Боратынский) обратился к известному талантливому регенту Ивану Семеновичу Мореву с просьбой руководить хором. Я с наслаждением вспоминаю то захватывающее чувство, когда растет и ширится могучая русская песнь. Морев как регент был художником и творцом. Каждое выражение, каждое слово он объяснял так ясно, что хор точно

воспринимал и передавал так, как он требовал. «Нуте», — говорил он, — поднимая камертон, и весь хор становился на острие его камертона. Это уже был не сбродный хор, а сам Морев и его талант. «Сахару, сахару больше», — шептал он в лирических моментах. «Уничтожьтесь, уничтожьтесь — вас нет — совсем нет», — это означало *piano pianissimo*. А в сольных моментах он весь хор снизу вверх поднимал на обеих руках и кидал его с необъяснимой силой в *forte fortissimo*, от которого дрожали и окна колонного зала и наши души» (Ксения Николаевна Боратынская. Мои Воспоминания. — М. 2007. С.292)

Упомянутый в письме «проповедник-оратор» — это конечно же Порфирий Митрофанович Руфимский, служивший в Воскресенской церкви с 1897 г., кандидат Духовной Академии, член правления Духовной семинарии. Его общественная активность была такова, что навлекла на него опалу в связи с его выступлениями в печати, раскрывающими некоторые отрицательные стороны епархиальной жизни. В результате преосвященный Димитрий вознамерился переместить Руфимского в г. Лаишев. Но прихожане вступились за своего священника, о чем сообщила газета «Церковно-общественная жизнь» (1906, №20, с.702): «В «Казанском Телеграфе» напечатан следующий «Протест», вызванный увольнением свящ. П.М. Руфимского: «Узнав о перемещении священника Вос-

кресенской г.Казани церкви в г. Лаишев, без следствия и суда, без его прошения и согласия, административным распоряжением епархиального архиерея, ничем свое распоряжение не мотивировавшего, мы нижеподписавшиеся граждане г. Казани. глубоко возмущенные таким административным произволом казанского архиепископа, горячо протестуем против такого административного насилия, проявленного лицом, долженствующим быть по своему сану носителем и выразителем христианских принципов правды, мира и любви. А по положению — примером законности.

Подписали: присяжн. пов. и приват-доцент каз.унив. Н.И. Миролюбов, присяжн.пов. А. Шмид с семейством, присяжн. пов. М. Струзер, проф. Пионтковский, присяжн. пов. А. Быховский, пр.-доц. Н. Колотинский, проф. унив. В. Соколов, пом. прис. пов. Черепанов, прис. пов. Дейюнович, пом. прис. пов. В. Снежницкий, пом. прис. пов. В. Румянцев, прис. пов. Ив. Чирихин, прис. пов. Ив. Бабушкин, пр.-доцент барон А. Симолин, прис. пов. П. Романов, врач С.М. Вишнеvский, суд. пристав казан. окружн. суда Магницкий, прис. пов. П. Логинов, прис. пов. И. Котелов, прис. пов. Ланских, проф. Д. Зейлигер, проф. А. Остроумов, проф. Д. Гольгаммер, проф. Е. Будде, проф. М. Кандаратский, проф. Э. Мейер, проф. П. Аргутинский, проф. К. Архангельский, проф. П. Никольский, проф. М. Савченко, ректор унив. Н. Загоскин,

проф. А. Самойлов, проф. В. Ивановский, прис. пов. Брокмиллер, прис. пов. М. Венецианов, проф. Тимофеев, проф. Ульянин, проф. В. Груздев, проф. П. Кротов, пр.-доцент Блажоеvский, проф. Арнштейн, проф. Н.Сорокин, проф. В. Разумовский, проф. Тонков, купец А. Суоров, кол. Асс. М.Боголюбов, пом прис. пов. Ковалев, прис. пов. В. Токарев, пр.-доцент Гр. Вацуро, И. Харитонов. Прискорбный факт».

(Выражаю признательность краеведу Б.М. Куницину, обратившему мое внимание на эту публикацию).

Приводимый список примечателен обилием имен университетской профессуры во главе с ректором, именами известных в Казани врачей и юристов, вставших на защиту Руфимского.

П.М. Руфимский был оставлен в Казани, во всяком случае в «Справочной книге по Казанской епархии» (1909) он упоминается в составе причта Воскресенской церкви.

В начале 1920-х гг. Руфимский был основным оппонентом пролеткультовца и лектора по антирелигиозной пропаганде Якова Петровича Гамзы, ближайшего друга и соратника по ТатЛефу художника Константина Чеботарева, лидера левой художественной молодежи и Бориса Симолина, режиссера левого же театра КЭМСТ, творческая деятельность и того и другого отличалась антиклерикальными тенденциями. Антирелигиозные диспуты проходили в университете и других учебных заведениях города.

Таким образом, обращение к документам позволяет внести некоторые уточнения в немногочисленные опубликованные сведения, касающиеся Воскресенской церкви, представляющей вместе с колокольней и домом притча единый архитектурный ансамбль. Сам храм возводился не с 1876 г., как указывается в «Путеводителе по храмам и монастырям Казани» Г.В.Фролова, а никак не ранее 1880 г., после того, как в 1879 г. был утвержден проект постройки Г.В.Розена. И просуществовал весь ансамбль не до 1939 г. по сведениям того же путеводителя, а сама церковь не до 1930 г. как писал С.П.Саначин в статье «Архитектурные шаги советской Казани» (23). Как это видно из документов приведенных В.Мухиным,

в 1932 г. церковь еще стояла, а колокольня простояла до 1936 г., после чего на месте церковного ансамбля спустя время и был воздвигнут корпус химического факультета Казанского университета.

Остается добавить, что вместе с церковью была уничтожена и память об известных казанцах — ее прихожанах, благотворителях, о произведениях крупнейших в Казани художественно-ремесленных мастерских и богатейшем имуществе церкви, в составе которого были памятники искусства XVIII — XIX вв., стерта интереснейшая страница истории музыкальной жизни, а также и о самом архитекторе Г.В. Розене, авторе проекта и его единственной осуществленной постройке в Казани.

Примечания

1. Идрисова Р.Р. По старым улицам казанским... Казань в фотографиях XIX — начала XX века. Путеводитель-фотоальбом. — Казань. 2005. С. 51
2. Путеводитель по храмам и монастырям Казани. Сост. Г.В.Фролов. — Казань. 2005. С. 54-55
3. НА РТ. Ф.2. оп. 7, д.541
4. НА РТ. Ф.2, оп.14, д.4
5. НА РТ. Ф.2. оп. 7, д.541, л.2, 2об., 3
6. Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII — начала XX века. Биографический справочник. — Казань 1999. С. 58-59
7. НА РТ. Ф.2. оп.7, д. 692, л. 1
8. Муртазина Л.М. Казанские архитекторы конца XVIII — начала XX века... — С.49
9. Далее в записке приводятся расчеты прочности основных элементов постройки: «I. Поверки устойчивости и прочности пилонов. II. Объем большого паруса. III. Объем большой полуарки. IV. Объем 2-х нижних малых полуарок. V. Объем четверти свода. VI. Объем парусного свода. VII. Поверка прочности пилонов. VIII. Определение величины распора. IX. Поверка устойчивости пилонов. X. Определение толщины главной подпругной арки. XI. Поверка устойчивости купольного барабана». — НА РТ. Ф.2. оп.7, д.692, л.4. 4 об.)

10. НА РТ. Ф.2. оп.14, д.5. Л.2
11. НА РТ. Ф.2, оп.14, д. 41, 49
12. НА РТ. Ф.9. оп. 130, д. 4
13. На колоколе вылиты 8 икон: Благовещение, Преображение, Ветхозаветная Троица, Архистратиг Михаил, Воскресение Христово, Казанская Божья Матерь, св. Николай. Пр. Сергей Радонежский. В 4 поясах вылиты надписи: 1) «благовестуй земле радость великую, хвалите небеса божью славу», 2) «в вечер, заутрени и в полдни новым возведу и услышит глас», 3) «архангельский глас вопием ти, чистая: радуйся благодатная Господь с тобою», 4) «1886 года лил сей колокол Вятской губ. в г. Слободском купец Николай Алексеев Бакулев в память купчихи В.И.Ивановой. Весу 288 пудов 11 фунтов». — НА РТ. Ф.9. оп. 130, д. 4. л. 7 об., 8
14. На колоколе вылиты 4 иконы: Воскресения Христова, Спасителя, Казанской Божьей Матери и Св. Николая. Кругом колокола вязью надпись: «в царствование благочестивейшего самодержавного великого государя императора Александра Павловича и при супруге его благочестивейшей Государыне Императрице Елизавете Алексеевне благословением же преосвященнейшего Серапиона Архиепископа Казанского лит сей колокол в царствующем граде Казани ко храму Воскресения Христова и происхождения честных древ животворящего креста Господня казанский купец Иван Ефимов Астраханцев 1802 года апреля дня. Вылит сей колокол в сто пудов иждивением усердствующих». — НА РТ. Ф.9. оп. 130, д. 4. л. 8
15. О колоколотейных заводах братьев Ивана и Ефима Астраханцевых см. в кн.: Ключевская Е.П. Словарь Казанских художников. Вторая половина XVI — начало XX века. — Санкт-Петербург. 2009. С. 113
16. НА РТ. Ф.377, оп. 1, д. 115, л. 12 об.; д. 84, л. 25
17. Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 г. — Казань. 1886. С.19; Список наград, присужденных на казанской научно-промышленной выставке 1890 г. — Казань 1890. С. 27
18. НА РТ. Ф.9. оп. 130, д. 4. л. 43
19. НА РТ. Ф.9. оп. 130, д. 4. л. 21 об., 22. 22 об. 23
20. Справочная книга Казанской епархии. — Казань. 1909. С.12-13
21. Протоиерей Владимир Мухин. История закрытия храмов и монастырей г. Казани в 20-30 гг. XX столетия. — Московская Духовная Академия. Сергиев Посад. 2005. С.85-89.
22. Тихая Волга. Документальная хроника 1917-1935 гг. Авт.-сост. С.А.Хакимов, Е.Г.Артемова. — Казань. 2006. С. 97, 98,99, 165
23. Саначин С.П. Архитектурные шаги советской Казани//ДИНА. Дизайн и новая архитектура. 2005. № 20-21

**Анатолий
Михайлович
Елдашев**

доцент

Казанской духовной семинарии,
лауреат Макариевской премии**Морев: регент
хормейстер,
дирижер****по историческим
источникам**

Морев Иван Семенович (1 января 1862 — 4 ноября 1933)¹, известный дореволюционный регент, хормейстер, дирижер. Уроженец Твери, родился в семье дьякона Семена Морева. Выпускник Тверской Духовной семинарии и Петербургской Духовной академии (1888), по окончании которой был направлен в Казань. Преподаватель Казанской Духовной семинарии. Познакомился со Смоленским С.В., после его отъезда в Москву (в 1889 году) долгое время переписывался с ним.

Морев первым в Казани стал исполнять новые произведения А.Костальского, А. Гречанинова, С. Рахманинова, Чеснокова, Никольского (См.: «Волжский вестник», № 35, 1893). Руководил архиерейским хором. При Богоявленской церкви создал свой собственный хор, из числа студентов ветеринарного института, учащихся художественного училища, служащих, число участников которого доходило до 45 чел. (См.: «Камско-Волжская Речь», № 34, 1914). Сводные хоры Морева (до 450 чел.) выступали

¹ Запись акта о смерти архива отдела ЗАГС администрации Вахитовского района г. Казани 4652 от 5 ноября 1933 г. Проживал по ул. Ленина, дом 32, кв. 2.

на сценах Дворянского собрания и оперного театра. Однажды хором и симфоническим оркестром дирижировал в свой приезд в наш город А. Гречанинов.

С 1897 по 1903 г. устраивал духовные концерты, которые принесли Попечительству при Иоанно-Богословской церкви семинарии свыше 2000 рублей.²

В мае 1914 г. Морев дирижировал двухтысячным хором, состоящим из профессиональных артистов оперного театра и городских церквей, учащихся средних учебных заведений, студентов. Концерт при большом стечении народа состоялся на Александровской площади (бывш. Ивановская). «Морев дирижировал стоя на высоком помосте в ослепительно белом мундире и брюках при шпаге, отливавшей на солнце золотом и бриллиантовыми камнями. Черная дирижерская палочка также была богато инкрустирована».³

В 1921 г. Морев создает церковный хор при Воскресенской церкви из числа студентов музыкального училища. Он дважды в Богоявленском храме исполнил крупное произведение Сергея Рахманинова «Всенощную». В Советской России в 1922 г. это было последним исполнением

этого произведения. Хор состоял из 80 чел., солистами были артисты Казанского оперного театра – тенор Скибицкий Н.М., бас Михайлов М.Д. Среди слушателей был профессор Казанского университета, физиолог Самойлов А.Ф., который спустя некоторое время, будучи на международном конгрессе в США, рассказал великому композитору об этом исполнении, что доставило Рахманинову большое удовлетворение.

21 января 1922 года, отмечая высокохудожественную деятельность Морева, ученый Совет Восточной консерватории присудил ему звание профессора по классу хорового пения.

Республиканская печать («Красная Татария») не откликнулась на кончину И.С. Морева; хотя его семья и поблагодарила всех, принявших участие в организации похорон («Красная Татария», 11 ноября 1933, суббота, № 256 (4729).

В Казани сохранился дом Ивана Морева на Первой горе (ныне, улица Ульянова-Ленина, 32). Похоронен на 3-й аллее Арского православного некрополя. Историками-краеведами предпринимаются попытки в ее нахождении.

² Известия по Казанской епархии, издаваемые при КДС за 1904 год. — Казань: Типо - литография императорского университета, 1904. — С. 900.

³ При написании биографии И.С. Морева автор использовал дипломную работу студента Казанской государственной консерватории А.Г. Яковлева «Жизнь и деятельность И.С. Морева», защищенную под руководством А.С. Казачкова в 1950 г. См.: Библиотека консерватории 22571 — 548 б.

Защитный
Альманах

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что все здесь и сейчас...

**Наталья
Александровна
Магницкая
(1914-2006) ⁽¹⁾**

Публикуемый отрывок
из воспоминаний
Н.А.Магницкой
приводится
по рукописи
из семейного архива
Магницких.

В Цивильске. В доме священника Лавинского

Из воспоминаний

Запомнился 22 год. В Поволжье свирепствовал жестокий голод. Этот год я почти весь проболела. В начале зимы проездом с Севера, где служил в Красном флоте, навестил нас двоюродный брат Миша Лавинский. Он получил кратковременный отпуск и направлялся домой. Помню, взял меня на колени и, озадачившись моей худобой, сказал, что я не просто Натуся, как меня звали дома, а «Тус — худой арбуз», что мне нужен свежий воздух и парное молоко, и что заберет меня в Цивильск к своим родителям. Так и порешили. Был сильный мороз, меня накутали — трудно было повернуться. Ехали лошаадьми, до Цивильска было более ста верст. Заночевали в чувашской деревне, спали на столе (боялись подхватить тиф, да и с полу было холодно). Рядом

в комнате поблескивал огонь от печи и слышалось потрескивание горящих поленьев. Миша все беспокоился ночью, чтобы я не свалилась со стола. В дороге закутал с головой (мать наказала, чтобы окончательно меня не застудил). Помню ощущение бесконечных ухабов, спусков и подъемов при полной темноте. Изредка брат приоткрывал плед и спрашивал, как я там?

В доме Лавинских скоро освоилась и понемногу начала приходить в себя. Мишу встретили со слезами и объятиями. Вскоре он уехал. Как сейчас помню приезд — двор в снегу и в сугробе ярко-красная морковь, я все прошу ее достать, но говорят, что она замерзла, дома есть свежая, а я почему-то горько заплакала.

Дом Лавинских был церковный. Стоял в числе трех (священника, дьякона и псаломщика) особняком на церковной площади. Большой, деревянный, добротный, крытый железом (в отличие от других — тесовых), с палисадником и огородом на задах.

Николай Мефодьевич Лавинский пятидесяти четырех лет, мой крестный отец и муж маминной старшей сестры тети Маши, окончил духовную семинарию и с 1888 года был законоучителем. Имел несколько наград, последнюю из них — скуфью — получил в 1900 году, когда начал служить в цивильском Троицком соборе. Головное покрывало — скуфья, была фиолетовая, бархатная и считалась знаком отличия (2).

Собор был большой, трехпре-

стольный во имя Святой Троицы, а приделы — Святого пророка Ильи и Святого Петра, Алексия и Ионы Московских чудотворцев (3). В Троицу, престольный праздник, съезжалась в Цивильск масса народу, преимущественно чуваш. В церкви не протолкнешься, заполнена народом и паперть, и церковная ограда. В этот же день был самый большой в году базар — чуваша в лаптях и онучах, домашних холстах с яркой вышивкой и нагрудными женскими украшениями с массой серебряных монет — чем больше, тем лучше. Уж очень мне нравились их сырники в лубяных ставешках, завернутые в холст — творог наподобие сырных лепешек. Может быть, потому, что в Казани многого не было.

Тетя Маша имела четырех детей, сынов Мишу и Юру, дочерей — Лиду и Риту. В доме у них была небольшая гостиная (она же, кажется, и столовая) с пальмой и кружевной скатертью на круглом столе, спальная, кабинет отца и большая кухня с такой же большой русской печью. Кровати с перинами и высокой горкой пышных подушек. Сестры любили поспать, и я с томлением всегда ждала их позднего пробуждения. Над одной кроватью висела картина — обнаженная на постели и кругом амуры. Я всегда пыталась понять, что им от нее надо. Был ли это подлинник или копия — не знаю. На другой стене висела полочка, вся заставленная фарфоровыми цветными с позолотой стату-

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Интерьер Троицкого собора в Цивильске. Фото 2011 г.

этками — маркизы, пастушки, пасхальные яички с цыплятами. Обои были голубые с позолотой.

В небольшой комнате — кабинет отца, письменный стол с книгами, просто убранная железная кровать. Крест с цепью, ряса, сапоги — таким он запомнился при возвращении с утреннего богослужения. Был в то время угрюм, молчалив, чем-то глубоко, очевидно, расстроен. В кабинет к нему дети не заходили.

Помню случай — тогда с сахаром было очень трудно. Николай Мефодьевич болел — все чаще

повторялись приступы «грудной жабы». Сам варил себе помадку на топленом молоке, с которой любил пить чай. Раз пригласил в кабинет, угостил меня ею. И вот я в его отсутствие забралась в кабинет, так нестерпимо хотелось еще раз попробовать этого ароматного чуда, и очнулась, когда поллитровая металлическая баночка была почти пуста. Не знала, как и кому сказать об этом. Очень переживала. А Николай Мефодьевич, придя домой, поворчал на домашних, а, узнав, что это моя проделка, подозвал,

посадила на руки, погладила ласково по голове. Как я тогда горько и безутешно расплакалась!

Жили хорошо. Тетя Маша опекала меня со всей ответственностью перед моими родителями, сестры не обижали, подружилась с молодой прислугой Сашенькой. Иногда она брала меня с собой встречать из стада корову. Утром, вынув из печи каравай ржаного хлеба, Саша отрезала мне ломоть теплого ароматного хлеба и ставила кружку парного молока. А по воскресным дням были горячие ржаные лепешки, по которым растекался кусочек свежеспахтанного сливочного масла. Одно объедение! Чувствовалось, как это все мне было тогда на пользу.

Летом приехала за мной мама с Люсей. И, странное дело, я не сразу узнала свою мать. Залезла под стол, поманила сестру и потихоньку спросила, кто эта тетя?

Мы вскоре познакомились с девочками Петропавловскими. Их отец, Василий Евдокимович, окончил духовную семинарию, был священником, уездным наблюдателем церковно-приходских школ, членом уездного учительского совета, представлял духовенство на земских собраниях (4). Молодой, сорока трех лет, смугл, энергичен. Мы его почему-то побаивались. Весь кабинет его был завален книгами. Василий Евдокимович имел четырех детей — подростков Наденьку и Сонечку звали уже барышнями. С меньшими Олечкой и Ниночкой мы, подружившись, отлично провели сезон

лета. А вот их мать мне как-то не запомнилась, по-моему, она болела. Люсю тоже оставили погостить, а мама до осени вернулась в Казань. Мы во многом были предоставлены самим себе и чего только не выдумывали — после дождя бегали босиком по лужам, катались на поросятах, лазили по деревьям, рвали, рубили поросяткам в корыте крапиву, спасали галчат, выпавших из гнезд в церковной ограде, влезали по узкой лестнице на колокольню собора, где была небольшая комнатка и в ней «святоша» — деревянная скульптура, одетая по-чувашки. На нее молились как-то по-своему некоторые чувашки и клали в деревянную плоскую денежную приношения. А за оврагом в маленькой, начинавшей вращаться в землю, избушке под старыми ивами жила с матерью девочка чувашская, дурочка Марьяшка. Говорили, что она может догнать и отхлестать крапивой. Увидев ее, мы бежали в паническом каком-то страхе. И еще был страх (это только у меня) — боязнь воды. Сестры бегали купаться на речку Цивилку и брали с собой нас — маленьких. Но затащить меня в воду не было никакой возможности. Я визжала не хуже поросенка. А Лида с Ритой в жаркие дни купались даже при луне. Во всех затеях я была самая нерасторопная и неуклюжая — часто падала, повисала платьем на сучках деревьев и болела после беготни по лужам.

Судьба семьи Лавинских

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Троицкий собор в Цивильске. Фото 2011 г.

сложилась так. Николай Мефодьевич вскоре скончался от приступа «грудной жабы». Лида впоследствии вышла замуж за очень доброго и хорошего человека, чувашина, члена партии Луку Архиповича Волжанина. Он курил трубку, любил крепкий чай, был всегда весел, общителен и рано скончался от рака. Лида окончила учительский институт и всю жизнь проработала в Чебоксарах учительницей начальных классов, получила звание «заслуженной» и умерла в 60-е годы. С ней прожила остатки лет

(умерла в возрасте восьмидесяти лет) тетя Маша, и как родная, бывшая прислуга их дома Сашенька. Тетя Маша до глубокой старости очень интересовалась политикой и с утра прочитывала многие газеты. Сын Лиды, Налик, погиб на фронте в самом начале войны, а дочка Лиля работала в Саранске судьей. Рита окончила филологический в Казанском пединституте, жила у нас и всю жизнь проработала в школах и педучилище Чебоксар. Юра, член партии, окончил сельскохозяйственный институт

Троицкий собор в Цивильске. Фото 2011 г.

в Казани, студентом жил у нас, работал агрономом, а затем долгое время управляющим конторой «Сортсемовощ» в Казани, а последнее время — научным сотрудником Ветеринарного института, написал большую книгу по полеводству и с автографом подарил мне. Он умер в 1976 году. Миша (тоже член партии) остался в военно-морском флоте сверхсрочником и долгие годы, вплоть до 1940 года служил командиром подводной лодки на Черном море. Ему было суждено там и погибнуть.

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Семья Магницких. Слева направо: надворный советник Михаил Константинович Магницкий, его внук гимназист Сергей Корбут, сын Александр Михайлович с женой Елизаветой Васильевной и дочерьми Людмилой, Натальей, Валентиной. Фото 1916 г. Архив Магницких.

Примечания

1. Об авторе: Наталия Александровна Магницкая (1914-2006), родилась в Казани в семье гимназического учителя естествознания. Прожила долгую и сложную жизнь, которая охватила две мировые войны, революцию, страшные репрессивные годы сталинского террора, потеряв в 30-е годы многих своих самых близких родственников и друзей. В 1936 г. окончила биофак Казанского университета. Работала биологом, методистом, директором Станции юных натуралистов в Казани. С 29 июня 1941 г. — палатная сестра эвакогоспиталя. Выехав с малолетней дочкой к месту службы мужа, оказалась в Чите. День Победы встретила в командировке в бурятском колхозе.

Вернувшись в Казань, снова работала с юннатами, учителем биологии в школе. В 1960 г. была избрана председателем Татарского совета Всесоюзного общества охраны природы, 15 лет руководила секцией цветоводства. С 1987 г. около

6 лет проработала в казанском тресте Горзеленхоз, занимаясь внедрением перспективных растений в структуру озеленения города. И все это время активно выступала в печати. В республиканском издательстве выпустила несколько книжек, некоторые из них переиздавались и запомнились читателям: «Зеленые витамины», «Выращивайте цветы», «Красота, дарующая радость», «Розы цветут в открытом грунте» и др. И конечно, работа для газеты «Сам хозяин». Читатели знают ее как опытного специалиста, талантливого популяризатора.

2. Лавинский Николай Мефодиевич (1867- ?), окончил курс Казанской духовной семинарии по 2 разряду, в сане и должности состоял с 1888 г. С 1908 г. — штатный священник Троицкого собора в Цивильске.

3. Троицкий собор (1734) и отдельно стоящая колокольня (середина XVIII) построены на средства прихожан, приходских поселений. Храм — кирпичный, бесстолпный, пятиглавый, одноабсидный четверик с обширной двухстолпной трапезной. Фасады завершены поясами поребрика и декоративных закомар. Колокольня — трехъярусная восьмигранная башня на двухъярусном основании. Собор трехпрестольный: главный престол во имя Св. Троицы, придел с правой стороны — во имя Св. пророка Илии, левый — во имя Свв. Петра, Алексия и Ионы Московских чудотворцев. Под колокольней храм во имя Св. Иоанна Милостивого. Чудотворные иконы — Тихвинской Божьей Матери и Св. Николая Мирликийского. Штат притча составляли протоиерей, священник, дьякон и два псаломщика. — Справочная книга Казанской епархии.- Казань. 1909. С.494-495.

4. Петропавловский Василий Евдокимов (1878-?), священник, причисленный к собору сверх штата, уездный наблюдатель церковно-приходских школ, студент Духовной семинарии, представитель от духовенства на земских собраниях, член Уездного учительского совета. В сане и должности с 1901 г., в Троицком соборе с 1902 г., награжден скуфьей в 1908 г. — Справочная книга Казанской епархии. — Казань. 1909. С. 495

*Текст и фотографии
подготовлены и представлены
к публикации Е.П. Ключевской.*

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

**Андрей
Владимирович
Рощектаев**

кандидат исторических наук,
член Союза российских писателей,
церковный историк,
экскурсовод

Углич**Свечи вечернего
города**

Самым родным из городов моей жизни оказался Углич. Не знаю, отчего так получилось! Бог весть... а мы, когда влюбляемся, не ведаем, почему. Хорошо, если где-то есть звезда, где именно тебя ждёт твой Маленький Принц. Или твой... Царевич. Пусть себе эта звезда будет хотя бы на земле, а не на небе. Пока на земле. Все города, что я до этого описывал... они, конечно, очень красивы, но во всех я был — гость. И только в Угличе гостем не был. Я приехал в него как в родной город, жил в нём, как в родном городе и, уехав, скучаю по этой родине. Как будто я прожил там несколько лет, а не несколько дней.

То было в июле 2007-го. Городок скромно, но уверенно отмечал юбилейную, хоть и не совсем круглую дату — 1070-летие. Основали его ещё в 937 г., ещё до Крещения Руси. Когда-то, в советских путеводителях, его называли «ровесником Москвы» — по первому упоминанию в Ипатьевской летописи в 1148 году: кажется, Москва вообще не очень любила, чтоб кто-то был старше её.

С начала XIII века Углич стал столицей маленького самостоятельного княжества. Поразительно, но есть свидетельства,

что он избежал монголо-татарского разорения 1238 года: говорят, это единственный город, которому довелось откупиться и мирно признать власть великого хана. Угличанам как-то удалось то, чего не удалось больше никому.

Впрочем, последующая история города более чем полна крови и всевозможных трагедий. Тот, на чьём гербе, слава Богу, даже донине изображён ребёнок-мученик (здесь всё пронизано памятью о св. царевиче Димитрии!), — вдоволь хлебнул за века горя от своих и чужих. Символично, что угличане выделяют три «великих разорения» (1), ставя их в один ряд: опустошение от ордынцев во время Дюденовой рати в 1293 г., лютую расправу Бориса Годунова над непокорными в 1591 г., и наконец, «литовское разорение» в Смутное время. Два мальчика-мученика освятили Углич своей кровью... чего не было, кажется, ни в одном другом городе - и для меня это уже причина, чтоб до боли в сердце полюбить этот городок даже заочно, ещё не быв в нём.

«Слезинка замученного ребёнка» иногда видна даже через века, как путеводная звезда... но об этом — чуть позже.

В Угличе присутствие святых ощущается необыкновенно близко. Я не припоминаю такого чувства в других городах... кроме, может быть, Владимира и Сергиева Посада. Но Владимир — бывшая столица Руси, а

на Посаде — духовная столица, Троице-Сергиева лавра, которую вообще ни с чем не сравнишь. А здесь?.. Маленький кремль, у которого даже нет стен. Маленькие церкви, в которых редко-редко в какой сохранился старинный интерьер. В чём же тайна Углича?

Не в чём, а в ком!..

Собор угличских святых — очень многолюдная икона. Кроме Царевича, здесь и св. благоверный Роман — самый знаменитый князь града и места сего (†1285 г.), и преподобный Кассиан Грек (†1504 г.), и преподобный Паисий (†1504 г.), основатель Покровского монастыря на Волге, не только взорванного после революции, но и сокрытого, как Китеж, зеркалом водохранилища... и несколько паисиевых учеников... и страдальцы за Христа Смутного времени (преподобномученица Анастасия), и страдальцы за Него в советское время (священномученик Серафим).

Над мощами и кровью благоверных, преподобных и мучеников росли монастырские и приходские храмы — целый сад, которым так славен Углич... и сколько ни разоряли его в разные времена, а всё ж таки сохранилось 15 церквей до наших дней. Накануне революции их было 30.

Соотношение снесённых к уцелевшим — один к одному — оказалось таким же, как в соседнем Ярославле. Подавляющему большинству городов России повезло куда меньше. Как в год монголо-татарского нашествия,

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Корсунская церковь. Фото автора. 2008 г.

Углич, в сущности, откупился... тем, что стал городом-музеем.

Впрочем, сейчас почти все его храмы вновь стали действующими.

Первой из угличских церквей встретила меня трёхсотлетняя Корсунская. Она высовывала главы над деревьями и крышами всего метрах в пятидесяти от нашей гостиницы. Будто с неба на вечернюю листву приземлились купола. Необыкновенное вдруг явилось душе в самом обыкновенном пятиглавии, в простых очертаниях.

Розовый ли свет заката их так преобразил? Сделал таинственными... Если красный смешать с синим, то будет сиреневый — это мы знаем с детства. Но здесь красные лучи легли на синие купола и не смешались, и пребыли с ними... неслиянно-нераздельно. Земные купола, устремлённые к небу — и небесный свет, устремлённый к земле. В этом — великая Тайна церкви как храма и церкви как Церкви.

Корсунский храм, увидев раз, уже невозможно забыть. Ни его летящий силуэт, ни

праздничный цвет.

Он весь красно-белый, как молоко с земляникой, а купола — как черничинки. Он воздвигся над городом и виден далеко-далеко. Я вспоминаю, как его силуэт царил над всей восточной половиной Углича, когда я смотрел на город с теплохода - несколько месяцев назад.

Ступенчатая колокольня вонзается в небо. Достигает его, не успев оторваться основанием от земли — такова её скорость!.. На закате эта «скорость» ещё выше. Колокольня — того же цвета, что и закат. Розовая, она становится... розовой вдвойне, розовой насквозь. Сама став светом, она приобретает... скорость света?

Самая высокая скорость — у неподвижных предметов. Мы видим её ещё стоящей здесь, а на самом деле она уже... Сияние вечерних облаков причудливыми брызгами взлетает выше её купола, до самой верхней бездны. Будто обозначает траекторию её полёта. Будто это шлейфы-хвосты, которые она ещё только прочертит... а они уже есть! Вопреки всем законам физики.

Нарушен закон прошлого и будущего.

В тот первый вечер пребывания в Угличе, когда перед самым закатом я отправился знакомиться с городом, храм был, конечно, закрыт. Но мне ещё предстояло узнать его поближе — и даже очень близко! — в последующие дни. Здесь я познакомился... впрочем, в отличие от тех небесных шлейфов, не буду забегать вперёд.

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

В этот вечер перистые облака поднимались над горизонтом, как бесконечные морские водоросли, и маленький городок со своими церквушками тонул в них — как корабль со всеми мачтами и надстройками.

Дальше Корсунской церкви улочка вела под уклон, и за домиками уже начинала золотиться Волга. На ближайшем перекрёстке я свернул влево. Волга приближалась, прослойка домов между ней и улицей становилась всё тоньше и тоньше и наконец оборвалась столпом бывшей церкви Флора и Лавра — без куполов. Дальше был — старый тёмный сад и пристань для теплоходов. Здесь я и вышел поздороваться с Волгой. Десантировалось на невидимом парашюте солнце в лес противоположного берега из-за лёгкой дымовой завесы причудливых облаков. По розовой воде тихо уходил последний на сегодня теплоход — скользил бесшумно по жидкому свету. Волга дышала необыкновенным миром, и была совсем неширокой, по нашим-то меркам — здесь она пребывала ещё в детском возрасте, как царевич Димитрий. Детско-отроческом. Справа она крутым изгибом уходила на север (вот ведь, даже течёт в противоположную сторону, чем у нас: всё наперекор, как любят делать подростки!). У Углича Волга образует прямой угол... это, кстати, одно из объяснений названия города.

Справа — загибался Волжский угол, слева — выступал мыс, на котором светился ку-

полами кремль. Долгожданный угличский кремль! Букет густой зелени с цветами куполов. И костром отражалась в чуть колеблющейся воде красная церковь Димитрия на Крови. Вода светила от неё, как от перенесённого в кусты кусочка заката.

Золотые светлячки плыли по воде — вечерние отражения крестов.

Угличский кремль-остров не похож ни на один другой кремль Руси — маленький, почти игрушечный, без стен, зато с каналом, отделяющим его от остального города: именно «заповедник». Корона куполов увенчала шевелюру деревьев. Церкви смотрят из густого венка зелени: Димитрия на Крови — и Спасо-Преображенский собор. Красная церковь с белым собором когда-то сочетались как кровь и снег.

К сожалению, недавно снежный Спасо-Преображенский собор не совсем удачно перекрасили в жёлтый.

Сам собор не так запоминается, как его роскошная 40-метровая звонница. Её золочёная макушка восходит над тучей листвы из самой её сердцевины... как иногда во время грозы кажется: откуда-то, из таинственного «сердца» настоящей тучи, сейчас вырвется в наш мир и поедет поверх грозовой мути огненная колесница Ильи Пророка.

Чуть ли не ярче, чем купол, сверкают под ним часы. Как же без часов в таких сокровенных, особенных местах, где извечно,

Спасо-Преображенский собор. Фото автора. 2008 г.

неспешно, беззвучно тикает История!

В скромном Угличе нет более высоких колоколен.

Вообще, всё, что связано со св. Дмитрием, — по-детски маленькое, как мал был он сам. Трогательно-крошечен дворец-теремок, будто собранный из кубиков и катушек им самим. Церковь на Крови, на месте «убиения» — такая миниатюрная, что кажется, будто каждый из её пяти куполов мог бы взять и унести один человек. Шатровая колокольня при ней похожа на короткий карандашик, даже на самый его кончик. Вообще не много здесь места: не убежать, не спрятаться — ни убийцам, ни их жертвам.

От времён самого Царевича остался только дворец — постро-

енный, правда, ещё за 100 лет до него, в XV веке. Во всей России — это, кажется, самые древние сохранившиеся жилые палаты.

Церковь же на Крови возведена, наоборот, ровно через 100 лет после трагических событий — в 1691-м.

В такой поздний час идти в кремль, конечно, бессмысленно, всё уже закрыто. Поклонившись Царевичу издалека и полюбовавшись на огненные крылья облаков, образовавшие огромную бабочку — одно в небе, и одно в Волге, — я сворачиваю влево и вскоре выхожу к перекрёстку у старинной пламенно-красной пожарной каланчи. Оттуда уже виднеются белые шатры Алексеевского монастыря. Не дойти до них, тем более под таким манящим закатным небом, было бы

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Зимний пейзаж с церковью Дмитрия-на-Крови. Фото автора. 2008 г.

непростительно.

Алексеевский — один из трёх сохранившихся монастырей Углича, самый древний. Ещё в 1371 г. его основал святитель Алексей митрополит Московский.

В этой маленькой обители «на Огнёве горе» сохранились две церкви XVII века: пятикупольная Иоанно-Предтеченская и трёхшатровая Успенская. Успенскую в народе истари прозвали Дивной за неповторимый парящий силуэт. С 1628 года высится-белеет она над угличской землёй — первая из построенных в камне после опустошений Смутного времени. В городе не осталось церквей древнее её. Если духовный символ Углича — храм Дмитрия-на-Крови, то архитек-

турный его символ, несомненно — «Дивная»...

Я подхожу медленно-медленно и всё смотрю, как шатры и купола вырастают из яблоневых палисадников, словно боюсь их спугнуть. Постепенно шатры полностью притягивают взгляд, и Дивная остаётся в одиночестве: на несколько минут всё остальное перестаёт существовать.

Каменный трёхсвечник! Церковь-трикирий. Как вечное напоминание о Троице.

«Да будет воля Твоя и на земле как на небе».

Чтобы в небе — Троица и на земле — белокаменное подножие Троицы. Хочется то ли унести её с собой... то ли чтобы она тебя унесла.

Белые лесенки уходят в небо. Воздвиглось тройное Коломенское.

То ли столпы света тянутся изо всех сил от земли к Небу, то ли снопы белого сияния трояственно спускаются с небес и здесь обретают фундамент, затвердевают.

Три высоких белых, зимних ели посреди лета: Рождество — в Троице...

Особенно поразителен контраст: белое видение на фоне почти чернильно сумеречного неба. Солнце зашло, но видение молочно светится. И не может не светиться.

Позже, побывав в один из дней на службе в этой церкви, я поразился, что главная её святыня — икона Божией Матери «Неугасимая свеча» (это — сокращённое название, полное — «Свеща Неугасимая Огня Невещественного»). Церковь, сама напоминающая возжжённый пред Богом трикирий, хранит в себе «Свещу» — образ Богоматери.

2. По следам детей-мучеников

Неделю жил я в Угличе, и каждый день приносил какие-то открытия. Святые города не сразу открывают свою тайну. Могут и вовсе не открыть. Могут показать только видимое — и скрыть невидимое до лучших времён. Можно побывать в Угличе и ничего не узнать, не услышать, а услышав — не уразуметь.

Мне мечталось пройти по следам мальчиков-мучеников, увидеть всё, что с ними связано и узнать всё, что мне было ещё неизвестно. Св. Димитрия в Угличе обычно называют просто — наш Царевич, а второго мученика, младенца Иоанна — просто Ванечка Чеполосов. Тоже разумеется — наш. Такое ласковое и простое отношение, словно всё это было только вчера.

В Угличе вообще всё, что было — было вчера.

Здесь «история» — не история, а жизнь. Не память, а чувство, что всё здесь и сейчас.

Потому-то все убиенные здесь — живые.

Почти все восемь лет жизни царевича Дмитрия прошли в угличском кремле — невелик был ареал земного пути того мальчика, которому так и не суждено было стать Государем всея Руси. Зато его именем несколько лет спустя вся Русь едва не перевернулась вверх дном — это мы тоже хорошо знаем. Никогда ещё ни одна историческая ситуация не доказывала с такой ясностью — доказывала от противного, — непреложность заповеди «Не убий». Вот нельзя убивать — и всё тут! Даже если очень хочется и очень «нужно»... ну, «для государственных интересов»... то, всё равно нельзя. Тем более, ребёнка. Ну, что тут будешь делать!

Я ступаю с моста на землю угличского кремля...

Территория бывшей крепости с двух сторон окаймлена парком, да и сама вся утонула в зелени.

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что всё здесь и сейчас.

На первый взгляд, она совсем маленькая, но если обходить её по круговой аллее, по линии бывшей стены, проделаешь путь около километра. В самом центре золотится яркими стенами сквозь листву Спасо-Преображенский собор 1713 года — когда-то главный храм Углича. К востоку от него — палаты Царевича, а на самой восточной кромке, над водой — алый храм «на Крови».

Я никогда не встречал церкви, которая была бы одновременно так мала и при этом так приятельна. От неё можно не отводить глаз и при этом не уставать. Как не устаёшь, глядя на костёр или родник. Она — истинный собор угличского кремля (Спасо-Преображенский, будучи больше её в несколько раз, обычно скромно отступает на второй план, едва только её увидишь).

Душа Углича. Пасхальное яйцо на круглом столе его кремля.

Маленькая лавра... с такими же, как в Троице-Сергиевой, сине-звёздными куполами — только меньшими во много-много раз.

В церкви — музей, и всегда тесно от туристов: группы не успевают сменить друг друга, и пока один экскурсовод рассказывает в основном помещении, голос другого доносится из трапезной. Иногда, впрочем, на минутку в храме вдруг становится безлюдно и тихо и тогда от необыкновенного чувства благодати хочется плакать. У Царских врат иконостаса, под всеми рядами образов, под взгля-

дами святых, стоят носилки, в которых в 1606 году мощи Царевича несли с крестным ходом в Москву. Это — святыня, которая осталась навсегда Угличу, сами же мощи вот уже 400 лет лежат в Архангельском соборе московского кремля. Вернули городу в XIX веке «ссылный» набатный колокол, наказанный в 1591 г. за бунт угличан — за самосуд над убийцами любимого Царевича... или над теми, кого посчитали убийцами. Висит колокол здесь же, в углу церкви, под фресками. На фресках — вся история убийства и того ещё более страшного, что случилось потом. Символично, что тут, на западной стене храмов, обычно изображается Страшный суд: справа, какходишь — участь праведных в Боге, слева — нераскаянных грешников и бесов. В этой же церкви: справа — сцена убиения Царевича («Покажи, царевич, ожерелье — и по горлу с маху острой сталью»), слева — смерть самих убийц под камнями разъярённого народа. Вспомнилась вдруг картинка из школьного учебника: первобытные люди дружно забивают камнями мамонта, попавшего в яму...

Смотрю: входят и выходят посетители... вроде, разодетые «модные» туристы, совсем не паломники, да и церковь — не действующая... но многие — крестятся, и у некоторых на глазах слёзы. Как-то трудно здесь оставаться таким же, каким был ещё минуту назад, снаружи...

Впрочем, не все чувствуют... Как не все различают цвета, не

все ощущают запахи. Насильно Бог ничего не делает.

Вот рассказывает молодая женщина-экскурсовод, стоя у носилок Царевича:

— Конечно, мы понимаем, что его причисление к лику святых было чисто политической акцией, чтобы доказать народу, что он точно убит. Для объявления его святым в действительности, не было никаких оснований: ведь он прожил всего 8 лет и погиб в таком возрасте, что просто не успел ничего сделать — никаких достижений, никаких заслуг...

Господи, зачем она всё это говорит! Неужели можно ходить по земле и до такой степени ничего не понимать... ведь тут и понимать-то почти нечего. Убили ребёнка, просто взяли и убили... а ты говоришь о каких-то там «заслугах»...

У него нет никаких «заслуг», кроме того, что Господь просто забрал его к Себе... а это, конечно, далеко от «заслуг», как Небо от земли!

Слава Богу, что «заслуг» у него не оказалось!.. потому-то он туда и попал.

Ты же, наверное, сама — мать. И должна знать, кто такие дети. А говоришь всё не то, как будто робот какой-то внутри тебя засел.

До какой же степени люди путают святость и земное величие! Причём тут «заслуги». Они - у великих тиранов, полководцев, политиков... А у ребёнка вся заслуга — в том, что он есть. И в том, что когда он есть — хорошо, а когда его убивают — плохо и

больно.

Разумеется, плохо тем, кто остался осиротевшим на земле, а не ему самому. Он — в Царстве Небесном. А те, кто в Царстве Небесном, те и называются — святые. Они просто — «не от мира сего» и странно требуют от них заслуг перед миром, чей князь... известно кто!

А если рассуждать с точки зрения мира...

Есть люди, которые ничего не сделали, но мешали уже фактом своего существования. Живёт человек и не знает, что кому-то мешает. Он — не враг, нет, он просто тот, кого надо убить, как комара. Исправить ошибку природы, явившей на свет того, кого не должно быть.

Родился Христос, мухи не обидел — но Ироду, будучи Младенцем, уже мешал. Вот Вифлеемские, вот угличские младенцы... из Иерусалима в Вифлеем, из Москвы в Углич уже спешат те, кому надо исполнить приказ. «Плачет Рахиль о детях своих...» Но нам лучше о себе плакать, а они давно уже там, где нет никакого плача.

И ещё одна история...

Жил-был в Угличе за век до царевича Дмитрия удельный князь Андрей — родной брат государя Ивана III. Его называли Андрей Большой (был ещё младший брат Андрей Малый). Брат великого князя всея Руси стал по-настоящему Большим в истории Углича: построил несколько монастырей, возвёл в камне кремлёвский собор, вообще стал крупнейшим благодетелем Церк-

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

ви, а Углич по обилию каменных храмов и палат превратил в маленькое подобие стольного града Москвы... чем, вероятно, и вызвал первые зёрна зависти, которые потом взошли.

В 1482 г. князь Андрей построил здесь дворец. То, что сейчас именуется «палатами царевича Дмитрия» — лишь один из множества каменных теремов, когда-то причудливо соединявшихся лесенками и переходами в сказочный многобашенный лабиринт, — застывший костёр, который видением отражался в Волге.

После Смутного времени от других палат дворца остались лишь фундаменты. И только один кирпичный «пряничный домик» уцелел — с 1892 года в нём музей в честь царевича Дмитрия.

Судьба Андрея Большого и его детей повернулась круто и страшно. Иногда думаешь: а на что вообще способен человек ради власти?.. неужели брат брата может посадить в тюрьму и там заморить? Иван III — смог... Великий государь. Вот у него — «заслуги»! С этого и началась история нашей единой державы... как история человечества на земле началась с убийства Каином Авеля. Обычное начало! Иначе как бы мы узнали, кто «князь мира сего»? И кто избрёл все «державы» — так, что потом даже предлагал Христу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её» (Лк. 4,6).

Христос — отказался. Иван III — разумеется, нет. В 1491 г.

Андрей по приказу родного брата был заточён в темницу, где и скончался через год. Сыновьям его — племянникам Ивана III, — было тогда 12 и 13 лет (2). Родной дядя не пожалел и их, и обоих мальчиков в оковах (а как же без этого!) отправили сначала в Переславль, потом испугались, что это — слишком близко к Москве, и увезли в пожизненное заточение в Вологду. Старший из братьев, Ваня, прожил в тюрьме 32 года и 45-и лет от роду, приняв схиму с именем Игнатий, скончался... а вскоре был причислен к лику святых как преподобный Игнатий, Угличский и Вологодский Чудотворец. Брат Дмитрий пережил его в заточении ещё как минимум на 17 лет, но точная дата его смерти неизвестна. Он тоже — местночтимый святой.

Вот так бывает...

И здесь-то, у этих стен, хранящих память об одной чудовищной несправедливости — брата по отношению к брату, и дяди по отношению к мальчикам-племянникам, — почти ровно век спустя состоялось убийство маленького Царевича (3). И то, и другое — «во имя государственных нужд»...

Наивны те, кто думает, что хоть когда-нибудь и где-нибудь в истории человечества государство было — Божьим. Сказки о «светлом прошлом» звучат ещё неубедительней сказок о «светлом будущем».

Маленьких царевичей Царства Божьего, которое — «не от мира сего» (Ин. 18,36) во все времена убивали и будут убивать

в великом княжестве «князя мира сего».

Шатровое деревянное крыльцо, пристроенное к палатам XV века со стороны Волги, смотрится великолепно. Правда, появилось оно лишь в XIX веке, но такую маленькую подделку сразу хочется простить, настолько она здесь к месту. Высокая лестница-галерея с волнистыми столбиками ведёт от крыльца на второй этаж. Деревянная дверь, вся в сказочной резьбе, открывается с огромным трудом — так, наверное, и должно быть в древних палатах.

Весь второй этаж занимает один-единственный «тронный зал». Входишь и первое, что видишь — фреска Спаса Нерукотворного на противоположной от двери стене. Взгляд Господа здесь настолько светел, что забыть Его уже невозможно. Он всё время глядит на тебя, пока ты в палате. Эта фреска тоже стала одним из символов Углича — её изображения часто можно увидеть на современных образах: либо в небе над головами угличских святых, либо отдельной иконой.

На стеллажах вдоль стен — церковные древности: Евангелия в драгоценных окладах, кадила в форме соборов, дарохранительницы... По стенам — деревянные скульптуры Христа, Богородицы, святых: всё, что так редко можно встретить в современных церквях, но что было совершенной обыденностью для прихожан даже в XVIII веке. Не говоря уж о более древних временах.

Трона в «Тронном зале» нет, зато стоят под настенным образом Спаса два деревянных стульчика, над каждым из которых написано: «Кресло, XVI в. По легенде, происходит из дома угличского купца Никифора Чеполосова, куда, в свою очередь, поступило из старого Воскресенского монастыря».

Никифор Чеполосов! Тот самый?.. Да ведь это же отец второго угличского младенца-мученика — моего любимого Вани Чеполосова, похищенного и замученного сатанистом Рудаком в 1663 году. Очень страшные судьбы выпадали на земле угличским детям! Кого — в тюрьму и кандалы, кого — ножом по горлу, кого — в тесный сундук в доме садиста...

Царевичу Дмитрию было восемь лет, когда его убили. Ване Чеполосову — всего шесть. Вот они стоят рядом на иконе «Собор угличских святых» впереди всех взрослых: мальчик в короне и расшитом кафтанчике — и мальчик с непокрытой головой, в красной рубашечке. Чуть ли не за руку держатся. Похожие, как братья. И как будто Царевич подвигает Ваню ближе к центру иконы. Страдания двух мальчиков были несравнимы: Царевича убили молниеносно, так что никто ничего и понять-то не успел. Ваня, совершенно одинокий в дому садиста, как в аду, претерпел шестнадцать дней истязаний. И Один Бог был его утешителем. Не больше — но и не меньше.

О Ване Чеполосове я знал до этой поездки лишь по повести

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

«Отрок-мученик» В. Михеева — забытого ныне православного писателя начала XX века. Как сказано в самой книге: «По-разному это предание рассказывается народом в Угличе. Не совсем так оно записано и в монастырской летописи, но во всём, что в нём есть трогательного, возвышенного, доброго, и повесть эта, и летопись, и молва народная согласны».

В Угличе я больше всего хотел найти его житие, ту самую «монастырскую летопись»... вероятно, опубликованную? Где и искать ещё — он же местночтимый святой, и документальных (не художественных) книг о нём я лично не встречал ни в одном другом городе России, ни в одном храме...

Забегая вперёд, скажу: я нашёл, что искал, и... стоит воздать должное Михееву, он действительно отразил «всё, что есть трогательного, возвышенного, доброго», смягчив (пожалуй, совершенно правильно!) лишь отдельные жестокие детали. Существенных неточностей в повести нет, вот только Ваня там почему-то показан девятилетним, хотя ему было шесть лет.

Потому, если кто хочет узнать историю св. Иоанна подробнее, пользуясь случаем, советую: повесть Михеева можно прочитать в сборнике «Лилии полевые» — по-моему, этот сборник попадается в разных церковных лавках и приходских библиотеках.

Вкратце же история такова. Купец Никифор Чеполосов вполне доверял своему приказчику

Рудаку. Разумеется, «веру имел» ему и Ваня — как «юный младодетищ», поясняет житие XVII века. Однажды он доверчиво пошёл с Рудаком в его дом, в пригородной слободе... Там был «всажен» в сундук — «коник некий с острым тернием».

Рудак, видимо, искренне «любил» Ваню — как умеет любить одинокий садист. Он требовал от ребёнка, чтоб тот отрёкся от родителей и назвал его отцом. Но «юный младодетищ» умел любить — и не умел отрекаться от любимых даже на словах, даже... хотя бы для вида.

По родителям он «печаль имел» (видимо, чернокнижник считал, что по шущему велению, по сатанинскому хотению, может быть как-то иначе?), Рудака отцом не называл, а молился Отцу Небесному.

Никакими истязаниями так и не добившись от ребёнка того, чего добиться невозможно, Рудак наконец через 16 дней взял нож и «двадцатью четырьмя ранами убиение нанес, двадцать же пятою блаженного страдальца сквозь честную главу во ушеса пронзе» (вот оно — «могущество» и бессилие сатаны: не справился даже с малым мальчиком и всё, что смог — отправил его в Царство Небесное, куда самому ему нет пути).

Тело ребёнка через 8 дней было найдено пастухами, зарытое в болотный песок и совершенно нетленное. Ополонувший Рудак, вконец измученный раб сатаны, сам выдал себя. Но Ваня, явившись во сне сначала

матери, потом одновременно обоим родителям, упробил о помиловании убийцы. И его — это в XVII-то веке, при тех законах! — отпустили.

Мученик явил то, что может явить только мученик. Это — главное чудо, сотворённое Ваней... и я чувствую, что если уж грешнику, как я, просить прощенья у Бога, то первый ходатай в этом — мученик Иоанн Чеполосов.

И свято для меня всё, что с ним связано — даже эти музейные стульчики, на которые он, наверное, не раз садился.

Ещё я услышал в палатах такую историю. Смотрительница музея, с которой мы разговорились, рассказала:

— Представляете, один раз — это было моё дежурство, — в музей зашли два голубя, так деловито, чинно... всё пешком обошли: по кругу - по кругу!.. вон в тот зал зашли, потом вышли... всё головками так крутили, осматривали не спеша, не торопясь... перед иконами останавливались! Всё-всё обошли, ничего не пропустили. Посетители! Никто из нас не решился их выгнать, спугнуть, все вот так стояли и смотрели — от удивления. Я бы сама и не поверила, что такое бывает, если б своими глазами не видела.

— А потом?..

— А потом так же чинно вышли — через этот порожек перескочили и пошли... Вот до сих пор перед глазами эта картина!

Голубей и сегодня много. Курлыкают снаружи, ходят по всем оконным карнизам или сидят на них серыми клубочками. Почему-то именно палаты святого Царевича (и не только его, а местночтимых благоверных князей: Андрея Большого, Дмитрия и Иоанна-Игнатия!) их самое любимое место в кремле. Как ворота Троице-Сергиевой лавры или крылечко Воскресенского тутаевского собора...

Забрёл я и в тот район Углича, где Ваня Чеполосов жил. Тут, в нескольких минутах ходьбы от кремля, до сих пор стоят Воскресенский монастырь и Иоанно-Предтеченская церковь. Монастырь Никифор Чеполосов благоукрашал всю жизнь, а церковь и вовсе целиком возведена на его средства в память о сыне.

Живописная многокупольная громада Воскресенского монастыря (4) выросла предо мной неожиданно. Маленькие дома людские вдруг расступились, давая место Дому Божьему.

Это была сплошная фигурная стена из трёх причудливых строений: собора, колокольни и небольшой Смоленской церкви. Все они были слиты в одно и казалось, будто их из снега вылепили. Самый необычный и самый игрушечный ансамбль в Угличе! Что-то в нём есть от Ростова Великого: от его тесно поставленных друг к другу, спрессованных в венок, церквей и башен. От тех причудливых силуэтов, что получают при наложении нескольких храмов друг на друга. От чисто детского, захватываю-

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

щего дух экспериментаторства: а что если я вот этот кубик так приставлю к этому, а сюда вот так прилажу вот этот... а вон там ещё добавлю макушку... и получится?..

Будущий митрополит Иона Сысоевич когда-то принял постриг именно в этом маленьком малоизвестном монастыре, и став владыкой ростовским, не позабыл о духовной родине. Именно он распорядился выстроить в камне всё, что мы сейчас видим. Так и вырос здешний ансамбль — одновременно с ростовским кремлём.

День стоял — перламутрово-облачный, и причудливые белые башни в небе всё время дополняли и подправляли замысел древних зодчих. Кто-то надстраивал над чешуйчато-серебристыми куполами-рыбками купола другие — выше и больше... продолжал вверх и вверх снежные стены, делая их всё ближе к небесам... к Себе. И ансамбль казался плывущим, летящим, невесомым. И каждую минуту в нём что-то менялось от передвижений облаков.

Это была одна из самых красивых и одухотворённых картин, увиденных мной в Угличе!

Церковь Рождества Иоанна Предтечи стояла через улицу, на берегу Волги. Её окружал веноч больших старых тополей. Сейчас она вся спряталась в реставрационных лесах: даже светлые кресты почти потерялись среди причудливого перекрестья балок. Иногда казалось, что это скопление бесчисленных мачт,

тем более что церковь была построена в форме корабля. Лишь роскошно-ажурная шатровая колокольня открыто возносилась к облакам. Рядом старушка пасла козу.

Больше — никого.

Завтра — престольный праздник этой церкви. Только уж не первый год она закрыта на реставрацию и всё никак не поправится от советского запустения, когда в ней хранили мешки с солью. Соль «съела» почти все росписи. Даже Ангелы на сводах из светлых стали чёрными. Снаружи за много лет всё обветшало, расшаталось, было истерзано, зияло ранами... Так больной в постели не очень-то радостно встречает свои именины.

Мощи Вани Чеполосова три века находились здесь. Нет в Угличе другой церкви, так живо напоминающей о нём. В сущности, это вторая церковь «на Крови» — не Дмитриевская, а Ивановская.

Место это — кровное, но никак не тоскливое, и облик церкви — искалеченный, но праздничный... более, чем у какой-либо другой в Угличе! Даже сейчас, в залатанном и облепленном лесами виде, она просвечивала там и сям целыми клумбами зеленовато-голубых изразцов и «вязанными воротниками» кирпичного кружева.

Что-то здесь неуловимо напоминало такой же залатанный Новый Иерусалим, с его изразцовыми цветами, пробившимися через перекрестья реставрационных балок — таинственно и

непобедимо.

Это — ванина Голгофа, но раз смерть побеждена Воскресением, то даже Голгофа проросла цветами. И этот детско-мученический храм — такой, каким ему и должно быть. И даже репейники вокруг, усеянные божьими коровками, напоминают о чём-то хорошем-хорошем, что было и будет. Какой-то мостик: из Детства — в Рай.

* * *

Захожу ещё в Казанскую церковь, что возле самого кремля. Она вся вознесена к небу: две бело-жёлтые башни вздымаются над парком — сама церковь и колокольня над крыльцом. В нынешнем виде она была выстроена в 1778 г., а вообще первый храм на этом месте стоял с конца XIV века.

Интерьер не отреставрирован и напоминает катакомбы, но службы идут здесь давно и регулярно. Особо почитаются две старинные Богородичные иконы, пожертвованные прихожанами в наше время: Казанская XVIII века и «Утоли мои печали», которую специалисты отнесли аж к началу XVII века. Последняя чудесно обновилась на Пасху 2006 года. Она стояла совсем чёрная — лика не различить. Не знали, что на ней вообще написано. И вдруг как-то после службы одна женщина первой заметила, что образ стал — светлый, чёткий, будто только-только написанный.

Хорошо всё-таки, когда — чудеса! Новые... Вроде, давно веруешь в Бога... а они всё равно

зачем-то нужны. Зачем? Для радости. Для надежды. Для слёз.

Для напоминания самому себе, что не всё пропало. К счастью, не всё зависит от нас.

Есть ещё объёмная икона-скульптура Михаила Архангела — по виду из папье-маше, а на самом деле... из хлеба. Её сделали заключённые: настоятель храма, помимо служения на приходе, окормляет местную тюрьму. Икона стоит в рамке под стеклом. Предыдущую, точно такую же, но незастеклённую... съели мыши.

Я надолго задержался в Казанском храме.

Здесь произошла одна из тех, вроде бы, случайных, но символических встреч, которыми была полна вся неделя моего пребывания в Угличе. В церковь зашёл на минутку директор музея «Угличский кремль»... и нас познакомили. Речь зашла про хоть какую-нибудь литературу о Ване Чеполосове. Где можно прочесть его житие? Существует ли оно вообще в напечатанном виде? Это был главный вопрос, ради которого я, собственно, и приехал в Углич (нет, не только ради этого - но это стало как бы «поводом для самого себя», чтоб мне здесь оказаться!).

— Есть-есть, вышла, помню, лет десять назад такая брошюрочка... она обязательно должна быть у нас, в библиотеке. Вы обратитесь к заведующей библиотеки — NN-не.

— А где библиотека?

— Да вот, в ста метрах отсюда! Жёлтое такое здание у самого входа на территорию кремля...

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Можете прямо сейчас зайти, если есть время — я её только что видел, она как раз там. Скажете, что от меня. Она ваша коллега, тоже историк. Очень верующая женщина. Думаю, вам будет интересно побеседовать. А книжку она найдёт.

Я понял это как прямое указание Промысла. И буквально через минуту был уже у дверей библиотеки. Сидели на скамеечке две женщины, и когда я спросил, как найти NN, одна из них и оказалась NN.

Времени свободного было много, мы разговорились, и... закончилось тем, что она подарила мне книжку с житием Вани Чеполосова — ту, которая у неё была, личную...

От неё я узнал и историю мощей Вани в советское время. Я-то думал, они если и сохранились, то находятся в знаменитой церкви Иоанна Предтечи, которую Никифор Чеполосов построил в память о сыне.

— Нет. Там они - находились. Но эта церковь — до сих пор не действует, в советское время там был склад и вообще ужас что было. Мощи его нашли замурованными в стену — уже во время реставрации 1970 года. По всем описаниям, это были именно останки Ванечки — и даже судмедэксперты установили, что он был убит ударом в голову острым предметом... то есть сомнений никаких не было, что это он. И его мощи (ну как мощи... косточки!) были переданы тогда в наш музей. Я всё это хорошо помню. А когда стали открывать-

ся церкви, в 96-м открылась церковь Корсунской иконы Божьей Матери — большой приход, половина города!... Мощи Ванечки хранились в запаснике, и о них многие забыли — почти никто не знал, где они находятся... Ну, мы-то тут никогда не забывали — те, кто в запасниках работал... — улыбнулась она.

— Надо же — прямо как у мощей Серафима Саровского, такая же судьба!

— А у многих мощей в советское время была такая же судьба! Очень многие оказались в запасниках музеев и были... сокрыты от греха подальше добрыми людьми. А потом - открыты и переданы. Вот и у нас, как настало время открываться Корсунской церкви, тут-то и нашлись мощи Ванечки... Очень большой был крестный ход с его мощами из кремля в Корсунскую церковь. Много народа! Слава Богу, и детей многие с собой привели...

— Подождите, так они сейчас там — в Корсунской церкви!? — воскликнул я. — А я уж не первый день живу в гостинице «Углич» возле неё!... и ещё ни разу там не был: она все дни была закрыта...

— Сходите — сегодня она точно открыта, сегодня же вечерняя праздничная служба перед Рождеством Иоанна Предтечи.

— Обязательно схожу! Я даже и собирался... только не знал, что там — его мощи.

— Да они там, с 96-го года (5). Ещё частицы его мощей есть в Царёвской церкви на Ростовской

улице и в церкви Михаила Архангела в Селиваново, — но та в восьми километрах от Углича, в лесу...

После этого разговора было такое чувство, будто я прикоснулся к какой-то сокровенной тайне судеб городов и людей.

Ещё меня очень удивило, что на стене висит календарь с видом... Свяжска. Огромная фотография нашего знаменитого града, сделанная с вертолѐта: остров, овальный, как лист кувшинки, весь усыпанный домами и церквушками, как маленькими жуками и улитками.

Я почему-то был уверен, что Свяжск здесь не очень-то знают: рядом столько знаменитых городов Золотого Кольца, да и сам Углич полон древних святынь... Зачем им наш Свяжск? Едут ли из Сибири за снегом в Сочи?

— А ведь Свяжск угличанами построен, — улыбнулась NN. — В наших лесах, в имении князей Ушатых, была срублена крепость и сплавлена по Волге!

— Ах, ну да! — воскликнул я: и как я мог забыть...

— Вот и не забываем старые связи! А календарь - это подарок о. Кирилла, настоятеля Свяжского монастыря. Он нас как-то однажды, несколько лет назад, принимал у себя — очень тепло.

Да, удивительно всё связано...

«Мир тесен», — говорят обычно, когда встречаются люди. Мир выглядит ещё теснее, когда встречаются города. Два моих

любимых святых места, оказалось, не только друг с другом знакомы, а... в родстве состоят. Отец и сын.

Удивительно! Теперь буду каждый раз вспоминать Углич, приезжая в Свяжск...

Ещё хочется добавить в скобках. Два угличских мученика...

Примечательно, что самосуд над подозреваемыми в убийстве Царевича в 1591 г. обернулся для самого Углича страшным бедствием, ибо зло в ответ на зло рождает только зло (6). Помилование же ваниного мучителя как-то очень символично совпало по времени с началом «золотого века» Углича. Город вырос и расцвёл как никогда прежде — именно во II половине XVII века. Одновременно воздвиглись церкви-на-Крови — по обоим мученикам: Дмитриевская и Иоанно-Предтеченская. Заалела, как цветок, их ровесница — Смоленская церковь в Богоявленской обители. Обновился и воздвигся в камне Воскресенский монастырь, возле которого жили Чеполосовы. Да и почти все сохранившиеся доньше церкви Углича — едва ли не все, сколько их есть, — построены в ближайшие десятилетия после мученической кончины Вани. Люди, вопреки всему, не отомстили за него — и Бог после бедствий, преследовавших несколько поколений (после гоуновской расправы, Смуты, страшной чумы 1650-х годов) послал наконец долгожданный

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

мир и благоденствие. И город облегчённо вздохнул — и благодарственно украсился церквями.

Совпадение? Для неверующего — да.

А для верующего?..

Может, для милости Божией над нами стоит, помимо прочего, отменить смертную казнь?

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф).

Всё, что действительно важно — это милость и покаяние, а Углич — город покаяния. Слишком многое здесь напоминает, на что способен человек без Бога. Муки и гибель детей дали нам шанс хоть что-то в себе понять.

3. Детство и Царство

Утром Иванова дня колокольный звон Корсунской церкви обнял упругими волнами гостиницу «Углич»... и через считанные минуты после пробуждения я уже был в храме, в эпицентре ликующего звона.

Служба праздничного дня врезалась в память по многим причинам. И она, и всё, что после...

После... был крестный ход вокруг храма. С иконами и хоругвями, с чтением Евангелия, с кроплением. Поистине по словам Серафима Саровского: «Пасха посреди лета». Ни разу в жизни не видел в других храмах крестного хода в этот праздник. А тут ненароком сподобился не то что увидеть... а самому нести икону Иоанна Предтечи.

Хотелось унести с собой и

колокольный перезвон. Всегда быть там, где он.

Он — сама радость и сама Жизнь, играющая от переизбытка, иное состояние времени и пространства. «Четвёртое измерение»... как его ещё назвать.

И я уже знал, кто звонит — мальчик-иподьякон, которого не заметить было невозможно. Лет одиннадцати-двенадцати... Я его видел вчера на вечерней службе. Слышал, что его зовут Антон. У каждого, с кем он разговаривал — с батюшкой, с певчими... — как-то непроизвольно протягивалась рука приобнять его или потрепать по голове, будто у него там магнит. Казалось, от него распространяется невидимый ореол, попадая в который люди на время становятся счастливее. Он совсем не походил на тихонького «монастырского мальчика», а, наоборот, казался вполне бойким и жизнерадостным шалуном... Впрочем, так оно и было, а не казалось. И, видимо, эта радость жизни от него передавалась всем.

Сейчас она вливалась в меня колокольным звоном. Я шёл с иконой вместе с сотней прихожан и знал, что где-то там, над нами, в верхушке лёгкой, островерхой, летящей башни, вровень с куполами и крестами, мальчик Антон управляет с полудюжиной куполов, и они приветствуют родившегося Предтечу, приветствуют нас, приветствуют новый день в Угличе. В городе церквей, в городе детей, в городе святых.

И небо радостно заплакало.

Забарабанили вдруг по голо-

вам и иконам капли. Шелест резко обрушившегося дождя примешался к антошкиному звону. Бог почувствовал, что происходит на земле. И как будто мы на долю секунды почувствовали, что там у Него, на небе.

Ливень хлынул сразу же после окропления. Одни брызги смешались с другими. Не знаю, как одно с другим было связано, но уж как-то связалось! Крыша и карнизы церкви загрохотали всё усиливавшейся барабанной дробью, но звон, производимый где-то там на колокольне Антоном, был громче. Громче - и выше дождя. Он падал, казалось, с тех высот, которые вечно стоят над ливнем, над серо-белыми шумящими стенами...

«Хвалите Его, небеса небес и вода, яже превыше небес!»

И сразу же весело ускорил шаги крестный ход. «Вот как нас Господь кропит в честь праздника!» — доносились голоса. И вместе с мокрой, радостной толпой вбежал в церковь запыхавшийся, довольный мальчик, буквально слетевший по ступенькам с колокольни.

Служба закончилась. Отца Иоанна, настоятеля, поздравляли с именинами. Я тоже подошёл-поздравил, сказал, что я церковный историк из Казани.

Меня благословили фотографировать в храме, я робко спросил, можно ли на колокольню — отец Иоанн и на это благословил.

— А вот Антон вам сейчас покажет...

Сердце трепыхнулось от радости.

— ...А он, по-моему, опять там — пошёл второй раз звонить, — вспомнил-улыбнулся отец Иоанн. — Можете подняться: лестница, снаружи — справа как выйдете.

Я вышел и на лестнице сразу увидел Антона, отпиравшего дверь.

— Меня о. Иоанн благословил подняться с тобой на колокольню.

— Ну пойдём, — нисколько не удивился мальчик, будто мы давным-давно были знакомы.

— Тебя ведь Антон зовут...

— Да. А тебя?

— Андрей.

Хорошо, что так легко знакомиться с детьми!

Мы поднялись.

Синие чешуйчатые купола, снизу, вроде бы, маленькие, как рыбки в небесном море, вблизи оказались огромными. Они, как живые, заглядывали все впятером в восточный пролёт колокольни: вот-вот всунут головы под колокола.

Рассыпался внизу ковром домишек и палисадников старый город. Смотришь с высоты, словно с одного маяка на другие, на башенки и луковки дальних церквей, будто за каждой — невидимая гавань, куда плывут и плывут невидимые корабли. И там укрываются уже навсегда, насовсем. Может, какой-нибудь угличский мальчик по доброте когда-нибудь проведёт меня и туда?

Вслед за снегом

ты придёшь на край Земли

видишь небо, а на небе

— корабли...

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

Тают в воздухе голубом
На одном из них
— теперь мой дом. (7)

— У вас очень красиво, —
говорю я, любуюсь.

— Да, Углич красивый. — со-
гласился Антон. — А ты бывал где-
нибудь до этого на колокольне?

— Да. Много раз. Но... на-
верное, всё-таки не так много,
как ты.

— Сверху, с колокольни всег-
да всё какое-то другое! Ты заме-
чал? Мир по-другому смотрится.

— Конечно, замечал! Иначе
зачем бы поднимался...

— Вон там — голубиный пте-
нец сидит, — открыл мне секрет
Антон.

— Надо же! Никогда не видел
голубиных птенцов. Даже не
знаю, как они выглядят.

— Вот смотри — будешь те-
перь знать. Я тоже до этого не
знал... Он уже, правда, щас вы-
рос здоровенный — был меньше!

Колокольня — это всегда
какой-то свой мир. Между не-
бом и землёй! Тут тебе — и
голубиные птенцы, и колокола,
как скорлупа, из которой вылу-
пился Звук.

Колокольня — единственная
лестница в небо, доступная нам.
И мы на ней сами — как птенцы
небесные, пока ещё не научив-
шиеся летать.

— А вот этот самый большой
колокол весит четыреста пять-
десят кило.

Антон с гордостью показал

самый примечательный предмет
в своих здешних владениях.

— А у нас в Казани, в Зилан-
товом монастыре, где я работаю,
есть колокол — семь с половиной
тонн! — так же по-мальчишески,
как он, решил похвастаться и я.

— Ого! А у вас там кто зво-
нит?

— Приходит звонарь по боль-
шим праздникам: в такой коло-
кол, конечно, только по большим
праздникам звонят.

— Ну понятно уж! — со зна-
нием дела сказал Антон.

— А Казань — большая? —
спросил он.

— Да. Миллионный город.

— У нас тоже к миллиону
приближается.

— Да что ты! Насколько я
знаю, в Угличе — около сорока
тысяч.

— Ну, я и говорю — «прибли-
жается»! — засмеялся мальчик.
— Я же не сказал, что миллион
есть, я сказал «приближается»...

— Ну, разве что так! — рас-
смеялся и я. — Долго же ему
придётся приближаться!

— Зато у нас воздух чистый,
дышать полезно... — серьёзно,
как пенсионер, рассуждающий
о погоде, сказал Антон.

— Да... у вас здесь вообще
легко дышится.

— А переезжай к нам жить.
Купишь здесь домик, будешь пи-
сать свои новые книжки... Будем
часто с тобой видеться.

По улыбке видно, насколько
ещё чиста его душа. Почему-то...

умереть за него хочется.

Я смотрел на эту улыбку, на эти детские руки, управляющиеся с колоколами, и думал, что никогда ни один архитектор не построит ничего сравнимого с тем, что строит Архитектор Небесный. Никогда ни один город со всей своей архитектурой не заменит одной пары вот таких глазёнок. Каждый мальчик, каждая девочка — важнее и красивее того города, в котором они живут. Вернее, настоящий город — это они и есть.

Углич и Царевич — это ведь почти одно и то же. Как Христос и Царство Небесное — одно. Невозможно прожить в городе несколько дней и не понять этого.

А какие-то отблески образа Царевича извечно играют на лицах угличских детей. Это же не может быть, чтоб он в них не отразился — чрез все века!

Ещё в XVII веке «умысли чин духовный и граждане, да установят празднество плащаницы Царевича месяца мая в 16 день: носите же плащаницу вокруг дворца его и младенцы подносите, яко же и царевич имел семь лет с половиною...»

«Праздник этот отличается глубоко умильной торжественностью, — писали в XIX веке. — В этот день после литургии вокруг «царевичева дворца» с торжественным крестным ходом обносились при пении тропаря царевичу плащаница и одр, на котором святые мощи царевича были несены из Углича в Москву. Под плащаницу и одр угличские граждане все — без

различия званий и состояний — почитали непременно своей обязанностью подвести или поднести своих детей, начиная с грудных и до восьмилетнего возраста. Глубокая вера, что злодейская рука убила только тело святого царевича, а святая душа предстоит престолу славы Царя Небесного, превращая день заклания — этот некогда ужаснейший день — в светло-радостный праздник — в «царевичев день»! День убиения святого царевича есть день его небесной радости, и свою небесную радость он сообщает детям, пришедшим на его праздник».

Угличское детство вообще накладывает какой-то удивительный отпечаток на дальнейшую судьбу... или как лучше сказать? На мир человека. Если человек вырос в Угличе, значит, он вырос из царевичева и из ваниного горчичного зёрнышка. Хотя бы сам этого в упор не сознавал.

Здесь, к примеру, прошло детство Ольги Берггольц и Бориса Пильняка.

Да, Берггольц... тяжёлый случай.

Её повесть 30-х годов «Углич», написанная в 22-летнем возрасте — вполне, в соответствии с временем, богоборческая:

«А Углич был табором церковей...»

«Церковь, как корабль в бурю, трещала и кренилась, и каждый монастырь казался особым враждебным государством».

В сомнениях, есть ли Бог, в 10-летнем возрасте «я стала искушать бога. Когда никого не

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

было, я подходила к иконам и колола Иисуса булавками. Мои руки не отсыхали. Божественный авторитет падал».

Она ещё не знала, что Он любит всех — и тех, кто Его колет булавками. За них Он и распялся: не на булавках — на гвоздях.

И вот, много лет спустя, явив полное отсутствие в Себе всякой человеческой справедливости, Он послал ей не «отсыхание рук», а... сон.

«У каждого человека, наверное, есть один, самый любимый и самый счастливый, всю жизнь повторяющийся сон. Его невозможно вызвать, упросить, чтобы пришёл: он приходит сам, когда захочет (8). Он может исчезнуть на целые годы, но потом вернётся и щедро одарит вас той же радостью.

Есть такой сон и у меня: мне снится город детства — Углич, куда мать увезла сестру и меня из Петрограда в 1918 году и где прожили мы почти два с половиной года...

...И вот, уже в молодости, тёмное, бедственное жильё времён детства и гражданской войны — эта келья, этот угол монастырского двора с могучими липами и, главное, высокий, белый пятиглавый собор напротив школы — всё это стало мне почему-то сниться как место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья.

Мне снилось: я попала в Углич и иду по длинной, широкой, заросшей мелкой зелёной травкой улице; и иду я не то на раннем рассвете, когда сумрак пере-

ходит в свет, не то поздним, но светлым вечером, переходящим в ночь, потому что не только небо, но весь воздух и даже дома и деревья, окружённые им, трепетно излучают какой-то серебристо-молочный свет, чуть с голубизной — там, наверху. И вот я иду по зеленоватой, мерцающей улице, а вдали тоже мерцает и светится белая громада собора. Мне обязательно нужно дойти до него, потому что за ним — наша школа и садик, а в садике похлопывают и шумят всеми своими круглыми, как бы жестяными, звонкими листиками огромные липы, и я знаю, что когда дойду до собора, до лип, - наступит удивительное, мгновенное, полное счастье. И я кружу по странно сумеречным улицам, и собор всё ближе, всё ярче, и всё нарастает и нарастает во мне предчувствие счастья, всё сильнее дрожит и трепещет внутри что-то прекрасное, сверкающее, почти режущее, и всё ближе собор, и вдруг — конец: просыпаюсь! Так и не удалось мне за долгие-долгие годы дойти — во сне — до «своего собора». И с тех пор, как мы уехали из Углича, прошло тридцать два года...»

Не знаю, дошла ли она когда-нибудь?

Чужая душа — тайна. Невеждующим Бог тоже являет Свою благодать. Вот только в силах ли они разгадать этот «сон»?

И дать Ему руку и прийти с Ним, уже не во сне, в «место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья...»

4. День Вани Чеполосова

*Я не помню точно,
с кем это было:
с тобой или со мной...*

А. Макаревич

В этом городе я чувствую себя Рудаком, ждущим прощения. Ваня, прости нас всех. Всё это с нами случилось, а не с Рудаком и с тобой.

Праздник покаяния...

Это не абсурдное словосочетание. Нет, нет! В самом сокрушении уже есть прощение (в Боге нельзя сказать «будет», потому что в Нём всё — настоящее), а прощение — всегда праздник.

В Угличе я многое переосмыслил в своей жизни. Я понял простой закон: поиск счастья... лишает каждого из нас счастья. «Кто стремится сберечь душу свою, потеряет её... а кто отдаст душу свою, тот сбережёт её».

Подлинное счастье - то, которое мы и не привыкли называть этим словом: улыбка ребёнка, красота церкви... Бог — во всём этом... В Боге не бывает одиночества. Одиночество — только в князе мира сего. Различие между мучителем и мучеником, между Рудаком и Ваней — в том, что один одинок, другой нет. Если мы не хотим быть как Рудак, то должны быть — как дети.

Это рецепт Самого Христа.

Есть существа, которым общение с Богом даётся без покаяния — это дети.

Взрослому человеку это состояние возвращается лишь по ту сторону покаяния. Но покаяние — это не уныние. Это то, что прямо противоположно ему.

Дарование детства ещё раз.

Вспоминая Антошку и улыбаясь своим мыслям, я опять забрёл, гуляя, в тот район Углича, где Ваня Чеполосов жил.

Я задумался над всеми Праздниками, какие были в моей жизни — и давно, и недавно... и близко, и далеко.

Мне довелось встречать Рождество Богородицы во Владимире, Сретение Господне — в Муроме, Вознесение — в Новом Иерусалиме, теперь вот Иванов день — в Угличе... И всё это получалось как-то... случайно-неслучайно. Города и святыни вдруг на миг сверкали своими неожиданными гранями. Слово луч солнца каждый раз под особым углом падал на какую-то древнюю икону, «обновляя» её и побуждая светиться из мрака веков. Это очень живое ощущение! Очень реальный и подлинный выход из повседневности. Вечный Праздник, сверкнувший на миг в гранях праздника земного: искоркой на подножии золотого Креста.

Я старался не расплескать праздничное настроение — и вдруг что-то словно толкнулось в сердце и напомнило заглянуть в подаренную книжку о мученике Иоанне. Подумалось: когда же день его памяти? Вроде, нигде не написано... Забыли, что ли, написать? Или дня вовсе нет?... но так же не бывает, хоть он и

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

местночтимый святой!.. Ах нет, есть! Хоть в одном месте, да упомянуто... Постой-ка, 8 июля!?

Так ведь это же — завтра! Точнее, сегодня вечером, потому что церковные богослужebные сутки отсчитываются с вечера предыдущего дня.

Значит... не один праздник, а два. Не одного Иоанна, а двух.

Господь привёл меня в этот город на день моего теперь уже любимого святого... притом, я, когда ехал, не знал этого дня. И даже сегодня до полудня не знал!

Вечером я опять пришёл в Корсунский храм. Ванин ковчег стоял посреди церкви — очень похожий на ковчег со святой главой целителя Пантелеймона, как я его видел по телевизору. Такой же ларец с маленьким круглым отверстием наверху, через которое можно приложиться к темени.

После службы мы с Антоном встретились уже как старые знакомые.

— Завтра я звоню на кремлёвской колокольне! — сияя, сообщил он, — У меня благословение от владыки звонить на всех колокольнях Углича.

— На всех? даже!..

— На всех... по очереди, — скромно сказал мальчик.

— Надо же!

— Вот завтра утром звоню подряд на трёх колокольнях: сначала у нас, в Корсунской, потом сразу побегу в кремлёвскую (там музей, но Валентин Иванович разрешает звонить по воскресе-

ниям), потом — в Царёвскую... О, а приходи завтра утром в Царёвскую! — загорелся вдруг Антон. — После службы на колокольню с тобой поднимемся.

— Спасибо! Я с удовольствием!

Я знал, что Царёвской угличане называют ту церковь, что во всех путеводителях обозначена как «Дмитрия на Поле». Царёвская — это, конечно, в честь Царевича... как же иначе в Угличе! Просто есть «на Крови», а есть — «на Поле»: на месте, где горожане прощались со своим святым, когда его мощи уносили в Москву в 1606 году. Тогда там, за южной городской заставой, уже начинались поля. Сохранилось народное предание, будто носилки на месте будущей церкви приросли к земле: Царевич не хотел покидать родной город. Только после долгих слёзных молитв и просьб носилки вновь удалось поднять.

— Только... — вспомнил я и чуть засомневался. — ...Я ведь хотел на день мученика Иоанна быть именно в вашей церкви, у его мощей.

— А там в Царёвской — тоже его мощи! — утешил Антон. — Здесь, у нас, конечно, основные мощи, голова, а там — часть, просто кости... и там ещё его туфли и рукав — всё в одну раку сложено... как будто он там прямо весь похоронен, можно так подумать, если кто не знает, — деловито рассуждал Антон. — А у нас — голова: я даже видел, когда в новый ковчег перекладывали... Череп такой и там прямо

такая большая дырка от ножа видна, насквозь. Ну, череп не весь, а только вот досюда, — Антон с обычной детской непосредственностью показал на себе, приоткрыв рот со смешными маленькими зубками и показав пальцем по линии верхних зубов. — А вот эта челюсть, которая внизу — она не знаю где... не сохранилась!

Я обнял его за плечи. Очень хотелось его защитить неведомо от чего.

— Ты живёшь в другое время. Слава Богу! Только... говорят, вроде... на себе как-то обычно не показывают? — чуть смутился я его слишком непосредственному рассказу про мощи Вани.

— Ну он же — святой! Его-то показывать можно, даже, наоборот, хорошо, — с уверенностью, какая бывает только в детстве, сказал Антон. В этом возрасте ещё нет трагедий, и слова Антона вдруг чем-то помогли мне понять самого Ваню Чеполосова.

Дети — чудо, а чуду чудо не понятно!

Ваня уже в Царстве Небесном, а Антон ещё в царстве детском... Для одного трагедии уже нет, для другого трагедии — ещё нет.

Для Антона она не чужая, просто её — нет. По правде нет. Истинно.

Разве мог Адам до грехопадения знать о жертве Христовой?..

Дыша воздухом, воздуха не замечаешь.

Кажется, я его ещё больше полюбил, за эту истинную безза-

щитность. Он причастен ваниной жертве, но сам не знает об этом.

Хотя душа его, наверное, знает, иначе не было бы у него такого света в глазах.

— Решено, я завтра пойду в Царёвскую церковь, — сказал я.

— Классно, — как-то просто и искренне обрадовался Антон.

И я тоже обрадовался, что подружился с ним...

Уж не Ваня ли, не Царевич ли мне его послали?

А в голове всё вертелся обрывок «угличской» мелодии:

Я не знаю,
кому задать вопросы?..
Я не знаю,
кто дарит мне ответы?
и кто ведёт меня
через свет и тьму
туда, куда иду... (9)

Почему «угличской»? Не знаю — но почему-то именно с Угличем эта песня стала у меня ассоциироваться.

8 июля я проснулся ранним-рано и по пустынным улицам, по спящему воскресному городу с редкими прохожими, отправился к Царёвской церкви. Чуть не доходя до кремля, свернул влево.

Миновал Богоявленский монастырь с его прямо-таки огромными, по меркам Углича, храмами. Богоявленский собор, построенный по проекту Тона, напоминает чуть уменьшенный храм Христа Спасителя. Хотя ещё больше, из того, что я видел, он похож на монастырский собор в Боголюбове: почти один

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

к одному. Много в его облике и от дивеевских храмов. Именно к этому собору всё шла, шла в своём сне и никак не могла прийти Ольга Берггольц. Рядом стояла чуть меньшая по размерам Фёдоровская церковь в классическом стиле, с высокими куполами, горящими поутру, как пять свечек. В наше время это единственный в Угличе храм с золотыми куполами. Из зелёного дворика за ним выглядывает то ли драгоценным камушком, то ли переносным фонариком для крестного хода красная, вся светящаяся на рассвете, Смоленская церковь. Алым тюльпаном она выросла здесь в конце XVII века. Похожа, очень похожа на Дмитрия на Крови — только не с синими, а с зелёными черепичными куполами: искристыми, переливчато мерцающими на солнце, как горсти изумрудов. Кресты над ней — необыкновенно ажурные, литые. Спустились с облаков, как небесные якоря.

Богоявленский монастырь стоит на месте сём с 1661 года. Прежде он занимал западный угол кремля и был перенесён сюда, на Ростовскую дорогу, во время капитальной перестройки кремлёвских деревянных стен. В советское время здесь были студенческие общежития. Сейчас монастырь реставрируется уже не первый год, но действует пока лишь в качестве обычного городского прихода.

Через пару кварталов — зелёный лоскуток старого кладбища, а на углу его уютилась церковь Дмитрия на Поле

— «Царёвская». Жёлтенькая, с простеньким синим пятиглавием, с невысокой колоколенкой — пожалуй, самая скромная и неприметная церковка в городе. И одна из самых молодых, по Угличским меркам — всего-то рубежа XVIII — XIX веков.

Знаменитой она стала в советское время, ибо не закрывалась никогда и многие десятилетия была единственным действующим храмом города. Потому-то и собрались под этими сводами все святые, какие удалось спасти. Хранилась здесь и Корсунская чудотворная икона Богоматери, которая сейчас в Корсунской церкви, и частица мощей Царевича Дмитрия... она-то и доньше здесь пребывает, в символической раке с сенью, чем-то напоминающей древнюю его раку в Архангельском соборе Московского Кремля. Бархатный красный кафтанчик, шитый бисером, заботливо надет на нарисованного маленького Царевича.

Рядом с его мощами — мощи благоверного князя Романа Угличского.

А посреди храма, вместо праздничной иконы, стоит ковчежец в форме маленькой-маленькой гробницы с откинутой крышкой. Здесь — часть мощей и одежда младенца Иоанна...

Я стою и прошу прощения за всю жизнь. Он — ребёнок, он всё простит! Он простил своего мучителя и потому он - великий святой. (Один из величайших, о ком я слышал в своей жизни... хотя, конечно, не нам оценивать жителей Царства Небесного.)

Только я знаю одно: что буду молиться ему, наверное, так же часто, как Николаю Угоднику или Сергию Радонежскому. Он теперь навсегда — мой любимый святой, да помилует Господь меня и всех нас, бесчисленных Рудаков, его молитвами! Всё плохое, всё демонское да отойдёт от нас! Дай нам любовь, безвозрастный светильник там и шестилетний здесь, на земле... умерший за любовь к маме и папе и к Отцу Небесному. Лучше умереть за любовь, чем от отсутствия. Лучше мученику, чем мучителю. Лучше с Богом, чем с сатаной. Спаси нас, сделай хоть чуть-чуть похожими на тебя. Своей любовью сделай нас хоть чуть-чуть своими.

Проводи нас в то Царство, где ты сам. Ты с детства знаешь туда дорогу. А не-детства у тебя в этой жизни и не было.

Ванечка, заступись...

Кто-то тронул меня за плечо... Антон. Пришёл! По глазам было видно, что он рад. Я друга увидел, и он друга увидел.

Служба продолжалась, и он прошёл на крылос к певчим. Торжественные песнопения Петру и Февронии Муромским перемежались с молитвами св. Иоанну Угличскому (10) — оказывается, у них один день памяти. «И како сии святии, явивши на земле любовь небесную, покровительствуют честному супружеству, такоже и ты, блаженный младенец, отца и матери даже в муках не отрехшийся, храниши небесными твоими молитвами семью

православную, Малую Церковь, и любовь вся ко всем, дабы вси, в любви Христовой пребывающе, радовались...»

После службы я вслед за Антоном залез на колокольню. Здесь оказался ещё один мальчик-звонарь — местный-приходской, тот, что звонил обычно. Он был старше Антона года на два — но, когда тот взялся за верёвки от колоколов, он глазел на него как младшие смотрят на старших. Так звонить, как Антон, он не умел.

— Как у тебя так получается? — спросил он удивлённо. — Я так вообще не могу!

— Да это просто, тут и уметь-то нечего, — показал Антон. — Здесь, в четыре колокола, совсем легко звонить. Тут даже ногами не надо управлять. Хочешь, я тебе что хочешь сыграю!

И — повторилось предо мной вчерашнее колокольное утро... Утро дня Иоанна Предтечи — утром дня Иоанна Чеполосова.

Колокольный звон был — как продолжение души Антона. Распространение её вовне. Антона Большого, а не маленького, Антона, уже не ограниченного телом... и вообще ничем не ограниченного. Небесный голос наполнял Углич от рук земного мальчика — но голос этот, пока звучал, стирал все преграды между нами и Отцом... и уже не было одиннадцатилетнего шалуна, примчавшего сюда на велосипеде, а был Его сын, и не было наших грехов, а был только Он.

— Могу и тебя научить, —

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

предложил мне Антон. — Попробуй!

— Да нет, я... ты что, у меня не получится!.. — с априорной уверенностью, что «не получится», сказал я.

— А то сейчас пост, и можно учиться.

Я не понял его слов:

— А почему именно в пост?

— Ну, не будешь же в праздник звонить не по-праздничному! Там уже — надо так, как звонят в праздник! А пока, в обычные дни, можно звонить как хочешь. Сегодня, правда, тоже праздник... но сегодня ещё пост!

Но для меня это был уже не «постный» праздник! Потому что Антон сегодня... взял и сказал ещё одну вещь.

Бывают слова, которые Ангелы Божии записывают в книгу жизни человеческой. Мельком обронённое слово не пропадёт в мироздании уже никогда.

— А кто это с тобой? — спросил Антона тот мальчик, с любопытством и недоумением присматриваясь ко мне. — Папа?

— Да, это папа! — весело и как-то с большой готовностью вдруг подтвердил Антон, улыбнувшись так, как только он умеет улыбаться. — Папа. Дядя Андрей.

Вот, собственно, и всё. Ваня не назвал Рудака отцом, но в его день Антон назвал меня папой.

Он бы, может быть, удивился, если б узнал, что я так много о нём пишу. А может, и не удивился бы.

Я всегда поражался чудом существования детей... так же, как надо бы поражаться чудом существования Человека вообще. Когда Серафим Саровский назвал детей «сокровищами», в его устах это был — не эпитет. Сокровище — это то драгоценное, что сокрыто. Образ Божий в человеке сокрыт и искажён, но в ребёнке — искажён меньше. Можно глядеть на ребёнка — и видеть Христа... Думаю, именно так и смотрел Серафим Саровский.

Он же сказал: «Детей Бог создал для умиления». Церковный смысл слова умиление — неизмеримо глубже мирского его наполнения. Умиление — не эмоция, а преображение души. Можно перевести: «стяжание милости», «стяжание Бога, который есть Милость».

Милость Божию всякий может познать через ребёнка. Слава тебе, мученик угличский Иоанн, ты явил мне и это... Помолись за Антошу. И за всех, кого я люблю.

Уже не говорю «помолись за меня»... потому что ты ненароком открыл мне, что все, кого я люблю — это и есть я.

Примечания

1. На самом деле, разорений в истории города было намного больше.

2. По другим данным, княжич Иван родился в 1480, а Дмитрий — в 1482 г., то есть они были ещё младше.

3. Символично даже то, что братья-страдальцы оказались тезками будущих угличских мучеников: Дмитрия Царевича и Вани Чеполосова.

4. Монастырь, известный с эпохи князя Андрея Большого, освятился кровью мучеников: игумена Лаврентия, 60 братьев, и 500 мирян в Смутное время. Святыни обители составляют также: нетленные мощи местночтимого подвижника схимонаха Иоакима (XVIII век) и малая частичка Ризы Пресвятой Богородицы.

5. Один священник отмечал в тот год: «Для нас знаменательно и то, что в сем году исполняется ровно 333 года со дня убиения младенца Иоанна».

6. Ответный суд Бориса Годунова над «мятежными» угличанами приговорил к различным казням около 200 человек. Ещё до двух тысяч, по приблизительным подсчётам некоторых историков, было выслано в Сибирь.

7. А. Макаревич «Корабли»

8. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит... (Ин. 3,8).

9. А. Макаревич «Корабли»

10. Как я позже узнал, служба св. мученику Иоанну Угличскому, к сожалению, пока не составлена: совершается «Служба св. мученику Гавриилу Белостокскому» — с заменой имён и географических названий.

Здесь «история» — не история, а жизнь.
Не память, а чувство, что вс здесь и сейчас.

*Зимний
Альманах*

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника
виноград, или с репейника смоквы? *Матф.7:16*

**Родион
Иванович
Копосов**

журналист

Живет в нашем с вами районе обыкновенный человек — Александр Георгиевич Семенов. Все у него, «как у людей»: учился, работал, создал большую семью, умеет дружить и помогать людям, не умеет только без дела сидеть. Вот и сейчас, в весьма почтенном возрасте, учит ребят рабочим профессиям в колонии для малолетних правонарушителей. Но есть у него и «особинка» — творческая жилка. Он фотохудожник, его работы демонстрировались в Вашингтоне и Сингапуре, Европе и Азии...

Во многих городах России посетители многочисленных фотовыставок любовались его работами — в первую очередь пейзажами родной стороны. Александр Георгиевич — один из тех, кто принёс известность казанской школе фотографии.

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан — и очень простой в общении и по образу жизни человек.

Мне не раз доводилось писать о нём в светских изданиях, это было интересно и, в общем-то, просто: красота спасет мир — и точка. Но писать для православного альманаха? То есть, взглянуть на человека, с которым дружишь

вот уже полвека, под другим углом зрения, сопоставить наше отношение к вере и Богу... Это вызывает большие раздумья, сомнения... И дает повод ещё раз проверить самого себя: а насколько крепка твоя собственная вера? Что такое вера в жизни современного человека? Слова — это, всё-таки, только слова. Действия — то куда важнее. И та же память с готовностью подсказывает: а помнишь, как радовался Саша, когда они с Людой (Людмилой Анатольевной, конечно) повенчались после многих десятилетий супружеской жизни! Вот, оказывается, и тут не все просто... Где же критерий? И снова вспоминаю: «По плодам их узнаете их».

Так что, может быть, не слишком я уклонялся от объективности, когда писал в других печатных органах о творчестве Александра Семёнова, о его семье и друзьях? Ведь есть у меня немало примеров (Бог даровал!), когда люди искренне любят своих ближних — и не только семью! Когда дарят им и всему миру душевную чистоту, плоды своей деятельности и бескорыстную помощь...

Рожденный 19 января

...Когда в седьмом часу утра прибежал Кирюша и сказал, что дед зовет за песком ехать, мы с женой, ошарашенные, заметались, собирая ведра, ванночки, ещё какие-то емкости: ведь вчера вечером Саша (дед Кирюши) в ответ на мою просьбу без особого, надо сказать, энтузиазма пообещал после обеда съездить с нами на остров за песком — мы собрались печку переключивать, а песок — белейший, солнечный, чистое золото! — на острове, без лодки туда никак. И вдруг — семь утра!

Саша стоял на берегу, прилаживал подвесной мотор, улыбался как-то необычно, смущенно:

— Знаешь, я сон сегодня видел...

Я, весь еще впопыхах, кивнул: ну?

— Мне Патриарх наш приснился... Алексей Второй.

Я опять кивнул, потому что оторопел, не знал, что ответить.

— Он мне руку протянул... — Саша посмотрел на меня с интересом: какотреагирую. А я молчал. — Я её и поцеловал! — он улыбнулся своей детской наивной, открытой улыбкой.

Седые волосенки топорщились в разные стороны, ежиком никак не назовешь, зубов уже половины нет, лицо круглое, беззащитно-открытое...

— Она теплая, рука-то! — засмеялся он растерянно-счастливым смехом.

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? *Матф.7:16*

Александр Семенов.
Фото Гоши Семенова

Было чему удивиться. Саша, Александр Георгиевич, иногда с интересом расспрашивал меня про церковь, про службы, про «почему молитвы не на русском языке», подчас даже начинал как бы оправдываться: я, мол, тоже в Бога верю, но по-своему... Ох уж это «по-своему»! Сам я прошел через это, знаю. Так и откуда взяться вере-то, если родился Саша в том самом 37-м, который стал зловещим символом отказа не только от веры, часто — и от родителей даже...

Ему-то, Саше, повезло. Отец его, Георгий Александрович, работал конструктором на заводе — «почтовом ящике», сейчас известном как ПО «Завод им. Серго» (ПОЗИС), строил корабли, катера, но потом художественная, творческая жилка

привела его в пущенный в 1943 году ДК «Родина» — сначала художником, а потом руководителем изостудии, из которой вышли все известные сегодня зеленодольские художники старшего поколения.

Мне легко представить, как рос Саша. Гляжу вот, как он возится с Кирюшей, внуком, учит его держать в руках и топор, и стамеску, и фотоаппарат. Так же и сам он, Саша, еще школьником, а потом студентом Зеленодольского судостроительного техникума ходил в студию к отцу, впитывал не только навыки, но и внешне негромкую, но глубокую любовь к родному городу, к Волге, к природе, которой щедро одарил Господь эти края, Республику Татарстан. Работал в проектно-конструкторском бюро, на заводе, высшее образование получил на вечернем отделении Казанского авиационного... И фотографировал, фотографировал, стремясь поделиться с отцом, с друзьями пьянящим чувством Прекрасного — а его было столько вокруг!

...Сороковые, пятидесятые... Не мне судить Сашину и собственную юность, для нас она была прекрасной, как бы ни старались очернить это время нынешние либералы-западники. Интересно было бы представить их в той действительности, в тех условиях: с кем бы и где они были? Право судить не каждому дано — это уж как минимум. Правильная ведь есть еврейская поговорка: хотел бы я быть таким умным, как моя жена

потом... А мы сегодня вспоминаем, что в одном классе учились тогда и сын замминистра, и сын уборщицы, и татарин, и еврей, и если что, стояли мы друг за друга и до «первой крови», и до какой надо... И все получили то образование, о каком мечтали и какое смогли получить по своим способностям, а не по знакомствам, блатам или взяткам.

Нас тогда окружали и пестовали замечательные люди. В фотокружке зеленодольского дома пионеров Сашу заметил известный в то время фотограф З.Д. Михайлов. С 1958 года Саша часто бывал в Казани, в Госмузее Татарстана, где вокруг замечательного фотографа и чудесного человека О.К. Лебедева группировались и фотолюбители, и «профи»... Возник фотоклуб «Волга» при казанском ДК имени Ленина; в среде фотографов (не только казанских!) родилось понятие «казанская фотошкола». Перечислять выставки, награды и призы Александра Семенова — бессмысленное занятие. Скажу только, что в 1967 году он первым из фотохудожников Татарстана стал участником и медалистом выставок в Англии, Польше, Чехословакии, Таиланде... Фотография, которую вы здесь видите, называется «Русский сувенир», и она приоткрыла многим людям на Западе и Востоке красоту мало знакомой (а то и вовсе до того неизвестной) страны — России. На выставке 1969 года в Вашингтоне она официально была названа «одной из выдающихся работ выставки».

Но я хочу рассказать не об этом — Александр Семенов отмечен многими наградами и титулами как фотомастер и в таком признании не нуждается. Я о преемственности. Старшего сына Семенов назвал Георгием — он сейчас в Санкт-Петербурге, что называется, успешный фотохудожник (Георгий — сын от первого брака, но не мне судить кого бы то ни было, за нас и о нас очень точно сказал Аркадий Райкин: «Сколько же нас развело-о-сь!», увы!).

Кирилл — сын дочери Татьяны, он и по внешности становится «вылитый дед», и помогает ему во всем. На берегу Волги, в деревне Курочкино, где у Семеновых вот уже четверть века свой дом (понятное дело, не коттедж, а строение типа «изба») и где неисчислимое множество необходимых дел, Кирюша и другие Сашины внуки проводят все лета. Кирилл своими глазами и руками учится пилить и колоть, копать и строить. Саша — он рукастый. Когда в воровские 90-е у него зимой из-за ценного металла украли котёл, он своими руками, почти «в однёху» перебрал разоренную баню. А ещё Кирюша ходит с дедом по полям и лесам, теперь уже и сам фотографирует, и на компьютере вместе сидят в «фотошопе», так что на республиканской выставке Кирилл представил композицию (теперь это, кажется, называется «презентация») «Времена года»: классическая музыка и дедовы фотографии, красивое оформление — презентацию высоко оце-

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с релейника смоквы? *Матф.7:16*

нили. Красавица Регина учится в художественной школе и, что называется, подает надежды... Да и у Кирюши фамилия подходящая — Надеждин... Второе лето с этими внуками (двумя из семи) Семеновы отправлялись на теплоходе — сначала по Волге, по святым местам, потом — по Каме, в Пермь...

Не хочется выглядеть занудой-резонером, но не могу не сказать, что так и должно повсеместно быть: поддержка и живой пример в семье, в школе — и реальные возможности попробовать свои силы в состязании с равными на более высоком уровне.

Про школу я не случайно упомянул: сейчас Александр Георгиевич, находясь на «заслуженном отдыхе», работает преподавателем спецдисциплин в профессиональном лицее № 25 г. Зеленодольска. Ребята его любят — и этим все сказано.

Еще один талант Александра Георгиевича — умение дружить и щедро дарить себя людям. Старианиями Людмилы Анатольевны (бабули Люды) и самого Саша их квартирка на улице Тургенева в Зеленодольске и особенно домик в Курочкино давно превратились в уютный «странноприимный дом» или просто место теплых встреч с друзьями — иногда единомышленниками, иногда и наоборот. Семеновы демократичны по сути: своего мнения не скрывают и чужое заведомо не отрицают. А сажают к надратному самовару и поят особым

семёновским чаем, настоящим на мелиссе и мяте, да и рюмочка-другая, понятное дело, найдётся. Сиживали тут и канадец Кузьма (грозились даже дом тут купить, так ему Курочкино понравилось), и Сэм — тоже из Северной Америки, и нынешние иностранцы — тогда почти родные — ребята из Литвы... Но не это главное. Главное — дело. Кто ни обратится к Саше за помощью — сделает, даст, что нужно, а не то отправится по деревне к друзьям и знакомым, которых у него великое множество, и не успокоится, пока не найдёт, не сделает. Хорошо, Люда иногда тормозит, а не то бы раздал всё (в скобках напомним: и при этом говорит, что верит в Бога «по-своему». Впрочем, Господь любит праведников).

Сколько выставок он помог оформить своим друзьям (и не только друзьям) — фотографиям! Часто Саша делает это без всякого намека на материальное вознаграждение, просто по движению души: любит он людей, любит живое творчество. Любит, конечно, и новомодные словечки, ощущает себя в этих случаях «профессиональным дизайнером» — так и пусть. А то, что любит, когда его хвалят, — так какой творческий человек этого не любит? Перечитайте «Блистающий мир» А. Грина: человек умел летать, но мог это делать, только когда собирались люди и смотрели на его полет... Это я к слову: о современных тиражах книг, о выставках...

Одну выставку своих работ Саша сделал однажды прямо в деревне. Народ в воскресенье пошёл на переправу и увидел на заборе множество фотографий большого формата. Кто-то узнал себя и своих родных, кто-то — знакомых. Останавливались, ошеломленные, к счастью, катер, как всегда припозднился, смотрели долго и отходили, светясь улыбками... Можно, я не буду тут ставить акценты и разводить философию? Да и не умею этого делать. Лучше расскажу еще одну историю. Даже две.

Случился в деревне пожар. Увы, дело житейское: по пьяни уснул мужик (имя тут не важно), не погасив сигарету, ладно, сам жив остался — в одних трусах выскочил. Два дома сгорели. А напротив старики, Анатолий Платонович и Катенька (так их в деревне зовут), вышли из дома и обмерли: полыхает вовсю, и ветер прямо на них. Катя подтолкнула мужа, Анатолий вынес образ Богородицы и выставил перед собой, молиться начали, сколько сил было: «Защити, спаси, Матушка!» И огонь сначала как бы стих, а потом разгорелся ещё сильнее — но повернул в сторону, не тронул дом стариков. Рассказали они про это Саше, он их, счастливых, сфотографировал на память — и даже «гонорар» не отказался взять: ведро картошки. Конечно, скептики и тут могут сказать: «случайность», «совпадение»... Сколько же надо таких «совпадений», чтобы поняли люди: ужасные испытания послал Господь нашей стране в

прошлом веке, потому что не просто оскудела в народе вера, а отреклись от Него, многие даже служить сатане стали сознательно — в первую очередь, конечно, из нашего брата, интеллигентов...

А у Саши ещё одно «совпадение» было. Он любит (и всегда любил) храмы фотографировать, однажды надо было ему отсканировать несколько снимков. Пришел к друзьям в родной авиационный, своего сканера у него тогда еще не было. Ребята ему все снимки отсканировали — а один так и не смогли, как ни бились. На нем были лошади сняты, которые в разоренном храме стояли...

В этом году Александр Георгиевич отметил свое 75-летие. Накануне дня его рождения он выпустил книгу своих работ под названием «Простое пространство», в создании которой приняли участие и сотрудники «Раифского Альманаха».

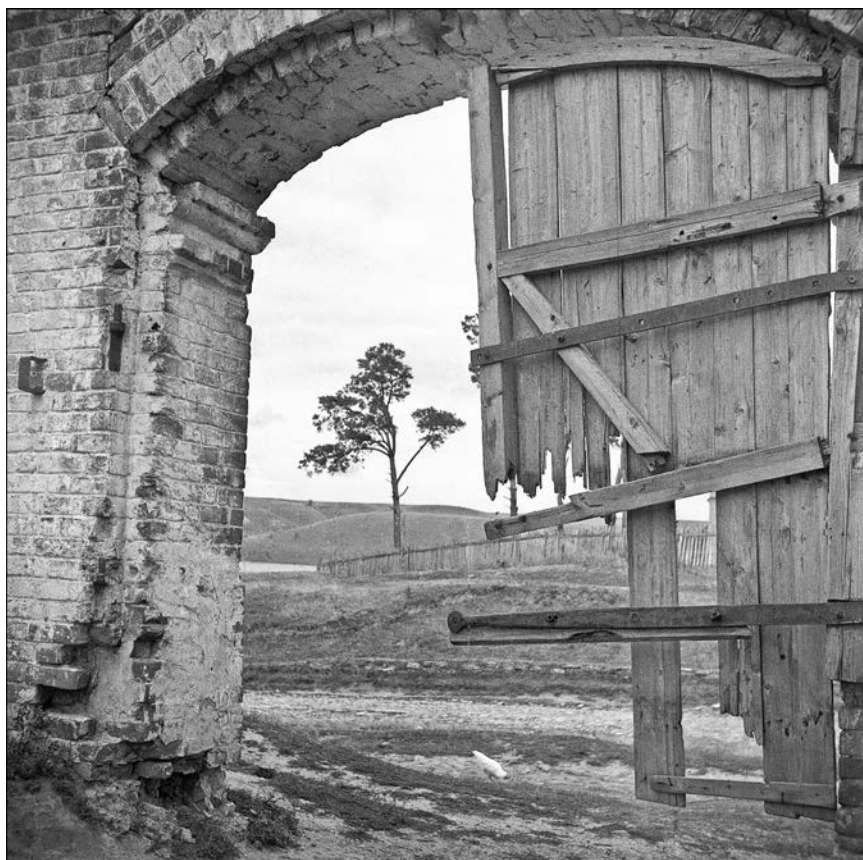
И, как написал Родион Колосов в концовке своего материала об Александре Семенове, ... было это в конце января, ведь родился он 19 января, в День Крещения Господня, в День Богоявления! Показалось ему это сочетание многозначительным, ведь 19 января 1937-го, рокового года родился простой, естественный человек, который живет своим интересом и любовью к ближним...

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Матф.7:16

Свияжские картинки. Фото Александра Семенова

Свияжские картинки. Фото Александра Семенова

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника вино-
град, или с релейника смоквы? *Матф.7:16*

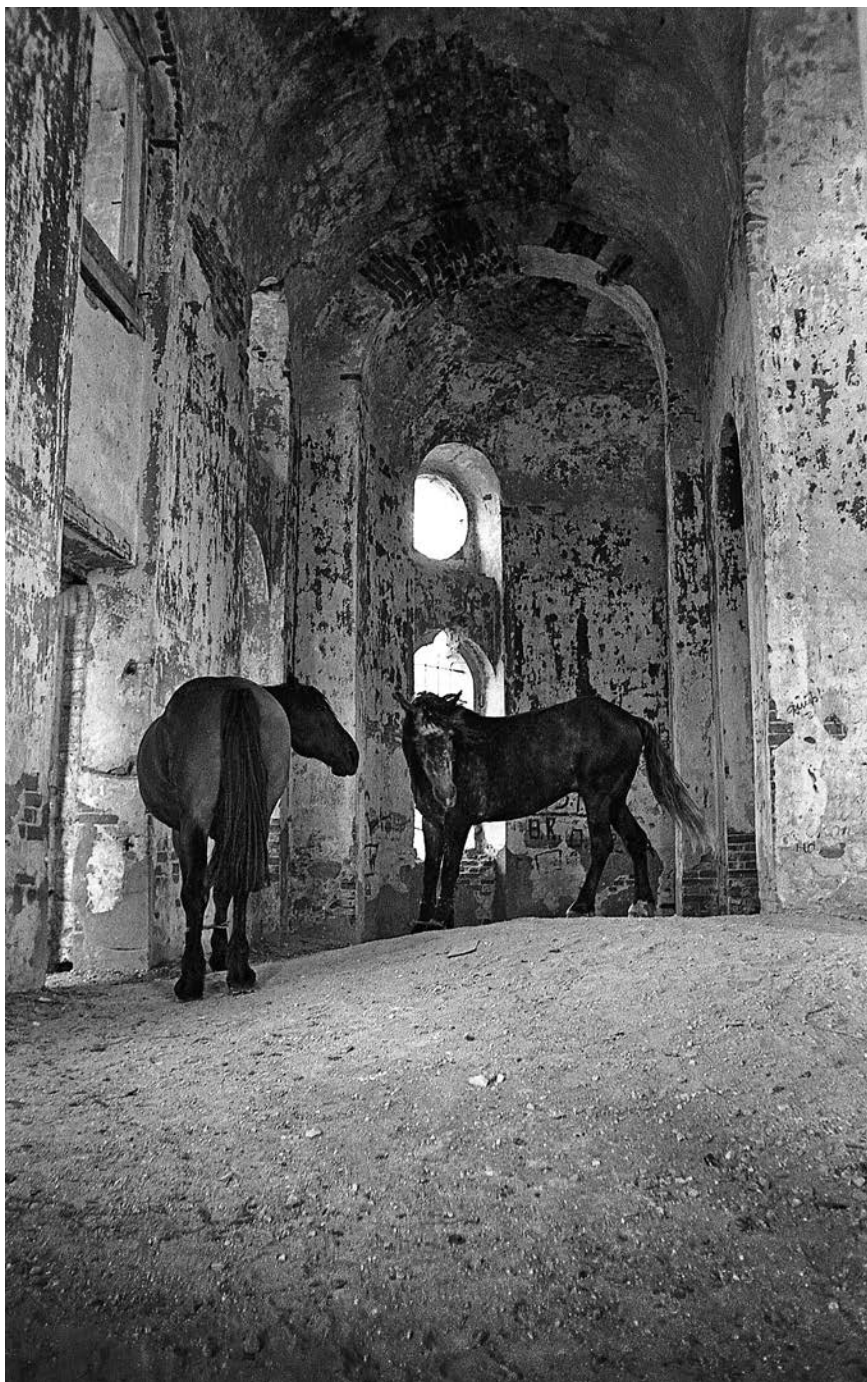

Село Ильинское. Год тысячелетия Крещения Руси
Фото Александра Семенова

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника вино-
град, или с репейника смоквы? *Матф.7:16*

Село Ключищи. Фото Александра Семенова

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника вино-
град, или с репейника смоквы? *Матф.7:16*

Подражание Андрею Тарковскому. Фото Александра Семенова

Раифский АЛЬМАНАХ

ежегодное православное издание

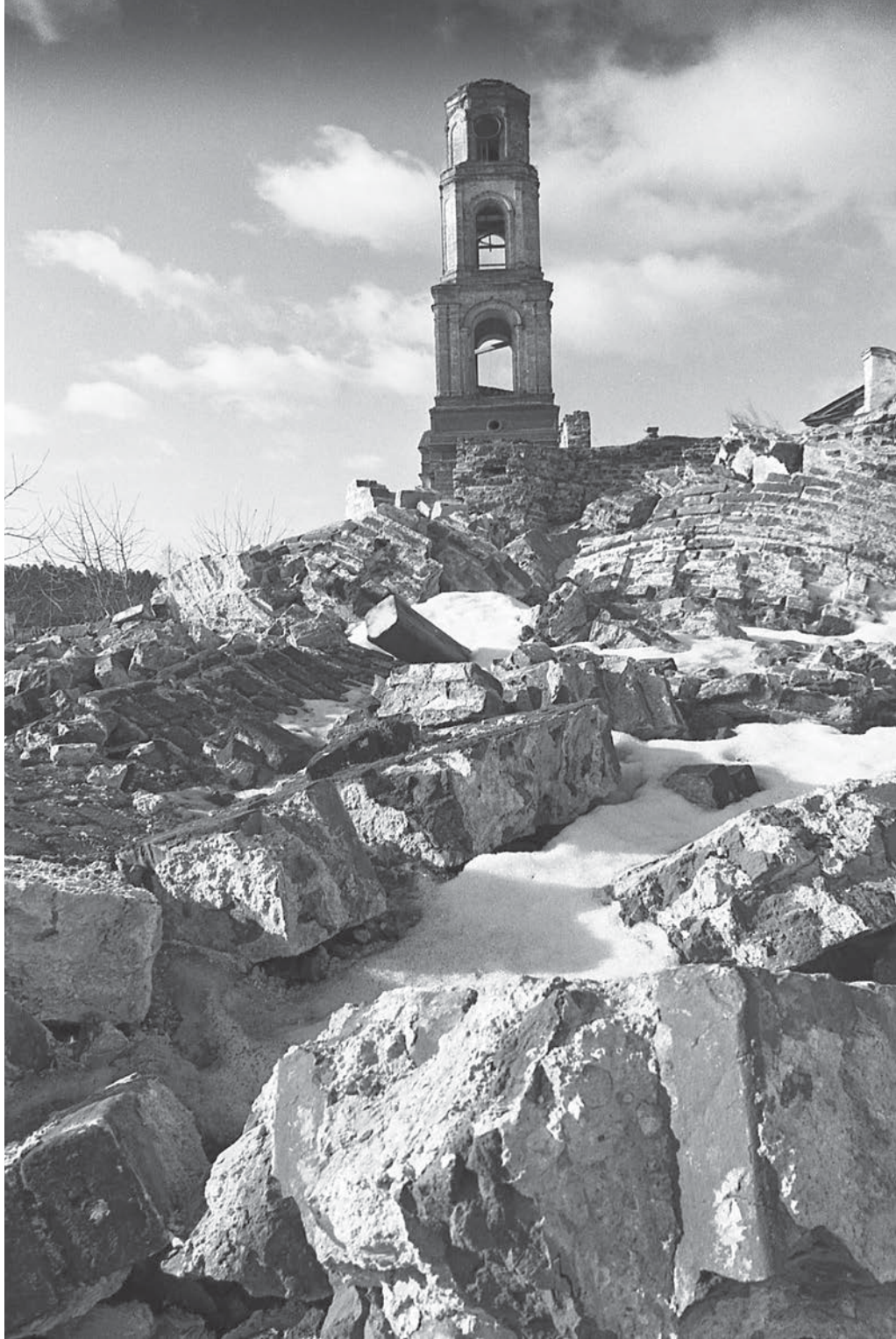
Издание представляет интерес
для широкого круга читателей

Формат 170x240
Бумага мелованная 90 г/м
Гарнитура
LazurskiCCT, Futuris CCT
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертикаль»:
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21

Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены. Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.

Годы разрухи. Раифа. Фото Александра Семенова

«РАИФСКИЙ ВЕСТНИК»
ПРЕДЛАГАЕТ
**дизайн
брошюр,
представительских
буклетов, газет,
журналов.**

ПО ВАШЕМУ ЗАКАЗУ
**возможна
верстка книг.**

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
**государственная
регистрация
изданий в Российской
книжной палате.**

ОБРАЩАТЬСЯ
+7- 9063-25-73-76

*Раифский
Альманах*

raifa@raifa.ru
<http://www.raifa.ru>
almanac